

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№2 2018

ISSN 0130-8173

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
В.И. Пестерев, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
К.В. Алексеев,
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 26.02.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

К 125-летию классика якутской литературы,
выдающегося государственного деятеля и учёного
П.А. Слепцова-Ойунского

Платон ОЙУНСКИЙ

БЕЗУМНЫЙ НИКУС

Монологи, произнесённые Никусом
перед сожжением заживо белыми

4

Проза

Николай ЛУГИНОВ

В преддверии перемен

(Повесть третья)

6

Поэзия. Новые переводы

Иван ГОГОЛЕВ

Материнский язык

Поэма

30

Новые переводы

Сэмэн ТУМАТ

Смертельный дрейф

36

Поэзия

Ирина ДМИТРИЕВА

*«Белая стая
сквозь солнце тянет
Тихой молитвы
нить...»*

54

Проза

Ольга ПАШКЕВИЧ

Малявка

Рассказ

57

Этот чудный мир искусства

Руслан БАХТИЯРОВ

“Чарующее свечение
галактического
пространства...”

70

Два рассказа

Виктор ВДОВИЧЕНКО

ПОЛЁТ К ЗВЁЗДАМ

СИРЕНЬ

74

Первые памятники якутской литературы

Валентина СЕМЕНОВА

«Воспоминания»

Художественный очерк
Афанасия Уваровского

83

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Владимир ПЕСТЕРЕВ

Намский
контрреволюционный
заговор –
сентябрь 1921 года

92

Платон ОЙУНСКИЙ

БЕЗУМНЫЙ НИКУС

Монологи, произнесённые Никусом
перед сожжением заживо белыми

ПЕРВЫЙ МОНОЛОГ

Сегодня – день большого торжества.

Все твари живые, все, кто дышит, ходит, ползает, летает и бегаёт – все ликуют от радости.

Мне ли плакать и стонать?

Или радоваться да хохотать? Если буду плакать и стонать, сочтут больным, а начну смеяться и веселиться – назовут сумасшедшим. Тяжко быть философом – все дразнят меня Безумным Никусом... Пускай я беден, пускай истрепана доха, пускай глаза у меня, рожденного в темноте, гноятся, я сижу и вижу насквозь все-все, в ничем ничего. Кабы грамотен был я, путь пролагал бы по звездам да письмам, а поскольку неуч – то, грех мой, отличаю зрением масти лишь картёжные.

Бог есть говорят, если б он был, сотворил бы нас вечно сытыми, с умом, не ведающим убийства и вражды...

От Каина по наши дни мы убиваем и враждуем, кровавые слезы льем. Люди не осознают это, муки и заботы дня сегодняшнего подавили сознание человечества.

Как мерцает в ночном небе свет Венеры, так и в срединном мире в мучительном бытии двуногих только разум и слово философа могут, сверкая как молния, грохоча как гром, просвещать людей, показывать, что есть добро и зло. Вот вчера, на радостях, что пришли белые, Яков, сын Нялбара, угостился саламатом. И сел, несчастный, известный всем скряга, кушать, заслоняя еду спиной. Пальцами растопыренными загребал,

рот широкий разевал, а глазами за дверью следил – быстро сожрал, облизнулся, но, по-моему, он-таки не познал вкуса саламата. В честь радости огромной белых не угостил, а масло, что копил на налог, слопал сам... Думаешь, белые победят? Я-то знаю повадки-нравы человеческие.

ВТОРОЙ МОНОЛОГ

Люди, наконец, узнали меня – назвали «философом». В тот день, когда нарекли «философом», мой желудок был пуст, так что большая доля разума моего была съедена желудком, даже гной на глазах моих высох... Если бы я был сыт, разум мой был бы полон, но голод сократил питательный сок для окормления моего ума.

Ох ты, ребята! Рожденный в царстве рабов и господ, стал я философом хилым, с недоношенным разумом, так что знаний у меня маловато, зато вижу многое... Разве белые, из-за того, что меня избили, победят красных? Похоже, они неверно поняли меня, даже если я «философ», почему я должен признать существование бога, которого нигде нет?

Оказывается, еще до зарождения невидимой Вселенной, земли и неба, от порыва магнитной бури, из огненного воздуха возникло первым солнце, и оно, сверкая и сияя, блистая и светясь, стало стержнем всего... Про это я узнал, изучая карты, с тех пор, как стал одержим манией философствовать, заболел умственной хворью...

ПЛАТОН ОЙУНСКИЙ. БЕЗУМНЫЙ НИКУС.

Был ли кто еще, не охваченный картежной заразой, есть ли кто, не плакавший кровью от страсти к картам?!

Нечисть картежную разве что женщина сможет победить, это они, женщины, владеют всеми мучительными страстями, силой плодить и рожать... Мужчина – лишь вспомогательная сила. Женщина знакома с наукой сорока четырех страстей-мучений! Род женский к красным примкнул, потому красные победят...

Несчастный Адам в погоне за Евой лишился рая, забыл закон бога-творца. Женская сила победила бога... Победенный бог – не бог. Разум двуногих рождает ремесло, видит невидимое, разрушает силу невидимого. Невидимые явятся, тени исчезнут. В это – верю я...

ТРЕТИЙ МОНОЛОГ

Белые обещали сжечь меня. Говорят, в древности пророков сжигали. Потому, видимо, и я могу считаться пророком. День становления пророком – для меня счастливый день, светлый день, вот почему люди среднего мира должны выслушать мои огненные слова. Оказывается, в старину мать-змея, лежа на берегу моря Джесёгёй, глотала землю, пила воду, потом оплодотворила саму себя и породила всех существ, которые движутся и дышат. От ее испражнений возникли и распространились насекомые. И это церковь учит, что все якобы создал бог...

Я, кажется, не смогу высказать все великие свои думы, по легкости своей вперед высказывают малые мысли. Видимо, по этой причине люди не понимают меня. Да, кстати, вспомнил: ночью мою драную шубу съела свинья. Чем больше дрожу от холода, тем становлюсь легче, разум гаснет, вспыхивает, догорая, как огонек, и все уменьшается, убавляется. Оказывается, мысли рождаются в тепле.

Вот досадно как, друг. Опустошается мое нутро от мыслей.

Попить бы молока, может, тогда мыслить бы обильнее... Молоко, оказывается, есть вода бессмертия для двуногих, белая благодать, которая продлевает жизнь, дает силы. У меня была

одна корова, но ее забрал сосед Яков Салбанов в счёт какого-то кабального долга. Вот что странно – оказалось, у власти белых есть закон, сжигающий человека, а закона, испепеляющего кабалу, нет. Потому и говорят издревле: попал в кабалу – кровью заплакал.

ЧЕТВЁРТЫЙ МОНОЛОГ

Сегодня день ветреный, пасмурный, мрачный. Мысли мои, вскипая вверх и клубясь, как дым, толкаются в оба виска. Шапку белые забрали, у меня замерзли мозги и глубокие думы, кажется, хотят покинуть меня. В обоих ушах шумит и гудит, оба глаза устремились вниз, в них носятся взад-вперед красные да зеленые огни.

Если закоченею насмерть, то сдохну, не сумею высказать ни одной глубокой мысли. Хоть бы дойти живым до сожжения, тогда б, по мере согревания, мысли глубинные вырвались бы и, став огненными семенами, рассеялись по всей земле. А у замерзшего мысли куда денутся, он же помирает от холода! Так что хорошо быть мне пророком – мое сознание превратится в огненные семена. Славлю за это белых!

Сжигайте живьем тех, кого хотите убить – тогда огненные семена умножатся, жить в среднем мире станет лучше, двуногий род поуменеет. До сих пор я жил в среднем мире под именем Безумного Никуса с гноем на глазах и в ветхой шубе. Всего-то богатства имел – единственную корову, да и та в смертный час ушла за долги. Был я бедняк, потому жил в деревянном балагане с четырьмя обледеневшими углами, чадным чувалом, задувающей дым внутрь трубой. Не грешил, не причинил зла племени рабов, не отказал никогда роду бродяг в ночлеге... Пришло время преобразования, превращения в семена огненные. Жгите скорей!!! Жгите скорей!!! Как будет жить бедняжка – моя супруга?! Хлев у нее пуст, дом закуржавел...

1923 г. 17/IX.
г. Ялта.

**Перевод с якутского
Аиты Шапошниковой.**

Николай ЛУГИНОВ,
народный писатель РС(Я)

В преддверии перемен*

(Повесть третья)

14. СЁГУН И ЕГО ПОЛКОВОДЦЫ

Сёгун был доволен собой, теперь, когда, наконец, дождался посыльного и получили донесение, выяснилось – он выиграл много времени, потому что заранее принял верное решение, направив основные войска на северо-запад, позволив им самостоятельно выбирать себе путь по зеленым пастбищам. Это оказалось выгодным – удалось сохранить силу конницы, и сейчас она легко сможет перенести дальние переходы. Благодаря этому, Турар со своими четырьмя сотнями за пять дней сумел преодолеть около 25 кёс и почти нагнал основную армию.

Спешно вызванные срочными посыльными, оба мегеня, старый и юный, предстали перед кёс-сёгуном...

Турар невольно усмехнулся, увидев их, но умело скрыл улыбку. Старый мегеней был юркий, глазастый, как белка, было видно, что в его голове постоянно вспыхивает множество коротких мыслей, возникает куча вопросов, а следом за ними и сумасбродных идей. Все они, промелькнув, также быстро гасли, как

и появлялись, уступая место толкающимся локтями очередным нахалам. Турару удивительно было наблюдать за своим ровесником, сохранившим чрезвычайно живой интерес ко всему окружающему его в мире. Каким же образом он остался таким ребенком? Его детская непосредственность, незамутненное опытом острое восприятие окружающего, были необъяснимы. Обычно от приобретенного опыта прожитой жизни, обретенных знаний, памяти о всевозможных событиях интерес к происходящему постепенно тускнеет. И всё потому, что про многие вроде бы новые начинания ты заранее знаешь, чем они закончатся... Поэтому особо не горишь, не веришь свежим идеям.

Сегун долго вглядывался в своих подчиненных, они оба были ему любопытны. С Батамаем они начинали службу в незапамятные времена. Но понять его и за эти годы оказалось невозможно. Никак нельзя было предположить, что он сейчас выкинет... Таким же для него был и собственный внук Бабыр, который сейчас стоял перед дедом, вытянувшись во весь рост – молчаливый генерал, ничем не проявляющий своих чувств перед начальником.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

*Окончание. Начало в № 1 «ПЗ» за 2018 г.

Когда молчание затянулось, Батамай всё же не выдержал и стал выказывать свое нетерпение, переминаясь с ноги на ногу и вглядываясь в лицо командующего. Но его ожидание было без напряжения и особого волнения, простое любопытство разбирало «молодого» человека.

– Ну что, командующие, войска готовы к срочным действиям? – прервал молчание Турар.

– Первая армия готова к любым действиям! – тут же выпалил Батамай. – Только прикажите.

– Вторая армия готова... – неспешно и степенно пробасил Бабыр.

– Очень хорошо... Наша цель – саратаи...

– А что саратаи?.. Да у них же и без нас полный развал. Чего их-то завоевывать? – Батамай не смог сдержать разочарование. – А я-то рассчитывал на достойного противника...

Батамай на полуслове запнулся, встретив строгий взгляд сегуна.

«Ну что за командующий!.. До седых волос не научился даже дослушать приказ, а пускается в рассуждения... Впрочем, ему уже поздно учиться, – с раздражением подумал сегун, но сдержался от замечания. – Впрочем, сам виноват. Кто его всю жизнь таскает на своем хвосте?.. В ином приличном месте такому балаболу вряд ли доверили бы и десяток воинов...»

– Так вот – саратаи... – изо всех сил подавляя раздражение, чтобы не вступить в перепалку, продолжил сегун. – У них накопились долги перед нашей казной, нам приказано собрать недоимки прошлых лет... Если не окажется ценностей в казне, что весьма возможно, нам придется изъять их у местных богачей... А сделать это подобающим образом, без всеобщего разорения – задача сложная.

Батамай опять, видимо, хотел вставить какую-то очередную ахинею, но почему-то остановился и, только неопределенно хмыкнув, с видимым усилием промолчал. «Какой подарок, что хоть на этот раз сумел сдержаться, – сегун одобрительно посмотрел на него, отметив несвойственный ему недюжинный подвиг... – Смотри-ка, учится... А ты подумал было...»

«Ох, если бы услышал Батамай эти

уничижительные мысли сегуна в свой адрес, обиделся бы на всю оставшуюся жизнь, а может, и прошлую перечеркнул. Ведь он считает себя незаурядным стратегом. Он участвовал почти во всех знаменитых походах, правда, в хвосте армии... Но с годами, после ухода в мир иной главных героев тех побед, он вначале осторожно, как бы ненароком, стал выдвигать на первое место свою роль. Очень выгодно жить долго и пережить свидетелей былых свершений, всех, кто может одернуть, поправить, поставив на место... Правда, у Батамая, к его великому сожалению, всё еще остались два неудобных свидетеля: я и старый китаец У Хуан, который, как назло, помнит подробности всех кампаний до мельчайших подробностей. В отличие от меня, китаец не смолчит, он не терпит даже малейшей неточности, тут же прилюдно разоблачит и пристыдит».

Старый сегун, немного недовольный собой за неуместно долгие промежутки в речи, намеренно откашлялся и продолжил:

– Это сложное дело, и я решил доверить его опытному и мудрому старому полководцу Батамаю...

От этих слов Батамай аж подпрыгнул, прямо зарделся весь от радостного волнения... По привычке он, видимо, захотел что-то уточнить или спросить, но запнулся на первых словах, смутившись. Покраснел, как мальчишка, и даже почесал облысевший затылок.

– Очень хорошо получилось, что мы своевременно скрытно выдвинулись на северо-запад. Значит, стали заметно ближе к Саратаю. Куда они кинутся в случае возникшей опасности? По нашим данным, их малочисленные части стоят только по северным окраинам своих владений. Поэтому поступим таким образом... – тут Турар взглянул на внука. – Бабыр, полукругом развернув войска в сторону возможного бегства саратаев, должен будет ждать их, как бы в засаде. А Батамай мгновенным быстрым переходом выдвинется, охватывая их с северо-запада. Они в панике попытаются спастись на юго-востоке. Пусть бегут, в горячих песках им некуда деться... Главное, отрезать пути отхода на запад – к предгорьям. Вот где они смогут затеряться.

Сёгун с удовлетворением заметил, что его приказ попал на благодатную почву внимания. Обоим командующим он был ясен. Это хорошо.

– Ставлю задачу: организовать дело так, чтобы обойтись без потерь. Это главное. Нам дорога каждая лошадь, а еще бесценнее – воин. Ибо воинов мы не набираем на стороне. И вы это хорошо знаете. Они у нас свои, и влились с девятилетнего возраста в наши ряды. Ни в коем случае не рисковать людьми, не посылать туда, где возможны засады. Не лениться выставлять передовые и боковые охранения. Не преувеличивайте свои силы! Поняли?

– Так точно...

– Но главное, вот что... При выдвижении к городу ты, Батамай, между отрядами оставляй открытые места. Цель проста: дать возможность саратаям убежать. Никого не преследовать, не мелочиться. Пусть бегут, здесь далеко не убежишь. Ты, Бабыр, то же самое делай. Твоя главная задача – захватывать крупные караваны-обозы, в которых, возможно, будут вывозить ценности. А с пустыми руками – пусть бегут. Не разменивайтесь на мелкие отряды, на нищих беженцев. Мы не грабители. Мы пришли за своим!

Очень надеюсь, что наемники, увидев бесполезность сопротивления, не вступят в бой. Поэтому дело надо вести так, чтобы стремительностью и неожиданностью сразу сломить сопротивление. Но запомните, никогда не доводите противника до безысходного состояния. Путь к спасению должен быть всегда открыт. Иначе принудите их к бессмысленной обороне, а это нам ни к чему. Особенно, это касается туркменов-наемников, они доблестные воины, верные слову и присяге. Не нужно испытывать их терпение. Пусть уходят.

– Но они ныне пешие. Кони, отпущенные на горные пастбища, нами угнаны.

– Это очень хорошо. Но, тем не менее, им надо дать уйти. Как это сделать, Батамай, ты, конечно, знаешь. А если забыл, напомним: оставляйте им открытые фланги, заранее предусмотрев, чтоб там не было наших обозов. Бабыр, будь осторожен. Не забудь с севера выставить караулы.

– А что, могут вызвать подмогу? – спросил внук.

– А почему бы и нет? Золото – вещь привлекательная. Его всякому хочется. Поэтому лучше быть начеку. Батамай, когда займешь город, дай мне знать, я со своими сотнями подойду с юга... Вот еще что... Придется мне опять напомнить – не переусердствуй. Выполняй всё точно в срок, понял? Чтобы мы действовали слаженно.

– Понял... Я давно понял... – старик стушевался и опять почесал голый затылок.

– Это я к тому, что нам ни к чему наживать врагов. Мы врываемся в их жизнь по государственной необходимости, в том не они сами повинны, а их правители и пустая казна, поэтому мы должны вытребовать только недоимки прошлых лет, но не более. Об этом все должны знать... И никаких излишеств в применении силы. Кто сопротивляется, не подчиняется – применяйте силу, заставьте смириться, а с остальными постарайтесь мирно договориться. Всё. Я сказал!

– Вы сказали, мы услышали.

15. РАЗДУМЬЯ ОБ УЧАСТИ САРАТАЯ

Когда полководцы ушли, сёгун, наконец, дал волю с трудом сдерживаемым чувствам и от души с удовольствием засмеялся. Какие они разные! Один преклонных лет, но какая живость: все его мысли ясно отражаются на лице, как у ребенка. Ничего не может скрыть. Поэтому его всегда можно разыграть. А другой, хоть и юноша, но неприступен, как камень. Что он про себя думает, согласен или против – не поймешь. Немногословен, скорее, молчалив, как умудрённый грозный старик. И в кого он пошел? Наверное, и в этом случае в мать... Это не сулит ему спокойной жизни. Как и в случае с Арсланом – в нем кровь древнего рода, она несет в себе слишком многое. Беспокойное у них племя. Многих кровавых распрей они были начинателями, вся безбрежная степь усеяна их костями, а сколько погибло из других племен,

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

попавших им под горячую руку – и вовсе неизвестно. Один Всевышний знает об этом.

Со стороны кажется, что у всех правителей мира очень уверенная поступь. А, оказывается, на поверку – и они не вольны. Незавидный у них удел, всю жизнь делать вид, что всё решается ими. Человек, попавший в область их влияния, теряет свою волю и личную судьбу, становясь всего лишь придатком их деяний. Каких бы ты не достиг чинов, званий и должностей, вне их круга влияния – ты ничего не значащее ничтожество.

– Избави, Тэнгри... – хочется взмолиться на старости лет... Но не спасают просьбы.

По настоянию покойного Усумана первой и единственной женой Арслана стала племянница саархаана по восточной линии Майа-Хотун. Юная, но своенравная и даже суровая была девочка. Она стала матерью Акола и Бабыра.

Бабыр весь в нее, а Акол – другой. С малых лет словно носит в себе печать тяжелых раздумий о переустройстве мира.

Простому смертному трудно помыслить об огромности этих забот: о необходимости определять судьбы родов, а то и целых народов, распределить, кому где кочевать, какими землями владеть... Наверное, потому особо избранные и посылаются в мир, что дело это изначально греховное, ибо как человеку определить меру праведности и справедливости.

Разве можно в оправдание себе на бога сослаться, что, мол, они проводники божьего промысла.

Нам, живущим без особого предназначения, и, весьма возможно, отчитывающимся перед Всевышним не каждый отдельно, а скопом, понять естественность таких объяснений вряд ли возможно. Да нам и ненужно. Хотя, попадая в водоворот их высокого предназначения, как вынужденно выпало это мне, никуда не денешься – примешь участие во всех их праведных и неправедных свершениях. А жизнь потом подскажет, какие были чаще.

Утешение только в том, что мы делаем всё это подневольно. От нас «почти ничего» не зависит. И это «почти ничего» – тяготит в итоге... Значит,

лазейка эта создаёт возможность не только безоговорочно подчиняться. Но во благо ли будет это послушание?

Поэтому спрашивать с нас за их грехи и не должны... Сколько не думай об этом, полной уверенности всё равно нет. Если господская воля всё может перевернуть в этом мире, возможно, в том она столь же всемогуща.

Кто может поручиться, что все его деяния праведны? Вот и получается, что служа им, и нам приходится совершать множество грехов. В ратном деле как без насилия? Без этого нельзя подчинить армии противника, захватить города. Как обойтись без публичных казней и наказаний для устрашения? Как без них? Они необходимы, как самый действенный способ усмирения. Только принося в жертву немногих, удаётся добиться подчинения большинства,

Дело это чрезвычайно тонкое. Несведущий человек может подумать: «Хорошо бы только добром и лаской». Хорошо-то хорошо, но на деле такое действие часто может быть воспринято как слабость и обернется еще большей бедой, и вместо нескольких смертей приведет к гибели тысяч, когда придется усмирять восставший народ.

Старому Турару очень не понравилось решение саархаана захватить Саратай силой, чтобы вернуть недоимки прошлых лет... Это обязательно повлечет сопротивление. Очень трудно будет удержать армию в чужих владениях и принудить ее вести себя пристойно. Но в этом он может признаться только себе.

Существует множество мирных способов давления, и таким образом, прежде всего, надо попробовать получить долги.

Непонятно, чем они в штабе руководствовались при принятии решения. Но им, видимо, показалось, что избран самый легкий и быстрый путь. Хорошо, сейчас недоимки соберут. А что будет потом? Как и без того разрушенное государство будет жить? Каким способом оно потом будет отдавать налоги? А если народ

вообще разбежится? Расчет на то, что золото их земли все равно притянет новых искателей приключений – очень сомнителен. Ибо это будет уже не народ и не государство, а пространство, на котором правят кучки разнородных банд. С них никаким способом ничего не возьмешь... Они нагрябят и исчезнут. Если даже поймаешь, всегда трудно доказать, кто из них что делал. Такое положение дел вынуждает истреблять их поголовно... А это значит, что под меч с двумя-тремя бандитами попадут десять невиновных... Это для нас, исполнителей, тяжкий грех... И об этом начинаешь год от года думать всё чаще. А как иначе? Кто будет держать ответ перед Тэнгри? Не саархаан же... Конечно, непосредственные исполнители. А кто приказ дает? Не Генштаб же, который на самом деле принимает решение, а сёгун... Бедный бесправный сёгун, зажатый со всех сторон невозможными требованиями. На деле выходит, это он кругом виноват, даже перед Всевышним.

В случае с Саратаем существует давно опробованный способ. Можно поставить своего правителя с кучкой местных сторонников вокруг, следящих за исполнением всех его распоряжений в стране. До тех пор, пока он не укрепит, чтобы расставить своих, верных людей, обеспечивающих порядок. Оставили бы на горных пастбищах несколько сотен для моральной поддержки. Хватило бы для этого всего четырех-пяти сюнов. И гораздо меньше потерь в итоге, и налоги собираются в срок.

Хорошо бы...

Нам скажут, что нельзя влезать в государственные дела. Мол, наше дело не государственную политику строить, а охранять, а то и пограбить, кого укажут... Но куда лучше действовать, обдумав всё, и не допускать, чтобы раздор вышел из-под контроля. Какова наша цель? Нам нужна устойчивая власть в Саратае, чтобы получать налоги. Для этого надо или дожидаться, когда передерутся и утихомятся, или поставить своего правителя. Но как тут найдешь достойного, когда кругом разбойник на разбойнике? Но надо. Выхода другого нет. Иначе в будущем трудностей не оберешься.

Да и народ жалко. Не виноват он, что из-за извечной человеческой жажды наживы попал в руки разбойникам: столько богатства вокруг – золото, драгоценные камни. Вроде и забот: организуй добычу, гони караваны в Китай и живи припеваючи. Так нет же... Поделить не могут.

Тут Турар вспомнил одного своего бывшего ставленника, которому когда-то помог взойти на престол Саратая. При нем же многое выправилось, сложились, хоть и слабые, но основы государства, был мало-мальский порядок.

Как же его звали?.. Кажется, О... Отор... Нет-нет... Окун! Да-да, Окун! Как бы его найти и снова посадить на трон. Но где его найдешь? После изгнания, скорее всего, убили его. Но надо распорядиться о поиске, пусть ищут. Вдруг найдут. Это может помочь нам в дальнейшем.

Разбойничьему Саратаю нужен именно такой предводитель, этот всех проведет за нос, всех обманет, но и всех уговорит, со всеми найдет общий язык и в конечном итоге утихомярит всех малых, средних и крупных бандитов.

16. ИСТОРИЯ САРАТАЯ

Недолга история Саратая. Еще каких-нибудь тридцать лет назад никто слыхом не слыхивал о таком государстве...

Дело было так...

Основатели Саратая построили свое новое государство не на богатстве, тогда его еще не было, а на человеческой алчности и жажде быстро разбогатеть. На выбранном для поселения месте, на этих голых камнях, ничего нельзя было вырастить – засушливым летом все выгорало, а суровыми зимними ветрами все заметало снегом.

Зелень бывала здесь в короткий период ранней весны – до прихода летней жары и поздней осенью – в период дождей. До основания Саратая эти гиблые места обходили даже немногочисленные кочевые племена.

Но полвека назад узнали люди, что горы эти богаты ценным в Китае, якобы приносящим

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

счастье, мягким камнем нефритом. В Китае, где народу было очень много, а счастья мало, эта новость сработала как нигде.

И ушлые люди, решив нагреть на этом руки, действовали решительно. Понавезли рабов и основали у речушки поселение, которое быстро стало разрастаться.

Спрос на нефрит возрастал год от года, со временем обнаружались и другие редкие камни. Торговля оживилась. До главного потребителя – Китая – был проложен круглогодичный караванный путь.

Где-то на седьмом году с основания поселения недалеко обнаружили залежи серебра, а еще через пару лет – очень богатое месторождение россыпного золота. Новость о золоте мгновенно достигла самых далеких окраин, и отовсюду устремились в Саратай люди определённого поведения и характера, единственным стремлением которых было разбогатеть легко и быстро.

Стремительно и до неузнаваемости изменился Саратай. Население выросло в несколько раз. Возле горных месторождений образовалось несколько десятков новых поселений.

Подавляющее большинство жителей состояло из случайных людей, по собственному желанию оторвавшихся от родовых корней, либо изгнанных за какую-то вину проходимцев, склонных ко всякого рода махинациям, воровству, мотовству, разбою. Очень долго спокойно жить в этих местах ни у кого не получалось.

Это подтолкнуло к самоорганизации, родилось что-то, похожее на государство. Появились вооруженные люди, не грабившие, а следящие за порядком, суды и даже подобие армии. Но солдаты, набранные из своих, не связанных никакими общими интересами бродяг, тут же начинали грабить всех подряд. Попытки власти усмирить свою же бывшую армию, ставшую вдруг повстанческой, закончились безуспешно. Они не поддавались никаким увещаниям. В то же время правители поняли, что опасно иметь под боком вооруженных людей, готовых в любой миг поднять бунт.

Перевороты и предательства случались в Саратае довольно часто. Из-за них погибало множество людей, но население постоянно многократно увеличивалось за счет новых бродяг.

Очередные правители, захватившие власть с превеликим трудом и наученные горьким опытом предыдущих, разогнали остатки старой армии, собранной из местных жителей. Многие солдаты сразу же стали разбойниками. Новые правители не пожалели денег и пригласили наемников из окраинных кочевых племен. Наемники, крепко связанные между собой родовыми устоями, оказались на редкость исполнительными и послушными, надежными и верными служаками.

Если в первые годы существования Саратай правители удерживались на троне года по три, то после обнаружения золота и начала его добычи перевороты происходили чуть ли не ежегодно.

Один из переворотов удалось произвести человеку по имени Окун.

Как оказалось, Турар его хорошо знал. Он был выходцем из одного северо-западного племени. Кажется, даже принадлежал к числу беглых поселенцев. Рано убежав из дома, скитался по разным городам, вместе с караваном объездил множество земель. В одно время каким-то образом прибил к армии Турара. Сначала был в качестве проводника. Затем, заслужив доверие, стал помощником у торговых поверенных армии, добывал продовольствие и фураж. Но вскоре этому непоседе наскучила однообразная армейская служба, и он упросил отпустить его, хотя вполне, по своему обыкновению, мог бы тихо исчезнуть, однажды не вернувшись с деловой поездки – мало ли что могло с ним произойти... Но он решил сохранить хорошие отношения с командующим хуннов.

Впоследствии, в самые решающие дни борьбы за власть, это ему очень помогло.

А случилось всё так: после службы в хуннской армии Окун некоторое время скитался по караванным путям. А затем оказался в Саратае. Благодаря остроте ума, знанию языков, опыту путешественника, он снискал доверие

очередного правителя. Дождавшись смутного времени, когда восставшие свергли своих властителей, ему удалось всё подстроить так, что в правители выдвинули его... Борьба была нешуточной, с обязательным и обильным в тех местах кровопролитием. Для окончательной победы Окуну не хватало если не простой грубой силы, то хотя бы обязательства о сотрудничестве с сильными мира сего.

На его счастье, в ту осень мимо Саратая проходило хуннское войско, с тяжелой добычей возвращавшееся из очередного похода. Окун сумел пробиться к сегуну Турару, который признал его и, конечно же, поддержал.

Этого было достаточно, чтобы Окун безошибочно стал правителем Саратая.

17. ОКУН, БЫВШИЙ ПРАВИТЕЛЬ САРАТАЯ

Внешне Окун был довольно невзрачным: малорослый, худощавый. Поведением тоже выделялся – очень быстр в принятии решений и резок в движениях. Не мог он долго усидеть на одном месте. И хотя особо не отличался красноречием, но каким-то образом умел приковать к себе внимание окружающих, а при необходимости убедить их согласиться со своим мнением.

Со всеми этими особенностями он мог стать правителем только в Саратае, население которого состояло в основном из бродяг и отщепенцев, потерявших связь с родными. К тому же эти люди без роду и племени собрались вместе совсем недавно, в последние несколько десятилетий.

Любое племя, сохранившее свои древние родовые устои, намного сильнее потерявшего их или вовсе не имеющего по молодости своему. И пусть временно это юное столпотворение народов будет богаче самого богатого и сильнее сильного, но останутся эти толпы всего лишь сбродом. Ибо родовые взаимоотношения не только скрепляют взаимозависимостью и усиливают взаимовыручкой, но и пронизывают каждого члена рода множеством морально-

нравственных неписаных законов, преступать которые никому не дозволяется, а значит, такой человеческий корешок цепляется за землю с утысячеренной силой.

Внутри рода каждый, кроме обязанностей, ощущает при любых жизненных обстоятельствах свою защищённость. Если он не преступит через установленные для всех морально-нравственные устои, он никогда не будет покинут, брошен, забыт, его всегда защитят. Кажущаяся тягота ответственности перед родом на самом деле стимулирует проявление только положительных, поощряемых обществом качеств и подавляет или сдерживает проявление отрицательных и опасных для окружающих.

А так как история рода состоит из общей памяти её членов, судьба каждого человека должна наилучшим образом вписаться в общее летописание, по возможности становясь её украшением и гордостью. Любое поведенческое послабление себе, а тем более вольность – чреватые изгнанием. Стать отщепенцем не то же самое, что отшельником. Отщепенец – опасен.

Поэтому, с одной стороны, ты – защищен, с другой стороны – ты весь в долгах перед родом. Пока в силах, обязан и должен служить, защищать, отстаивать интересы рода – это тоже несладко.

К тому же в роду существует строгая иерархия, у каждого свое определенное место, оно становится твоим сразу же после рождения – по положению родителей в роду. В течение жизни вполне возможно его изменение в зависимости от личных достоинств и достигнутых успехов. Но очень редко это случается.

В роду каждый человек на виду – соплеменники знают все не только о нем, а еще на несколько поколений вглубь. Потому не только характер, но и поведение любого выдвиженца заранее предсказуемо. При такой глубокой оценке почти никогда не может быть неожиданностей и ошибок.

У саратаев ничего подобного не могло быть. Все жили вне рода – вольные, свободные люди, независимые от каких-либо общих правил. Никто ничего никому здесь был не должен.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

Каждый отвечал сам за себя... Попал в беду и сумел справиться сам – считай, повезло... Не хватило силенок – никто тебе не поможет. Ибо их, съехавшихся сюда со всего света, ничто не объединяло, кроме жажды наживы. Стремление быстро разбогатеть любой ценой – не лучший из спланированных людей скрепов. Каждый из этих людей ради призрачного богатства бросил на родине всё прежде самое дорогое. Они променяли на «золотые горы» любовь ближних, ответственность перед обществом, дом, часто и семью. Некоторые, немного подзаработав или потерпев крах, возвращались назад. Но их было ничтожное меньшинство, остальные же – оседали здесь, вливаясь в толпу постоянных жителей Саратая, в дальнейшем чаще всего безвестно пропадавших неизвестно по какой причине...

Странно, что все они приезжали на время. Почти никто не собирался оставаться тут насовсем, рассчитывая при первой возможности уехать отсюда, чтобы никогда не возвращаться. Но с каждым годом возможностей быстрого обогащения становилось всё меньше. Но бездонный омут мечты с каждым годом сильнее затягивал их.

Многие, очень многие сложили горячие головы в погоне за мнимым богатством. А те немногие, которые достигли столь чаемого обогащения, из-за страха быть ограбленными живут в тесном окружении охраны, в каменных казематах крепостей, как в тюрьме, не зная вольного ветра, почти не имея возможности свободно передвигаться. Ибо в этом разбойничьем краю чуть зазеваешься, сразу очутишься у бандитов, которые вчера еще были твоими соседями или поделщиками.

Из наживших состояние в Саратае мало кто доживал до старости, а еще меньше – умирал своей смертью. Печально и то, что наследники не умели нажитое сохранить, а тем более приумножить, и сразу пускали всё по ветру...

Удивило Турарато, что это собрание грабителей с большой дороги догадалось преподнести окружающим свою банду как обычное благочестивое государство. Ввели даже некое

подобие законов. Утвердили правила поведения – завели людей, следящих за порядком, охраняющих общественный покой. Вроде всё правильно. Да только не было у них никакого понятия о незыблемости родовых устоев и об ответственности перед соотечественниками. Почувствовав узаконенную силу, тут же опять начали обирать всех подряд, особенно тяжко пришлось состоятельным людям, которые их сами и выдвинули. Богатым срочно пришлось договариваться с кочевыми племенами, чтобы они за солидное вознаграждение, собранное у всего населения, навели порядок и следили за ним впредь.

Было опасение, что чужеземцы, ничем не связанные с местным населением, тоже начнут грабить. Но те оказались несравненно надежнее и благоразумнее бандитов. Худшие опасения не оправдались – чужаки получали свою плату и занимались только общественной безопасностью, стараясь держаться подальше от внутренних распри саратайцев. Редкие случаи разбоя среди своих же людей ими жёстко пресекались. С правителями Саратая наемники всегда были учтивы, четко следуя букве договора.

Пришло время, и с общего согласия руками наемников был побежден бандитизм и разбой. Попавшихся на грабежах казнили при большом стечении народа. Успели даже прописать в законах некоторые виды наказания. От тяжести преступления зависело, чего заслуживал виновный – отсечения пальцев, рук, ног или головы.

И тут наемники проявили свою особую жестокость. Никакие доводы преступников в свою пользу, чтобы смягчить наказание, ими не принимались. Кстати, все это было четко оговорено в соглашении, потому и было неоспоримо.

Рассказывают, что однажды при ночном грабеже среди других попался с поличным сын богатого купца, за которого отец предложил крупную сумму. Многие юнца поддержали, заступились за него и поручились в дальнейшем за его благонадёжность, но судьи были

непреклонны. Виновника обезглавили вместе с соучастниками.

Удивительным для саратайцев стало такое соблюдение каждой статьи договора, ими же написанного, но вряд ли они ожидали столь четкого их исполнения. На свою голову они так жестко оговорили все возможные мелочи, что и рады и не рады теперь были непреклонному их исполнению со стороны наемников.

Турару было ясно, что именно эта особенность кочевников и делала их надежными союзниками.

После беспощадного подавления мелкого бандитизма жизнь стала постепенно налаживаться. Ибо остались только крупные разбойники, давно разбогатевшие и остепенившиеся, ставшие уважаемыми людьми Саратая.

18. ОСАДА САРАТАЯ

Бабыр выдвинул свой меген с юга, осторожно приблизился к саратайским владениям и рассредоточил войско в засаде на наиболее вероятных путях отступления противника. Помня о совете деда, заранее распорядился – особое внимание уделять северной стороне, во избежание возможной помощи саратаям.

Батамай же, наоборот, повернул с севера на юг. Подняв свой меген по тревоге, срочно выдвинулся к заранее разведанным окраинам Саратая, до которых ему было рукой подать – всего-то 50 ли¹ по китайским меркам, по-хуннским же совсем ничего – два с половиной кёс².

С первых же шагов им повезло. Они отсекали от основного городского поселения около ста всадников-наемников, обычное количество для этого времени года. Остальные четыре их сотни с наступлением весны были отпущены домой до начала осени.

Своим быстрым переходом Батамаю удалось избежать прямого столкновения с наемниками и возможного кровопролития. Несмотря на

¹ Ли – мера длины по-китайски – примерно 0,5 км.

² Кёс – мера длины по-хуннски – один час езды верхом на лошади (10 км).

малочисленность, их нанимали для защиты не зря – прекрасная боевая выучка сочеталась у кочевников с отличным умением всадника.

По наступлении сумерек Батамай пригласил командующего наемников на переговоры. Оба командира встретились на ничьей земле.

Наёмник оказался почти ровесником Батамая, и был очень удручен созданным положением. Особенно после предложения хунна:

– Предлагаем вам разойтись с миром. Дорога на север для вас открыта. Мы не намерены вас преследовать.

– Всё бы хорошо, но, бросив на произвол саратаев, мы потеряем доброе имя. У нас же договор. Мы не можем оставить их в беде. Мы не уйдем.

– А что делать? Вас мало, биться с нами дело безнадежное. Ты только зря положишь своих людей. Пожалей своих воинов.

– Так-то оно так, – заладил тот. – И ты нас пойми, у нас договор.

– Да что ты договором своим мне голову морочишь! Мы же не грабить пришли, у нас с ними тоже договор, по которому они должны платить дань. Но много лет этого не делают, недоимки достигли немыслимой суммы. Мы их предупреждали несколько раз. Они пренебрегли нашими предостережениями, хотя, как нам известно, ежегодно отправляют в Китай до 50-ти караванов с драгоценностями.

– Ну, это ваши счёты с ними. А у нас свой договор. Не можем мы его нарушить. Это для нас свято, – твердо стоял на своём командир сотни.

– Наши части уже в городе, – соврал Батамай. – Поэтому от вашего упрямства, кроме вреда самим себе, толку не будет. Нас много и мы сильней, а главное – мы хунны. – Пришлось Батамаю применить и этот довод.

– Мы знаем о вашей силе. Вы серьезные противники...

– Тогда что же? Ты – старый полководец – поведёшь своих молоденьких ребят на верную гибель?

– Что делать... У нас договор. Не можем мы его нарушить. Договор заключил – о голове не принято думать.

– Ну что ты талдычишь одно и то же? Ведь о людских головах речь ведёшь... не бараньих. К тому же, я уверен, что и вам они вряд ли все оплатили сполна, как прописано в договоре. Так? Признайся!

– Да... – вдруг покраснев, еле выдавил полководец. – Так, конечно. Плату почти за полтора года они нам задолжали. Но, все равно, оставлять их в беде нехорошо, нечестно будет, – старый вояка почесал затылок.

Было видно, что он впервые с начала разговора засомневался, и Батамай поспешил воспользоваться этим:

– И после всего этого, когда они все свои обязательства нарушили в одностороннем порядке, ты говоришь про договор? Всё! Иди, отведи своих мальчиков подальше и жди. Мы ведь не завоеватели, – еще раз повторил Батамай, – а просто приехали за долгом. Свое возьмем и, никого не тронув, уйдем. Ты же защищать от нападения должен. А мы не намерены воевать. А твою задолженность я тоже вытребую у них и отдам тебе в точности.

– Не было так никогда... Неправильно это. Нехорошо получается...

– Всё, хватит попусту болтать, время дорого. Дай руку, – Батамай схватил его руку и поднял до самого лица ошеломленного полководца неожиданное их рукопожатие. – Неуплата в срок делает ваш договор недействительным. Ты имеешь полное право уехать. Но этого и делать не надо. Просто отойди на кёс и подожди. Мои люди принесут тебе задолженность Саратая перед вами через два-три дня.

* * *

Батамай, неожиданно даже для себя вырвав перемирие, стал сильно сомневаться: не превысил ли свои полномочия, обещав вытребовать у саратаев долг наёмников, ещё не зная, удастся ли получить свою-то сумму сполна. Пока еще ничего не известно. Но слово сказано. Обратно не вернешь. Теперь только вперед. Каким-то способом надо успеть захватить казну саратаев.

Когда понурые кочевники отошли на север, Батамай повел войско на город, все же, на всякий случай, оставив сотню для охраны с севера, вдруг наёмники надумают вернуться.

Улицы города были пустынно и спокойны. Никаких беженцев. Никакой паники. Люди явно ничего не поняли. Даже когда по улицам проскакали конные отряды, они ничего дурного не заподозрили, видимо, приняв их за своих наёмников. Внутренняя охрана, состоящая всего из одной сотни, призванная следить за порядком в городе, была схвачена возле здания управы. Они и не думали сопротивляться, просто привычно подчинились новым хозяевам.

Полностью разоружать их Батамай не стал. Изъяв только луки и стрелы, оставил ножи, сабли и пики. Когда они построились, их оказалось всего сто двадцать три человека. Ни одной лошади у них не имелось. Только несколько верблюдов и десяток ослов.

Батамай, подумав, решил рискнуть и послал за начальниками самих же охранников. Отпустив их, стал ждать – было очень сомнительно, что они не ударятся в бега.

Но, к великому его удивлению, все до одного вернулись и привели перепуганных чиновников. Видимо, сработало привычное желание выслужиться перед новыми хозяевами.

Батамай, довольный собой, тут же послал гонца к кёс-сёгуну. А увидев на лице начальников следы насилия, сразу же при всех сделал замечания охранникам, объяснив, что следует уважать власти города, которые в тяжёлое время остались на своём посту, и проявлять учтивость при общении с ними. В то же время, как бы невзначай, поинтересовался, много ли задолжала им казна. Вопрос этот не оставил воинов равнодушными, охранники, видимо, решили, что с приходом новой власти у них появилась надежда получить обещанное вознаграждение.

Тем временем прибыл сёгун. При нем открыли хасыну³, но, к сожалению всех сторон, она оказалась совершенно пустой.

– Как же это так? – изумился Батамай, уже обещавший крупную сумму наёмникам. – Как го-

³ Хасына – казна, хранилище.

сударство может существовать без накоплений на черный день?

– Значит, может... – хмуро отрезал Турар, поглядел на чиновников, понуро свесивших головы, и добавил, повышая голос: – Может... Но только в одном случае, если этим государством правила шайка воров.

Главный казначей, опасаясь немедленной кары за содеянное им, поспешил смягчить положение оправданием:

– Мы недавно отправили в Китай двенадцать караванов – по сотне верблюдов с золотом и драгоценностями. Со дня на день они вернутся с товаром и деньгами.

– Я очень сомневаюсь в этом. Хотя очень хочется верить тебе. Слухи распространяется быстрее всяких нарочных.

– Тогда что будем делать с этой шайкой? – как бы наивно спросил Батамай.

Сёгун не спешил с ответом. Он стоял, отвернувшись ото всех. Грозным должно было показаться виновным его молчание. Подождал еще немного и решительно повернулся к ожидавшим своей участи бывшим начальникам.

– Мне поручено взыскать с вас недоимки за три года, а казна разворована. Кем?

Надо полагать, вами. Что мне делать? Поручение надо выполнять. Прежде всего, я приказываю взыскать наворованное с вас самих и ваших родственников. Затем придется обложить единовременной данью всех наиболее состоятельных людей. Поэтому, господа начальники, возьмёмся за дело. А пока всех освобождаю. И быстро за работу! Начнем со списков.

– И купцов обложить... – вставил Батамай, вспомнив о своем обещании наемникам.

– Я думаю, с купцами подождем. Именно они кормят и одевают народ, – нахмурившись, сказал сёгун. – Разорим их – совсем беда будет. С них попросим добровольные пожертвования.

Батамай озадаченно почесал затылок. Конечно, он до таких тонкостей ни за что не додумался бы. Выслушавшего и понявшего приказ сёгуна, его теперь заботило другое: он же обещал командующему наёмными войсками вернуть их долг.

А вышло, что обеспечить это очень непросто. Не мог он знать, что хасына пуста...

Никак ему не могло войти в голову, что такое богатое государство, основным делом которого был сбор налога с добытчиков золота, серебра и драгоценных камней, вдруг окажется нищим. Надо же так провороваться, чтобы несколько лет подряд держать казну совершенно пустой...

Когда после нескольких робких попыток все же признался о своем обещании Турару, тот молча покачав головой, сказал:

– Ну что же делать. Сам обещал, самому придется и выполнять, иначе нельзя. – И смех и грех с этим «наивным стариком», не показав свою усмешку, подумал Турар и добавил: – Но только после сбора недоимки для саархаана.

– Ты сказал! – бодро ответил Батамай и про себя подумал: «Очень хорошо. Я с них семь шкур спущу, но выполню обещанное, не быть мне мегенеем».

19. САРАТАЙ СДАЁТСЯ

Наконец, поняв, что в город ворвались войска хуннов, жители Саратая наглухо закрылись в своих каменных домах, любопытно глаза через крошечные окна.

Оказывается, каждая состоятельная семья, привыкшая надеяться в первую очередь на себя, имела свою вооруженную охрану, человек по десять-двадцать. У особо обогатившихся были настоящие дружины. Поэтому взять налог с них мирно не удалось. Они оказали яростное сопротивление. Турар, зная, что хунны не умеют воевать в тесных городских условиях, не стал трогать забаррикадировавшихся и привычных к такого рода обороне саратайцев. Так глупо потерять даже часть своих воинов он допустить не мог.

Решение пришло, откуда не ждали. Умасленные доверием Батамая саратайские квартальные сами предложили свои услуги, и помощь их была одобрена.

Турар поражался тому, как ходко пошло дело. Саратайцы так старались, что хуннам даже

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

пришлось сдерживать своих слишком рьяных новых союзников.

Они были беспощадны к своим же землякам и вчерашним хозяевам, перед которыми в свое время, возможно, так же рьяно выслуживались.

Турар прекрасно понимал, что происходило вокруг, слишком хорошо изучив породу этих людей, вышедших из преступной среды. К сожалению, принимая их помощь, на них нельзя было полагаться ни в чем. Свирепость и жестокость у них показные. Они, только ощущая нешуточную поддержку толпы, становятся такими решительными. А как только останутся один на один с опасностью, то тут же превращаются в истеричных бездумных паникеров и трусов.

Турар точно знал, что человек, которому, кроме награбленного, нечем больше дорожить в жизни, у которого, значит, и святого ничего нет, не способен на поступок ради нематериальных благ. Подвига без самопожертвования не бывает. А жертвенность во имя процветания семьи, рода, государства – высшая добродетель хунна.

По распоряжению сегуна Батамай держал при каждом их отряде своих людей, они руководили ими, вмешиваясь при необходимости и одергивая, не допуская зверств и убийств.

Это, конечно, не нравилось бывшим надзирателям, но они были приучены признавать безоговорочное превосходство силы. С каждым днем становилось всё яснее, что ни о каких постоянных отношениях с ними и речи не могло идти. И речь тут шла вовсе не о верности хуннам, вовсе нет... Они просто не знали, что это такое. Этот народец, как только почувствует слабость, сразу же покажет звериный оскал. И неважно, что совсем недавно они жили с тобой по одним правилам – душа в душу. Подлая, предательская сущность у них.

Тем временем, пользуясь нарастающим общим беспорядком, поднялась волна разгула и мародерства. При первой возможности грабили и убивали слабых.

Народ тут же бросился к хуннам, прося у них защиты и требуя принятия самых суровых мер против мародеров.

Хуннам это было на руку. Они только попросили жителей оказать содействие и указать виновников. Пойманные тут же за два-три дня мародеры были прилюдно казнены. А тех немногих, что попытались убежать, чуть позже настигли в пустыне, на месте расправившись с ними.

После этого народ проникся к хуннам доверием, и когда жителям Саратая объяснили об их задолженности, они вызвались собрать нужную сумму сами.

Как ни удивительно, это им удалось за три дня. Видимо, народ тут был очень зажиточен. Да и войны никто не хотел. В общую сумму, по настоянию Батамая, был включен и долг перед наемниками, уступившими Саратай без боя. Поэтому все остались довольны.

Когда войска собрались покинуть город, саратайцы, большей частью обычные жители, стали умолять их остаться, боясь, главным образом, своих же квартальных надзирателей. Но это никак не входило в планы хуннов. Хотя сёгун и сам понимал, что может случиться после их ухода, по опыту знал. Хунны показали им свою силу, и они присмирели. Но немного привыкнув, они выступят с требованиями, которые могут нарушить возникшее хрупкое согласие.

Ратному человеку все вопросы в чужих землях лучше решать быстро. Стоит только хуннам задержаться, сменив кочевой образ жизни на оседлый, и местные жители сразу втянут их в свои дразги и раздоры.

Поэтому опытный сёгун был неумолим. Но уходя, он неожиданно для себя решил хоть ненадолго облегчить жизнь местным жителям, с такой охотой помогавшим ему при выполнении приказа саархаана. Решение его во многом шло вразрез с воинской логикой, он повернул свой меч на квартальных надзирателей. Обвинив их во многих преступлениях против собственного народа и в связях с мародерами, всех до единого приговорил к смерти, что и было исполнено немедленно.

Тяжко было на душе Турара, но это не отменяло выполнения обязанностей. Собрал он бывших чиновников, спрятавшихся по домам,

и приказал исполнять им свои обязанности до назначения нового правителя. Понимал, конечно, что оставляет их почти на неограниченное ничем господство, и они обязательно сделают всё, чтобы вернуть себе за счёт ограбления жителей отданное хуннам богатство... Нехорошо получалось, но иначе было нельзя. Не оставаться же им здесь до выборов нового правителя!

Сегун, хоть и оставил за спиной несколько тяжких для души деяний, уходил из Саратая с легким сердцем. Главное сделано – он выполнил задание саархаана наилучшим образом, собрал недоимки без воинских потерь. И это была настоящая удача.

Жалко было несчастных жителей Саратая. Теперь им в очередной раз надо обустроить свое государство. Конечно, сёгун очистил их ряды от мародеров и продажных охранных войск, но им еще очень долго не удастся стать единым народом. Хотя удивительное открытие сделал он для себя: саратайцы изо всех сил стараются им стать. Вот уж не ожидал от этих полубандитов.

Народ – это общая вековая история, единое будущее. А они настолько разнородные, что пока даже в мелочах не могут прийти к общему мнению. Вот и говорят чуть ли не на семи языках. Хорошо ли это?

Их, съехавшихся сюда со всех концов света, пока объединяет только корысть, жадность и жажда обогащения – и ничего другого. Видимо, их ждет печальное будущее, полное страданий и потерь. Поживем – увидим.

20. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В этот раз Турар особенно остро почувствовал, что с годами многое меняется и в мире, и в нем самом.

Каждое возвращение домой – как открытие. Неимоверная радость обуревала всё его существо. Еще в юности великая радость одного только ожидания возвращения делала его счастливым. И каждый раз это счастье было окрашено новыми тонами. Одно дело –

стремиться сквозь прозрачные дали с осеннего похода, в начале зимы. Другое – зелеными морями степей под шум вернувшихся в берега рек с весеннего похода – в начале лета.

По молодости гнала назад любовь матерей и сердечная теплота всей многочисленной родни. Со временем, по мере взросления, любовь матерей, не меняясь, не остывая, отходила на второй план, уступая первенство чувствам жен. А на склоне лет, чего Турар вовсе не ожидал, согревала и манила радость встречи с внуками. Все она заслоняет теперь.

Конечно, многое в жизни со временем обретает новые смыслы. Некоторые считают, что чувства с возрастом притупляются. Это неверно. Действительно, в начале всё воспринимается ярче и острее, но с годами к этим впечатлениям добавляется глубина. Возникает не привыкание, а появляется умение обладания источником бытия, неиссякаемого в своей щедрости, схожего с ощущением, когда оказываешься в середине рукава могучей реки, и полноводное течение, охватывая тебя со всех сторон, вселяет и уверенность в себя, и веру в щедрость Всевышнего.

Как удачно вышло, что он, по совету У Хуана, отправился в этот поход, завершившийся наилучшим образом. Сёгун на радостях не стал неволить истосковавшихся по дому людей. Желających оказалось три четверти. Он сразу отпустил их по своим стойбищам. Захватили они с собой и передовой обоз с собранным налогом.

Остались с Тураром в основном старики и юноши – любители рыбалки и охоты...

С ними Турар и двинулся обходным путем не спеша на север, чтобы пройти через горные нехоженые пастбища и нетронутые охотничьи угодья. Одной из задач такого выбора было желание откормить лошадей. Но, в первую очередь, хотелось, наконец, ничем не ограничивая себя, отдохнуть. Нечасто такое выпадает ратному человеку – вдоволь поохотится и порыбачить.

Пожалел сёгун, что нет рядом Батамая, он почему-то отказался от этой благодати и поспешил домой, как посмеивался вслед ему Турар –

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

ублажать своих старух. У него многочисленная семья. Кажется, одних внуков более сорока человек. А значит, и забот столько же.

Турар печально вздохнул, вспомнив своих. Удивительное дело, но почему-то внуки оказываются намного ближе детей. Теперь и не вспомнишь, как дети росли. А вот малейшие трудности, выпавшие на долю внуков, знакомы и, главное, к решению почти каждой сам приложил руку.

Наверняка, не у всех так, но в его душе внуки занимают существенное место.

Может оттого, что пришло время правильно подготовить внуков к службе. Им обязательно во многих краях страны побывать следует, пожить внутри различных народов. Пусть узнают всё изнутри, как бы уютно им не было в ставшем привычным месте, и неуютно в другом, нельзя идти на поводу своих ощущений, с чем излишне считаются их матери и тётушки. Они не мужчин в них видят, а детей.

Молодой военачальник должен познать службу во всех видах войск, испытать на себе характеры и нравы бесчисленных народностей, только тогда он станет успешным командиром.

В это время очень важно удачно подобрать мальчикам тэнсиков⁴. И не лениться постоянно их менять, чтоб мальчики слишком не привыкали, а тот не начинал угождать начальнику. В жизни им придётся идти рука об руку с разными людьми, порой очень неудобными и неприятными. И поставленные задачи надо научиться решать с теми, кто в этот час рядом. Не всё и всегда будет по тебе. Поэтому умение принаравливаться к создавшемуся положению обязательно пригодится, а повезёт – и жизнь спасёт. Так что, чем труднее в молодости, тем спокойнее в зрелости.

Всё же мальчикам намного проще. Если даже где-то в воспитании был допущен перекос, многое можно исправить, ибо они на виду. О них деду постоянно докладывают наблюдатели.

А вот с девочками сложнее. Их воспитанием занимаются одновременно все: бабушки, матери, множество тетушек и старших сестер.

⁴Тэнсик – (здесь) воспитатель, наставник.

И его совсем к этому не подпускают. Но главный вопрос – о замужестве – заставляют решать тебя. А ты же почти совсем внучек своих не знаешь. Сколько раз он отказывался, но бабушки неумолимы – решай... К правильному решению, конечно, сами его подводят подробными рассказами о женихах и их родах. Тут уж они знатоки хоть куда!

А всё потому, что подбор будущих родственников – дело слишком серьёзное... Ведь от этого зависит судьба потомства.

С мальчиками, действительно, проще. У них будет по несколько жён. А девочкам, даст бог, один-единственный раз замуж выходить.

Приходится полагаться только на Всевышнего Тэнгри – всемогущество его, всезнающую мудрость, всевидящее око. И пусть он никогда не отворачивается от нашего рода и продолжает вести нас и потомков по верному пути, подсказывая необходимые действия для правильного решения.

Без него мы кто? Без него люди сразу превращаются в животное, в червей, которые размножаются сами по себе – случайно, без провидения, без предопределения, то есть без судьбы.

Оставаясь в предгорьях, понимает он, что дома его давно ждёт множество неотложных дел... Скоро начнут посылать одного за другим порученцев, якобы с домашними новостями, а на самом деле – с назревающими новыми заботами.

Но нет... На этот раз старый Турар твёрдо решил не поддаваться на их уловки, а вдоволь отдохнуть на лоне природы.

Если удастся – проведёт все лето на прохладных горных пастбищах. Сомнительно, что удастся? Тут не одни жены помешать могут. Вряд ли саархаан надолго оставит его в покое... Но надо попытаться. Вдруг повезёт.

21. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

После общения с саратайскими отщепенцами Турар посмотрел совершенно с новой стороны

на свой, родной хуннский народ, состоящий из десятков родов, спаянных воедино не только общими помыслами, но и историей, насущными заботами, участием в войнах, противоречиями. Несмотря на различия, хунны вызывают восхищение своей скромностью и порядочностью, может потому, что дисциплина впитывается ими с молоком матери. Эта похоть при явной разнородности и делает их единым народом. Печалит другое – даже этот монолит разъедается пороками, и всё из-за того, что в течение нескольких поколений хунны живут не просто в достатке, а намного лучше всех соседей. Сначала только греховные помыслы бередили их душу, а затем и нравы начали меняться. Видимо, зря они стремились достичь большего, лучше, когда всего в меру. Любые излишества оборачиваются бедой и несчастьями. Почему так? Турар не знал, но теперь он понимал, что это главная опасность для любого народа... Как странно... Не голод, холод, бедность, а наоборот, излишний достаток – главный враг. Чувство ложного превосходства, высокомерие, чванство, гордыня – разрушают сознание.

Да, хунны стали могучими, благодаря пока не знающей поражения сильной армии, намного превосходящей по силе войска соседей. Но это пока... Не все понимают, что сила – не изначальная данность, она переменчива и преходяща, как урожай у китайцев, как травность степи зависит от сезона дождей. Многие у них стали подумывать, что они просто по праву рождения, изначально лучше других, раз так их всех превосходят. Опасно именно это, ибо люди приучаются свысока смотреть на незадачливых бедных соседей, загнанных в угол обстоятельствами и нуждой, из-за этого подобострастно прогибающихся перед ними... Они не понимают, что все это временно. Успели забыть, что когда-то и с хуннами было так же.

Главный довод – армия. Но и у хуннов такая армия возникла не сразу, а была создана под руководством мудрых саархаанов, стараниями нескольких поколений коневодов, оружейных мастеров, незаурядных полководцев.

Бедна сокрыта в том, что хуннский разношерстный, как говорится в сказаниях, бело-красно-черноголовый народ-воин постепенно начал воспринимать победы как итог не общенародной деятельности, а как знак их исключительной доблести и личных качеств, которыми они превосходят других.

Бедные хунны... Чистый, честный, добропорядочный и доверчивый народ. Они слишком быстро уверовали в свою исключительность, и всё потому, что еще не знают, насколько ощущение превосходства – опасно. Мало утешает понимание, что на их месте и любой другой народ проявил бы себя так же. Слаб человек. И не вина хуннов, что теперь их народ переживает период достатка, что его так и подмывает возвыситься над остальным слабым миром. А ещё хунны научились каждый раз объяснять свои временные удачи Высшей предопределённостью, как награду по праву избранныости.

Но слабость ли это остального мира?.. Разве может так быть вечно? Возможно, это только временная вялость, несобранность других племён, которые пока не могут или не умеют дать достойный отпор.

Мало кто знает, сколько сил тратят полководцы на достижение совершенной организации хуннской армии, сколько ими выискивается самых разных ходов и действий – в поисках предотвращения случайностей.

Пока сам не испытаешь на себе, трудно поверить, сколько сил тратят опытные и мудрые, чтобы с малых лет верно развивался дух каждого в отдельности воина, а затем вливался он в общий строй и скреплял собой общий дух армии. Турар уверен: в этом половина успеха.

Разве понимают простолюдины, как непросто саархаану придерживаться определённой политики, исключаяющей всеобъемлющие бедствия и разрушительные войны, спланивая единомышленников, усмиряя вниманием и учтивым обращением возможных противников.

Далеко не одним мечом достигаются победы, как многим теперь кажется. Да и победа меча – коротка.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

Всевышний порой жестоко пресекает зарвавшихся, поправляя их путь, но это становится понятным только по прошествии многих-многих лет, а то и десятилетий...

Семнадцать лет минуло со дня гибели сына, а с ним – саархаана Саламана...

Тяжёлым ударом оказалась их гибель для всех хуннских племён. В те дни совершали многочисленные моления и жертвоприношения везде, где обитали хуннские племена: с берегов восточного океана до западных морей, с Тибетских нагорий до северных гор, неизвестно где заканчивающихся. Молили Тэнгри не оставлять хуннский народ.

Именно тогда впервые всем стало ясно: надо знать меру.

Ясно-то ясно... Но беда в том, что никто не может объяснить, где эта мера, как постичь её. Каждый пытается определить её сам, своим аршином измеряя. Сложна задача. Но благим итогом столь страшного события оказалось то, что народ умерил свои помыслы и ограничил свои потребности, почувствовав неудовольствие Небес.

Но надолго ли запоминаются даже самые горькие уроки? Поколения меняются быстро, а с этой сменой, казалось бы, самые неизгладимые рубцы затягиваются. Не их вина, что молодые не всегда успевают перенять опыт предыдущих поколений, погибая в боях.

Вот у его внуков нет отца, и никто не сможет восполнить им его воспитание. Вместе с ним к Тэнгри ушли его мысли, переживания, умения. Хорошо, конечно, что дед вырастил их. Но место отца в их душе пустоет... С мгновения осознания этой пустоты неуютно им будет жить в мире.

Сейчас Турар уже знает, что человек по-настоящему созревает только к сорока годам. До этого его, даже облеченного высокими чинами и властью, надо постоянно учить, направлять, наставлять. А если дед уйдет в мир иной совсем скоро, то мальчики останутся полными сиротами, и не просто им придется без наставника.

Не всякий ратный человек доживает до зрелых лет. Останься в живых Арслан, сейчас всего тридцать четыре года ему бы исполнилось.

И от этой минуты до сорока жил бы еще целых шесть лет, а его уже нет целых семнадцать лет. Место сына в сердце Турара не просто пусто, оно кровоточит незаживающей раной, омывается неиссякаемыми слезами. Недостает его и детям, их повседневные вопросы к отцу повисают в воздухе. То, что дед отвечает им – совсем иное. Отец, скорее всего, ответил бы иначе, по-особенному. Его опыт и жизненные воззрения теперь некому передать сыновьям.

Доживи он до этих лет – как бы он гордился военными успехами Бабыра, и как много успел бы ему передать... А как бы горевал о другом сыне, переживая вместе с ним слепоту Акола, которого вынужден был бы отпустить в пустыню на поклонение неведомым святым местам.

Одно тянет за собой другое... У него обязательно родились бы ещё дети – Турара внуки – братья и сестры Акола и Бабыра. Но нету этого... Много чего нет. Для деда, обретшего понимание значимости этих потерь, они – как обрубленные конечности, до сих пор кровоточат, ноют к непогоде, отдаются острой болью.

Но старый сёгун вдруг запнулся от одной мысли: остались бы жить Арслан и саархаан Саламан до этих лет, столько бы завоевали, покорили бы всех, кого надо и не надо... Всех, на кого указал бы покойный саархаан Саламан... «И слава Богу», – вздохнули бы многие, что обошло стороной хуннов это несчастье.

Степной мир сегодня был бы иной. Границы пролегли бы по совсем другим местам...

Потеря ли это или, как говорят, «слава Богу»? Ясно одно – смещение границ прошло бы по людским судьбам. Стало бы причиной человеческих страданий на многие годы. Насколько оправдались бы перемены?

Никто этого не знает, кроме Всевышнего. А что ему угодно – то и происходит. А не случилось, значит – и правда «слава Богу»...

На все воля Всемогущего. Просто и надёжно так думать? Да почему-то не все понимают полезность подчинения воле Небес.

Что мы можем понимать в промысле Всевышнего? Даже грешно посягать на постижение смысла дум его. Это вовсе не

наше, а божье дело. Ему и ведать. Надо знать свои границы и не пересекать их. Многие не понимают. А непонимание несёт с собой страдания. Несчастья, беды происходили и ещё случатся.

Наше дело – тихо проливать слезы и, молча, горевать, ни на кого не пеняя, никого не проклиная, а только умоляя Тэнгри – быть благосклонным к роду. Прошу, чтобы он простер свои благодеяния и на убогого слепца, ушедшего на поклонение святым местам. Умоляю, чтобы он поручил своим ангелам-хранителям неотступно присматривать за ним.

А то, что мы не смогли отговорить его от этого сумасбродного и опасного решения, значит: за его помыслами стоят не человеческие силы, а небесная, понимающая необходимость совершаемого воля.

Старому сёгуну, всю жизнь повелевавшему могучими армиями, выигравшему не одно сражение, очень неуютно, непривычно и, наконец, унижительно ощущать свою беспомощность и зависимость от случайных обстоятельств.

Но делать нечего. Как бы он ни был могущественен, он не может простирать свои руки над всеми степями и пустынями мира – до них далеко, и рук даже сёгуна хуннской армии не хватит.

Унижительно ему ощущать свою беспомощность. Ведь он не кто-нибудь – он сёгун непобедимой армии.

Но он – человек, а всякий из нас слаб, даже такой, как он. Обстоятельства намного сильнее людей, любая случайность может низвергнуть даже самого-самого в пропасть великого несчастья.

Поэтому и остаётся уповать на Бога.

Всё в Его воле. О том и молит старый сёгун:

«Отведи, Тэнгри, все несчастья, все случайные беды от моего слепого внука... Помоги ему дойти до святых мест».

По всем расчётам, пришла пора путникам возвращаться. По всей ближайшей округе в 2-3 тысячи ли, где постоянно дежурила армейская разведка, разослано задание – отслеживать

передвижение паломников, и, если они появятся в их расположении, немедленно сообщить об этом. Но до сих пор нет донесений. Значит, нигде они не появлялись. Три месяца минуло с последних известий. Волнение нарастает, всё что угодно могло с ними случиться.

Лихие люди, рыскающие по горам и долам, могут наскочить на них. Диких зверей там не меньше, чем разбойников. Могут напасть и медведь, и волки, а от змей и вовсе защиту найти трудно... Совсем просто погибнуть и от столь частой в тех местах жажды и почти неминуемого голода. А без еды человеку усталости не побороть. Всякое может случиться. Не умрёшь от палящего солнца пустыни, так замёрзнешь от холода в горах.

Да ещё с таким ненадёжным поводырём... Он сразу не понравился, много говорит и мало делает, какой-то скользкий, скрытный, всегда себе на уме. Такие люди склонны к предательству.

Они склонны рисковать и легко могут увлечься сумасбродными задумками.

Ничего ужаснее такого поводыря и помыслить невозможно... А что, если он бросит внука в пути? Спрячется или уйдёт куда-то? Где тогда искать внука?

От этих мыслей деться некуда. И сделать ничего не можешь, просто надо сидеть и ждать... Но это такая мука... Как же неприятно чувство беспомощности! Как бы ты ни хотел, не в твоей воле повлиять на ход событий. Всё, что может случиться, произойдёт без твоего участия, против твоей воли. А ты, «многомогущий», ничего не можешь предотвратить... Ты – впервые бессилён. Ты единственный раз в жизни – никчёмён. И достигнув вершин воинского могущества, ощущаешь, что ничего в этом мире не зависит от тебя. Ровным счётом ни-че-го.

22. НАВСТРЕЧУ СЕВЕРНЫМ ВЕТРАМ

С чувством исполненного долга Турар повёл войска на спасительный север к прохладным горным пастбищам. Через каждые сорок ли, то есть пару кёс, оставлял караульно-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

разведывательные группы. Они должны прочёсывать всю округу, передавая сведения о любых замеченных перемещениях кого-либо по цепи.

Ещё до ухода из Саратая войска разделились. Немногие изъявили желание остаться в предгорьях. Но те, что остались, вызвали из орды свои семьи. А кто не захотел, тех отпустили домой во главе с мегенеем Батамаем.

Доклад саархаану об итогах похода сёгун Турар перепоручил ему же, чем тот был чрезвычайно польщён.

А старый сёгун знал: пояись он в Главной ставке, его уже никуда не отпустят. Зная это наперёд, решил продлить себе вольные дни. Когда очень будет нужен – вызовут, не забудут. А так, как говорится, до топора – и полено отдыхает.

В предгорьях и на самом деле была благодать. Прямо-таки земной рай. Столько было здесь воды, травы, а удивительной лёгкости воздух пьянил – настоящее раздолье для людей и лошадей, которые только что вырвались из жарких объятий горячих песков пустыни, где вся зелень давно выгорела, высохли реки и озера, даже дышать было тяжело, оттого, что воздух был похож на песок.

Правда, земной рай не бывает весь год в одном месте, он постоянно перемещается. Наверное, нигде на земле нет места, где бы круглый год было хорошо. Даже в пустыне наступают короткие периоды благоденствия. А в столь радующих сейчас предгорьях зимой такие суровые морозы и пронизывающие насквозь холодные ветра, что нет из-за них никому никакой жизни. Такие суровые дни лучше всего пережить на равнинах, скрываясь в оврагах и балках, где намного теплее и уютнее, чем на открытых местах.

Ратному человеку, даже так долго, как Турар, пожившему, за всю жизнь редко, очень редко перепадают такие славные райские спокойные деньки. И он всем существом своим впитывал эту ниспосланную Небесами случайность, шепча то и дело слова: «удача, везение, счастье». С раннего утра до позднего вечера пребывал он в

состоянии праздника. Это было так удивительно, что верилось с трудом: «И он дожил до безмятежности!»

Обычно человек войны пребывает там, откуда исходит главная опасность. А это всегда приграничные окраины, там почему-то обычно холодно, сыро или, наоборот, слишком жарко. Промежуточного состояния он не помнит. А тут ещё постоянная готовность к неожиданностям и неведомые опасности держат тебя в напряжении. Смешно, но постепенно ты привыкаешь к тревожному состоянию до такой степени, что не можешь расслабиться даже дома.

Странно, почему же тогда от покоя устаёшь, если так мечтаешь о нем? Просто покой за годы почти непрерывной службы становится настолько непривычным состоянием, что, окунувшись в райское благоденствие, начинаешь тяготиться нудностью мирской жизни?

Род занятия меняет под себя любого человека, так же, как кусок железа становится подковой или мечом под молотом кузнеца.

«Бедный, старый вояка, – укорил себя, продолжая свои размышления, Турар, – на всё ты смотришь со своей искажённой точки зрения. Для тебя человек с оружием – главный в этом мире...»

С одной стороны, верно, ибо все блага земные, землю, свободу, благополучие государства только он и может отстоять. Без него – зависимость, иго, рабство, а может, и поголовное истребление народа.

Так-то оно так... Но, с другой стороны, если понимать только так и довести это значение до полной нелепости, то смысл любого дела сведётся на нет, словно всё в мире совсем ничего не значит.

Хорошо, представим себе, что человек с оружием добился того, чего от него ждут. Защитил свой народ от посягательств на его свободу, землю, таким образом усилил государство, обезопасил его. А дальше что? Те, кто работает на земле, выращивает скот, рождает и воспитывает детей – разве не главные? Если они второстепенные, то зачем вообще нужен воин?

Ну нет... Одним мечом не проживёшь. Жизнь многогранна. Человеку надо год от году всё больше, а мечом все дыры не заткнёшь, все потребности не обеспечишь.

Меч помогает разрешить многое, но далеко не всё.

Часто правители, увлекаясь воинской доблестью, забывают об этом и в итоге попадают впросак. Только кажется, что меч решает все вопросы быстро и надёжно. Например, он может отвоевать чужую землю, покорить соседний народ, много богатства принести в казну. Но с такого прибитку долго не проживёшь. Как говорят: доставшееся даром – не даёт приплода, быстро иссякает, распыляется.

А народ-победитель, привыкнув к дармовщине, развращается. Зачем ему заниматься тяжёлым каждодневным трудом, ожидать урожая, беспокоиться о пастбищах для скота и о здоровом приплоде? Ему легче дожидаться новой добычи, потому и требует все новых и новых завоеваний.

А это бесконечно продолжаться не может. Всякое греховное, несправедное дело, какими бы «благими» помыслами оно ни прикрывалось, имеет неприглядную оборотную сторону, разрушительную для завоевателя. Очень печальная и опасная истина открывается не всем и не сразу. Хочется воскликнуть: «Упаси, Тэнгри!.. Помилуй, Всевышний! Ты видишь алчность, жадность и чрезмерную нашу гордыню и можешь наказать в любое мгновение... Так – смилуйся, наставь на праведный путь свой народ!»

Иногда кажется, что лучше быть завоеванным, и в этом состоянии покорно переждать трудные для твоего народа времена, созреть в неволе, копить силы для будущих праведных свершений, чем ненадолго стать завоевателем и победителем, чтобы затем окончательно опуститься... Не дай, Тэнгри, еще худшего – исчезнуть, бесследно раствориться в чреве других народов, в памяти бесконечных веков.

Жизнь среднего мира переменчива. Но она, чаще всего, благоухает достатком и благополучием. Куда ни кинь взор – везде достаток и довольство, изобилие природное

так и прёт из земли – только собирай, лови, загоняй: столько зелени, рыбы и дичи... Но человеку почему-то мало имеющегося у него, все не может поделить землю и богатства её, всё тесно ему в своих просторах.

Может, за это природа его сковывает холодом, заваливает снегом, морит голодом? А человек из последних сил продолжает терпеть и выживать. И, как ни странно, умнеет человек именно от тягот. Казалось бы, от страдания он должен озлобиться, озвереть, выродиться, наконец. Нет – он становится добрее, человечнее, честнее.

От избытка же – наоборот: внемпросыпаются жадность и подлость. От излишнего добра, от чрезмерного достатка он становится подобным животному, в нем просыпаются сатанинские начала. Вот возьми хотя бы Китай. Какая была богатая страна, трудолюбивый, терпеливый народ работал не покладая рук. Но начали воевать друг с другом и довели страну до полной разрухи. Зачем?

Почему так? Никто не знает этого, кроме Создателя. И от нас сокрыто, похоже, самое главное.

Нужно ли пытаться заглянуть за горизонт, чтобы увидеть эти сокровенные тайны? Надо ли? Стремление предугадать божественный замысел – непростительный грех... А если ты увидишь и поймёшь законы действия сокрытого устройства, движущего человеческими судьбами, то где порука, что правильно воспользуешься этим открытием?

Недалёкому разумом человеческому существу, а по вселенским представлениям, в общем-то, маленькой пылинке – изначально по глупости своей погрязшей в грехах, лучше бы пребывать в темени неведения и дальше, иначе заест её гордыня, и тогда она возомнит себя вершительницей судеб мира, равной Создателю.

И если всё пойдёт по промыслу Вышних сил, можно быть уверенным в благой судьбе человечества. Оно выживет, благодаря тому, что стерпит любые тяготы, переживёт все катаклизмы и беды. А нарушив волю Небес, обретёт он изобилие и чрезмерный достаток, и

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

грядёт погибель его от необузданных страстей и гордыни.

Турар удивлялся своим собственным мыслям. Раньше он и не подозревал о такой своей глубокомысленности... Наверное, неведомое ему прежде чувство страха за слепого внука так перекосило всё его нутро, что вытолкнуло из глубин загадочные и для него самого переживания: «Случись что со слепым Аколом где-то там – на далёких перевалах Куньлуня... Что тогда?» Турар не ведал, что он тогда сделает... всё тело его сотрясало от страха и отчаяния, как тогда – во сне... Ужас погружал его в какой-то первобытный страх и одновременно животную ненависть ко всему вокруг... О-о, Всеблагий! Сможешь ли, Всемогущий, предотвратить эту беду?..

23. У ХУАН – ПОМОЩНИК КОМАНДУЮЩЕГО

Всю ночь шёл благодатный дождь. Утром облака рассеялись, выглянуло солнце, и капельки на каждом листочке засияли удивительным разноцветным блеском.

Любуясь этой красотой, сегун с напряжением вспомнил горячие песчаные пустыни, где несколько летних месяцев не выпадает ни капли дождя. Вспомнил потому, что в этих бескрайних песках затерялись следы его дорогого Акола...

Что делать, как помочь ему?

Что за сумасбродный для слепого замысел – совершить паломничество к святым местам? Кому это надо? Тэнгри? И что пользы Ему, Всемогущему, от поклонения беспомощного слепца? Неужто это так важно для него? Тогда пусть объяснит мне – во имя чего?

Огромные караваны с вооружённой охраной и, конечно, зрячие – в этих гиблых местах бесследно пропадают. Только кости находят в песках годы спустя.

А тут – вдвоём, пешие: слепой с поводырём через пустыню. Все их запасы в заплечных котомочках.

Если что, не к кому обратиться, на сотни ли вокруг ни души, а до Тэнгри и того дальше.

Акол обещал вернуться через месяц-другой, а прошло уже три месяца, все сроки вышли давно, а его нет.

Что же предпринять?

Невыносимо дальше ждать! А что, если они где-то пропадают без воды, без пищи или, может, в плен попали к разбойникам?

Хотя зачем им нищий слепец и его поводырь? Они имеют дело только с теми, кого можно выгодно обменять. А что, если узнают, что слепец мой внук и брат Бабыра? Лучше с ними не иметь дела. Да и как им узнать об этом? Но их могут просто убить, походя, забавы ради. Разбойники люди трусливые, озлобленные на весь мир, они могут всё...

Турар, краем глаза увидев очертания человека у входа, вздрогнул: он был уверен, что оставался один со своими мыслями. Это был У Хуан. Только он умел так бесшумно, незаметно проскользнуть, как тень, и оказываться рядом.

– Ну, что опять? – раздражённо спросил сегун.

– Да так, ничего...

– Я же не вызывал тебя.

– Мне показалось, что нужен буду, вот и решил поближе быть.

– Станешь нужен, вызову. Зачем пытаться предугадывать? И перестань красться. У божьего человека все действия сопровождаются звуком. Даже у птиц слышен звук крыльев. Только нечистая сила бесшумно скользит... Разве ты с ними?

– Это потому, что я стараюсь вам не мешать, не отвлекать зря.

– Не велика важность, если даже услышу твои шаги, что с этого?

– Это так, по привычке.

– Ну, хорошо. Что у тебя?

– Бабыр хочет с вами поговорить.

– Он же недавно был здесь. И зачем он через тебя просит? Мог бы сам сказать, я же не только сегун, а дед же ему. Или нет? – Турар, обидевшись, сам над собой сыронизировал, вспомнив свой сон: «Не дед ты мне, а чёрный ворон!»

– Он хочет наедине с вами поговорить.

– Наедине? – Турар притворно удивился, но

в душе обрадовался: наедине – это хорошо. После нового назначения Бабыр держится с ним только как подчинённый – отстранённо, сдержанно... Лишнего слова от него не добьешься. И это правильно.

– Да – наедине, а то вы все встречаетесь только при людях. На совещаниях.

– Это хорошо, – с удовольствием произнёс Турар и, пытливо оглядев старого друга, спросил: – А как ты думаешь, о чем он хочет со мной поговорить?

– Ну, откуда мне знать?.. – вдруг смутился бесстрастный китаец. – Я же простой помощник, а он хоть и мальчик, но уже командующий армией – мегеней.

– Не юли. Ты далеко не простой помощник, а помощник сёгуна. И, в конце концов, о многих вещах ты просто обязан знать. Ну что, говори, о чем он хочет говорить со мной?

– Ну, известное дело, – чуть помедлив, уверенно сказал У Хуан, – конечно о слепом брате, об Аколе.

– Почему так думаешь? Что-то знаешь?

– Нет... Но я же вижу...

– Что ты видишь? Говори скорей! Не томи.

– Вижу... Вижу, как он страдает и сильно переживает. Недавно он у себя собрал людей, знающих те места у Куньлуня. Наверное, хочет отпроситься у вас, поехать искать брата.

– Да, ты – прав... Возможно, так и есть. Ладно, скажи ему, пусть придёт, а пока я обдумую, как нам поступить...

У Хуан ушёл, а сёгун задумался: «Как быть? Конечно, надо что-то предпринять. Не сидеть же и дальше сложа руки. Но, с другой стороны, искать человека в бескрайних пустынях бесполезное дело. Но надо искать выход...

Сначала определим направление поиска. Попробуем встать на их место. Вернутся ли они по тому пути, по которому ушли? Конечно, это разумнее, все же проще идти по знакомым местам. Тем более, что им не надо кормить лошадей, они же пешие. Но кто знает, что взбредет в голову сумасбродному поводырю. Да и Акол – своенравный и непредсказуемый».

Турару была неприятна даже мысль об

унизительной зависимости от кого-либо вообще, разве что кроме саархаана, а подчиняться решениям прохиндея Хойгура – было вообще неприемлемо.

Всю жизнь он состоит на службе у саархаанов, он знает цену этой высшей зависимости. Это тяжело, но всё же объяснимо тем, что для хуннов он, Турар, – посредник между черным людом и саархааном Усуманом – ставленником Всевышнего Тэнгри.

А тут ты зависишь от какого-то проходимца-поводыря! Сколько бы ни думал в эти дни старый сёгун, всё начиналось и заканчивалось выводом: этот прохиндей является самым настоящим искателем приключений: по облику, по повадкам, по манерам... А ещё он – трус, и может, бросив слепого, убежать куда глаза глядят...

«И ты, будь хоть сто раз сёгуном, при всех немалых возможностях, не сможешь ничего сделать, чтобы предотвратить беду...»

24. СТАРШИЙ В СЕМЬЕ

Турар, как обычно в последние месяцы, витал в далёких от сегодняшнего дня воспоминаниях, когда у двери шатра услышал уверенные шаги сильного человека. Опешил в первое мгновение, возвращаясь к действительности, подумал: «Кто бы это мог быть?» Но затем узнал шаги внука, ещё юного, но уже облечённого немалой властью человека.

– Заходи, заходи... Говори, я слушаю тебя.

– Вы, наверное, знаете, зачем я пришёл, – почти церемонно начал Бабыр.

– Догадываюсь, дорогой. У меня у самого душа не на месте. Давно потерял покой и сон. Ты не поверишь, в последнее время я узнал доселе незнакомое чувство – страх. – Турар попытался вернуть внука деду, переводя разговор на личную жизнь. Но Бабыр словно не слышал:

– Я пришёл к вам не как к бабушке, а как к сёгуну... – Еще больше удивил он своими словами Турара. – Пришёл отпроситься. Хочу отправиться на поиски брата. Уже давно прошла пора возвращения, а их нет.

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

– Ты прав. Надо ехать.

– Махтал⁵, – обрадованно улыбнулся Бабыр.

– Но ведь я военный человек и не могу ехать просто так – без повода. А его нет. Как я поеду? Мне же надо захватить с собой два-три арбана...

– Опять ты прав. Нужен веский повод... – Турар тут перевёл дыхание, словно не зная, что сказать, а на самом деле наблюдая за поведением внука. – И он у меня есть...

– Да? – обрадовался Бабыр, и его всегда хмурое лицо осветила почти мальчишеская улыбка, редкая у него и в прежние годы.

– Да, Бабыр, можешь смело ехать, у меня есть весьма значимый повод. Дело предстоит крупное, поэтому я решил отправить в путь весь твой меген, с обозом, в полном составе.

– Как хорошо! Я не мог и мечтать о таком решении. Тогда скорее надо ехать.

– Не горячись. Сначала обстоятельно подготовься. Жара в пустыне ещё не вполне спала. До осенних дождей ещё долго. Да и для начала поручения мои узнай. Их у меня целых два, – очередной раз попытался разрядить обстановку Турар, пошутив по-домашнему. – Первое, надо найти Окуна – бывшего правителя Саратая, если он жив ещё, что сомнительно. А во-вторых, выследить и уничтожить разбойников, нападающих на торговые караваны. Мне докладывают, что отряды разбойников по пути в Китай стали нападать даже на хорошо охраняемые богатые караваны, чего раньше почти не случалось. Разграблены два каравана, третий еле отбил. Из-за этого в Саратае совсем худо стало жить. А им надо ещё и нам дань платить.

– Хорошо. Окуна я найду, если он, конечно, жив. А разбойников найти куда проще, их же много. Я их внезапно на первом же караване подкараулю и уничтожу.

– Этого сделать мало.

– Как? Я всех уничтожу.

– Уничтожать надо, но этого мало, – повторил Турар. – Ты уничтожишь «руки», «ноги», но не «голову». Останутся где-то те, кто ими управляет, и они обязательно вернуться на избранный путь,

найдут других исполнителей. Прежде разузнай всё, не спеша разведай, установи их связи, найди тайники. Задача твоя – известить их под корень, чтоб не осталось у них возможности восстановиться.

– Даже родственников? А они-то чем виноваты? Зачем учинять расправы над невинными?

– Почему ты думаешь с жалостью о них, а забываешь о жертвах их нападений? Кто виноват в их несчастьях? Не они ли сами? В разграбленных караванах пропало состояние многих родов и даже городов, жители которых, возможно, уже не оправятся никогда. Поэтому, если мы хотим искоренить зло, то надо, чтобы все ужаснулись от постигшей разбойников участи. Родственники и помощники сами, конечно, никого не грабили, но способствовали этому. Помогали грабежу и жили за счёт награбленного.

Бабыр сразу потупился, всё его воодушевление возможностью поездки улетучилось от такой «убийственной» картины предстоящего. Ему совсем не хотелось становиться карателем – даже вынужденно.

Турар очень хорошо понимал внука и в душе одобрял резкое неприятие им исполнения обязанностей карателя.

Но что делать, жизнь воина имеет много граней... Ему бы вроде и рано участвовать в таких делах. Слишком он романтически настроен. Но теперь это единственный повод, чтобы направить его с войском на поиски брата.

«Мы сделаем иначе, – подумал про себя дед. – Когда разбойники будут пойманы, для карательных дел пошлем Батамая. Придется его, бедного, отозвать из его женского «рая». Он, конечно, выразит крайнее недовольство досрочным отзывом, но зато вверенной ему ролью главного вершителя судеб этих негодяев будет даже очень польщен. Знаем мы его слабость быть даже в незначительных делах главным».

– Ладно, обязанности карателя я снимаю с тебя. Ты – выяви разбойников, поймай, посади в яму, а дальше мы решим, кому довести дело до конца, – постарался успокоить внука Турар. – А сейчас тщательно подготовься к походу. Меген разобьешь на

⁵ Махтал – спасибо.

двадцать-тридцать отрядов, которые скрытно займут удобные для наблюдения места по всем путям на речных переправах и горных перевалах. И следи, выжидай, не торопись схватить и сразу быстро расправиться. Главное – выявить организаторов, понять, куда прячут награбленное, определить связи, через которые сбывают добро. А для этого нужны выдержка, сдержанность, расчет и помощники. Без этого никак. Поэтому командирами групп назначай лишь «холоднголовых». Всё ясно?

– Понял...

– Пойми и другое, это великолепный способ не привлекая внимания к поискам брата делать это планомерно и всеохватно. Караванные пути проходят как раз с северо-запада на юго-восток. Ваши с Аколом пути обязательно где-нибудь пересекутся. Ты – делаешь своё дело, а я – своё. Я некоторое время спустя пойду на некотором отдалении от тебя вдоль караванных путей, там расположено множество поселений. Это единственные места, где их могли заметить. Главное, выяснить направление, откуда и куда они держали путь. Тогда можно будет их легко найти, если, конечно... – Турар запнулся, опять подумав о возможном печальном исходе паломничества.

– Я обязательно их найду.

– Уж постарайся. Твоя задача осложняется тем, что мы почти ничего не знаем. Разве это указатель – направление на Куньлунь? Хребет длинный, тянется он на сотни кёс, и неизвестно, где именно находятся их святые места.

– Мне непонятно, как слепой может знать место своего назначения и точно идти туда, – впервые откровенно заговорил о брате Бабыр. – Поводырь-то у него только затем, чтобы выбирать ровный путь меж камней. Главное направление указывает ему Акол, даже описывает ему очертания дальних гор на пути к нужному перевалу. Откуда у него это знание?

– Нам это неизвестно, дорогой Бабыр... Я и сам постоянно думаю об этом, – старый сёгун печально посмотрел на внука. – В мире много таинственного. Ты всё отмечай, запоминай и не отвергай ничего необъяснимого, но особенно не

вдавайся в подробности. Это не наше дело. Такие явления лучше обходить стороной и держаться подальше от попыток познания этих тайн.

– Помнишь, я рассказывал тебе, что в детстве совсем не чувствовал, что он слеп. Мы всегда играли наравне. А когда играли в прятки, он точно указывал, за каким камнем я притаился.

– Он у нас великий человек, с метиной самого Тэнгри... Вот по Его местам-то и пошёл.

– Странно: зачем Тэнгри надо, чтобы по его следам проследовал именно слепой? – Бабыр по-детски изумлённо посмотрел на деда, который потупил взор, поражённый, что внук почти дословно повторил его мысли: «Зачем? Для чего? Какой в этом смысл?»

– Говорю же тебе, что не знаю. Нам многое неизвестно. Но надо заметить, что к Тэнгри шли, и будут идти... – уверенно сказал дед. – А мы с тобой – ратные люди, и не должны особо вдаваться в излишние сложности. Я ничего про это не знаю, но чувствую, что до добра эти знания нас с тобой не доведут. Мир для нас должен быть прост и ясен... Мы люди служивые, живем по приказу начальников, особо не рассуждая, ибо предполагается, что они, вышестоящие, ближе к Небесам, потому – им видней. Полагаться на волю Тэнгри всегда надежней, чем на собственный выбор. Что там наша воля...

– Не всё мне понятно... Но буду стараться всегда полагаться на Высшую волю, – почему-то излишне напряжённо проговорил Бабыр. – А как с Окуном быть, если найдём? Это его мы посадим на трон в Саратае?

– Это решит саархаан. И ещё... Будь очень осторожен... Внимание и ещё раз внимание. Разбойники народ непонятный, они не только люди без роду и племени, их действия порой невозможно предугадать. По нашему разумению надо бы убежать – а они затаятся, правильнее бы нападать – а они вдруг исчезнут, разбегутся. Это не обычный воинский поход, законы которого ты более-менее знаешь, поэтому будь всегда настороже. Не рискуй людьми и лошадьми. Придерживайся правила – «лучше выждать». Нам спешить некуда. Это они вынуждены ждать караван и не пропустить его. А тебе их

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН.

нападение будет лучшей подмогой в ответе на поставленные вопросы. Затверди: осторожно выследить, подробнее расспросить, разузнать побольше, а тогда и действия твои будут не наобум, а наверняка.

– Хорошо. Всё исполню.

– И помни ещё: мне давно надо бы в мир иной. Но Тэнгри чего-то медлит. Я стал очень стар, поэтому скоро вся ответственность за семью, за наш род ляжет на твои плечи. Да, возрастом ты молод, но после меня старшим в роду остаешься ты... Потому будь особенно сдержан. Понял?!

– Понял.

– И не забывай поручать всем группам расспрашивать везде о бывшем правителе Саратая – Окуне. Просто ищи следы. Не надейся его найти, это, уверен, нелегкое дело. Он опытный человек, спрятался надёжно. Его поиски нужны нам, как возможность получения сведений об Аколе. Скорее всего, Окуня давно выследили и убили, как и всех его предшественников. Но всякое бывает на свете.

После ухода Бабыра старый Турар, наверное, от навалившейся вдруг усталости, приуныл. Такое бывает, когда неожиданно покажется, что все надежды на светлое будущее улетучились в одночасье. А что унёс с собой воодушевлённый внук? Неужели, всю его силу и уверенность? Весь его жизненный запал?

Что же делать? Как быть? Как дослужить? Всё в мире так быстро меняется, да ещё пытается показать свой звериный оскал...

Жили не тужили хунны по соседству с великим, богатым, но пока слабым из-за своей раздробленности Китаем. Надо признать – неплохо устроились: в течение нескольких веков легко находили у них то, чего сами сделать, вырастить или добыть не умели.

Турару много раз приходилось бывать в Китае. Видел его в разное время, в разном состоянии. Видел огромные поля, засеянные различными злаками. Умеют китайцы обрабатывать даже

горные склоны, немислимым образом получая воду для увлажнения рисовых полей. А каких трудов и забот требуют тутовые деревья, где разводятся шелкопряды!.. Поистине великий, благодатный край.

Теперь там разруха, голод, что трудно, невозможно ему даже представить. Не верится, когда собственными глазами видел иной, во всем великолепии богатый край.

Вот до чего доводят внутренние неурядицы и междоусобные войны! Неужели они не могли договориться? Трудно в это поверить.

Многие хунны, уверенные в своём превосходстве над другими народами, воспринимая величие своё как данность, раз и навсегда дарованную им Всевышним.

**Перевод с якутского
Владимира Крупина.**

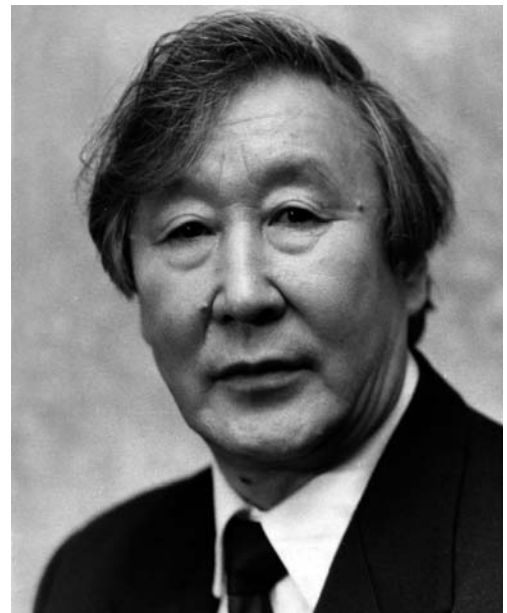

Иван ГОГОЛЕВ,
народный поэт РС(Я)

Материнский язык

Поэма

В начале было только Слово... И оно
собою горы, небеса, моря и дно –
всё заполняло, пока мир лежал во мгле,
и было пусто в вулканической золе!
Ни саблезубого, ни прочего зверья
не заселяло те пустынные края,
и только Слово, как горячий яркий шар,
неслось по миру, рассыпая всюду жар.
Ещё по небу не летали стаи птиц,
и полыхая ярче огненных зарниц,
сияло Слово над пустыней мировой,
даль озаряя семицветною дугой.
И в те столетия ничья ещё нога
не проложила след сквозь белые снега,
поскольку мир, дышавший свистом
жёстких выюг,
ещё не ведал ни одной души вокруг.
И только Слово бороздило океан,
протяжным шумом прорываясь сквозь туман...

И вдруг однажды, как доносит нам молва,
в наш мир двуногие явились существа;
им не дано было костёр самим зажечь,
а звонкий свист им заменял собою речь.
И видя то, сошло к ним Слово с высоты
и, будто молния, упав средь темноты,
вошло в уста их полыхающим огнём,
им обжигая горло полночью и днём,
сияя светом, загоревшимся в глазах,
как будто солнце, что сияет в небесах.
Всё зазвучало средь лесов, полей и гор!
И Слово стало жить у них в груди с тех пор.

Так тот двуногий, обретя себе язык,
стал Человеком, что был дик, а стал – велик!
И с той поры по всей планете он идёт
и на плечах своих несёт весь небосвод.
И, рассыпая в мир Божественный Глагол,
творит им заново моря, леса и дол,
преображая весь окрестный белый свет
и говоря всем: «Для меня преграды нет!
Наступит время – и все реки и моря
мне по колено будут (я – твержу не зря!)».
Так размышлял, на мир взирая, Человек,
себя хозяином считая гор и рек.

ИВАН ГОГОЛЕВ. МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК.

Поэзия. Новые переводы

Он был не прост и, слыша свой духовный рост,
сказал: «Я скоро долечу до дальних звёзд!» –
и это Слово, прилетев издалека,
ему бессмертие вручило на века.
Оно летит по миру жаркими ветрами,
горит кострами голубыми вечерами,
шагает бодро через звонкие ручьи,
ступает в горы, что стояли век ничьи.
В трудах и битвах пронесли над миром годы,
и – заселили все края Земли народы...

То ли Всевышний так по мудрости решил
и Свой закон для всех единый положил,
но крепче идолов, расставленных по свету,
сильней божков, что караулили планету,
народы – каждый! – сохраняли свой язык,
что по велению Всевышнего возник.
Подарком свыше языки свои считали
те, кто на нём слова Апостолов читали.
Не вражьей кровью омывался он тайком,
а белоснежным материнским молоком,
горячим потом да ручьями горьких слёз,
что в колыбель стекали, где язык их рос.

И вышло Слово то медведем из пещеры,
неся в себе заряд любви и силу веры,
расправив плечи, все сомнения отставив,
и свою грудь ветрам хлопочущим подставив,
в свободе, точно в колыбели, рождено,
о ней единственной мечтать могло оно.
То Слово не было суровым! Громом лат
оно народам не грозило, как солдат.
Оно имело материнский добрый лик,
что, как цветник, цвело. А пело – как родник!
В момент рождения встречая малыша,
творило Слово заклинанье, чтоб душа
была умней всех непрочтённых в мире книг...
О том оно ему и пело в этот миг.

Стараясь честно жить, о славе не тужить,
готов я голову на плаху положить,
чтоб искупить своею смертью навсегда
для Слова жизнь на бесконечные года.

О, материнский, изначальный мой язык!
Ты жизнь и смерть моя, мой выдох и мой вскрик!

Словно костёр в ночи, сто раз ты угасал,
и десять тысяч раз ты снова воскресал.
Кто на курганах умирал, уткнувшись в пыль,
забытый всеми и покинутый – не ты ль?
Упав в ковыль, словно обрётенный чорон,
ты пролежал там, слыша только крик ворон,
до той поры, пока, склонившись над травой,
тебя извлёк из пыли всадник молодой
и рукавом с тебя смахнул столетий грязь
так, что на нём сверкнула предков древних вязь.
И лишь кумыс в чорон налили по края,
как в нём запела тотчас музыка твоя!

Скажи, не ты ли угасал костром в ночи
возле бахчи, где пели струйками ключи
и во все стороны на свищущих ветрах
летел по миру разносимый горький прах?
И путник бедный, что шагал сквозь дождь и мглу,
дрожа от холода, собрал в ладонь золу
и начал дуть в неё своим дыханьем жарким –
и запылал он вновь во тьме сияньем ярким!
И взвился к небу белым светом он горячим,
мир снова делая всё слышащим и зрячим,
всех созывая к своему прийти костру
и согревая всех замёрзших на ветру.

На берегу, в шуршащих шумно камышах,
сгнивал не ты ль разбитой лодкою в штормах,
мечтая белым кораблём стать в небесах,
летя над морем на раздутых парусах?
За ярким блеском, плеском сказочной мечты
не ты ль гагарой падал в омут с высоты?
Не ты ль кричал сиротски в небе журавлём,
гонясь за белым промелькнувшим кораблём,
и горький крик твой, что с тоской над миром
плыл,
всех теребил и чьё-то сердце всё ж будил.
И одержимый молодой олонхосут
пел о конях, что нас на крыльях вознесут
вплоть до девярых, до сияющих небес,
чтобы оттуда на моря, поля и лес,
на всё, что в мире возросло и расцвело,
взирать с любовью, дружелюбно и светло...

О, материнский, изначальный мой язык!
Моя печаль, моя надежда, плач и крик!

Обожжена давно душа твоя огнём,
тебя терзанья мучат ночью, мучат днём.
И видя это, в горькой боли мучусь я,
когда прославленных народов сыновья
спешат на форум, где твой голос позабыт,
а ты лишь губы поджимаешь от обид
и боль свою, вдали от них в себе нося,
таишь в душе её, поблажек не прося.
Когда ж другие будут городом идти
и вдруг тебя случайно встретят на пути –
они пройдут, тебя как будто не узнав,
а ты смолчишь, словно всегда во всём неправ.
И загрустишь, когда чужие языки
вокруг тебя взовьются звонки и легки,
друг друга славя, оглашая гласом тишь,
а ты, краснея от волнения, стоишь,
всем поклониться хочешь, всем воздав хвалу,
ты – благородный, ты паришь под стать орлу,
в тебе для всех хватает щедрости души,
всех обними, всем поклониться поспеши,
в кругу великих разноликих языков
освободи себя от скромности оков,
и в их кругу своё величье не роняй,
ты – равен с ними. (Это ты не забывай!)
Пока живёт язык – живёт с ним и народ.
Не прогибайся!
Смелым будь!
Смотри вперёд!

Но что стряслось? То ли иссохла в нас любовь?
А то ли как-то, по указу свыше, разом
застыла в жилах наших огненная кровь
и разучился размышлять внезапно разум?
Мы перестали перед храмами снимать
свои фуражки, от волнения немея,
зато начальству стали трепетно внимать
и перед креслами склонять послушно шею.
Не золотые стали в почести сердца,
а лишь сверкающие золотом медали.
Нигде не встретишь настоящего творца,
одни рвачи теперь повсюду замелькали.
Сегодня очень модно стало всё хулить
и жидкой грязью всё своё вокруг облить –
родной язык, нам за который стало стыдно,
и говорить на нём пред публикой обидно.
Как говорят – образование сейчас

ИВАН ГОГОЛЕВ. МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК.

то ль усреднённое, то ль среднее у нас,
но из-за этого владеет миром серость.
Куда-то делись вдруг
решимость, яркость, смелость.
Чертям и чертенятам – нет здесь дел!
Но боги спят, а мир – как омертвел.
О, материнский, изначальный мой язык!
Не спи, проснись!
Ты слышишь дальний крик?
Рождён пургой
и одухотворён,
то – Божий глас к нам
от грядущих мчит времён...

Я видел нищего – ни мощи в нём, ни сил,
он возле храма подаяние просил.
Но никому он из прохожих не был нужен.
И мнилось мне, что это – древний мой язык.
И я сказал: «Пусть лучше вырвут мне кадык,
чем мне увидеть, как, валяясь в грязной луже,
сородич мой горланит пьяные слова.
Уж лучше пусть меня тоска иль боль задушит,
чем повторит такое обо мне молва!..»

То ль наяву, а то ли это всё во сне –
однажды мёртвый мир привиделся вдруг мне,
и души мёртвые слонялись там уныло
по пустоши болотной, где всё гнило.
И я отчаянно воскликнул: «Кто же вы
среди этой мглы, где ни листочка, ни травы?!»
И мне туман ответил серый с тихим горем:
«Я был когда-то бесконечным синим морем,
но волн язык забыв, что ясен был гагарам,
я вместо моря стал зловонным, серым паром...»

И серый пепел вслед за морем мне сказал:
«Зелёным лесом я когда-то здесь стоял.
Но я забыл язык листвы под небом синим.
И серым прахом я лежу теперь в пустыне...»

А вслед за ним заговорил песок сырой:
«Я был когда-то здесь скалистою горой.
Но понимать язык камней я перестал
и с той поры песком бесцветным я здесь стал...»

Поэзия. Новые переводы

Потом простор мне серый так в ответ сказал:
«Я был здесь всем, что я свободой называл.
Но я забыл язык свободы, и с тех пор
я стал ничем – ни плеском волн, ни тенью гор...»

И вдруг вдали, как будто молнией гроза,
сверкнули чёрные горящие глаза –
то материнский, изначальный мой язык,
в котором полный слёз укор немой возник...

О, материнский, изначальный мой язык!
О, Матерь Божья! Я в душе – не клеветник.
Послушай исповедь мою – в ней не нытьё,
а покаяние сердечное моё.

Я трусом не был
и от правды не устал.
Когда ж чиновник уважать тебя не стал
и в глубине своей душонки делал вид,
что в недрах сердца он любовь к тебе хранит –
о, как бы я хотел швырнуть ему в лицо
хотя б одно – не матерщинное словцо! –
а материнское, израненное слово,
в котором боль, как жар костра, горит багрово.

Но кто-то призрачный
вдруг тронул мой рукав
и ядовито прошипел мне, как удав:
«Уймись, безумец! Будь смиренным и немым.
На звон бокалов поспешая молодым,
не забудь, что возле залов, где балы,
зубами жёсткими скрежещут кандалы!»

Да, кандалы есть из железа, что черны.
Из стали тоже есть, кому-то суждены.
Но их напильником возможно распилить
иль тяжким молотом расплющить и разбить.
А есть на свете – невидимки-кандалы,
что вечно злы
и ловят путников средь мглы,
и никому из их холодных цепких рук
не удалось ни разу вырваться без мук.
Тех кандалов, тех невидимок пара лап
хватает ум людской – и вот уже ты раб!
Захватит душу, заплетёт тебе язык.
А кто на свете в кандалах летать привык?

Ты влипнешь в грязь,
в болото ввяжешься на треть.
Но кто на свете в кандалах готов гореть?
Лишь еле-еле, потихонечку коптеть,
вонять горелым да противным дымом тлеть.
Ну, а кого судить ты сможешь в их делах,
когда ты сам идёшь по жизни в кандалах?
Ты можешь только миру хитро лгать и льстить,
кому-то мстить,
дорогу в смерть себе мостить.
А миру надо – покаяния слова,
что просыпаются, как майская трава,
что, как дождём весенним, весело гремят
чтоб все отмыли и лицо своё, и взгляд.
И в этих струях, где так сладко ликовать,
смогли мы в крылья кандалы перековать,
и над землёй своей кружиться и парить,
и воздух воли все могли мы гордо пить!..

О, материнский, изначальный мой язык!
О, Матерь Божья! Когда солнца светлый лик
я по утрам встречаю, выйдя на крыльцо,
мне кажется, что в нём – Твоё Лицо!
И, видя яркое сиянье на востоке,
я повторяю молча Пушкинские строки:
«Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

А в час ночной, когда струится звездопад
и звёзд осколки оседают роем в горы –
то дарит миру с высоты вселенский сад
на амулеты свои звёздные узоры.
Берите их, кладя ребёнку в колыбель,
чтоб мать его потом с тревогою качала,
гадая, сколько ж до конца времён с начала
над миром будет петь небес виолончель?
Не знаю я, наступит скоро ли финал
тому, что в мире с каждым годом происходит,
но под песком уже засыпанный Арал
из-за чиновников весь сохнет с каждым годом.
И слышу я, как с содроганием Байкал
роняет стон за свои гибнущие воды.
Но кто его, скажи, годами отравлял?
Сама держава это всё! Не «враг народа».
Ещё я видел, как текла Виллюй-река,

словно помои, что плеснули на задворки,
или больной, что полз издавека,
лежит в замёрзшем, неотмытом морге...

И вот стою я на краю земли,
там, где поблажки в прошлое ушли,
и начинается смертельное сраженье
за жизнь,
за честь,
за доблесть,
уваженье.

Себя доверив ищущим глазам,
я подниму их смело к небесам,
словно колдун – языческий и древний,
ведя трёхдневный
заговор свой гневный:
«О, материнский, изначальный мой язык!
Сначала он среди пустых долин возник.
Воистину, так было! Это правда.
О том сегодня говорю я прямо.
И коль придёт конец родному языку,
тогда нам всем наступит кара на веку.
Так будет! И не место тут браваде.
Язык родной мой – в нём волшебный круг,
а в нём четыре скрыто самых главных света:
восток и запад, север здесь и юг,
Весь путь, которым движется планета.
Так пусть язык наш над землёй парит, как флаг!
Да будет так!
Да будет так!
Да будет так!»

О, материнский, изначальный мой язык!
Моя надежда, моя боль, мой горький крик!
Из чрева матери я выпал в этот мир
вниз головой – держа её, как балансир.
Сама природа мне сказала так (иль Бог!),
что голова моя важнее рук и ног.
И, задохнувшись от подобной простоты,
в себя вдохнул я воздух терпкой высоты,
что оказался языком моим родным.
С тех пор дышу я только им, лишь им одним!
О, материнский, изначальный мой язык!
Как к молоку я материнскому, приник
к священной влаге родового языка,
где начиналась его мощная река!

ИВАН ГОГОЛЕВ. МАТЕРИНСКИЙ ЯЗЫК.

С тех пор духовный голод, звавший меня в бой,
тобой одним я утоляю, лишь тобой!
Своим раздетым, голым телом слышал я
дыханья мира холод жёсткий, как змея.
И закричал я, надрывая свой кадык:
«Ты мой спаситель! Ты хранитель мой – язык!»

«О, материнский мой язык! Ты – мой причал.
Тут мой конец и тут исток моих начал.
На пепелище, где жила моя родня,
ты коновязью ожидаешь тут меня.
Возле погоста моих предков – там, где тишь,
над тёмным срубом ты мучительно грустишь.
Не угли стылые чернеют в очаге –
это глаза твои сияют мне в тайге.
Седым орлом, в туман раздумий погружён,
глядит с кургана он, ветрами обожжён.
Не забывая светлый праздник Ысыах,
он отражается в весёлых голосах
и белый конь его провозит по поляне,
чтоб весь народ шептал с ним вместе заклинанье.
И знаю я – в тот Ысыах и я воскресну,
и не отвергнув поединок свой словесный,
опять я ринусь в тот, меня зовущий, бой
за свет,
за солнце,
за язык,
за жизнь с тобой.

И знаю я, что нам с тобой ещё судилось
немало петь, немало биться и стонать.
Смеяться. Улыбаться. И страдать.
За честь твою. За правду. И – за милость.

**Перевод с якутского
Николая ПЕРЕЯСЛОВА.
Декабрь 2017 года.**

О переводчике

Николай Владимирович Переяслов родился 12 мая 1954 года.

Секретарь Правления Союза писателей России. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Член Славянской литературной и артистической Академии в Варне (Болгария).

Работал шахтёром в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской области, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы.

Н. Переяслов — делегат 1-го Российского Литературного Собрания и встречи писателей с Президентом России В.В. Путиным. Был участником 1-ой Международной поэтической конференции в Каире и 1-го Международного фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме. Участвовал в праздновании 100-летнего юбилея народного писателя Якутии Дмитрия Кононовича Сивцева — Суоруна Омоллоона и в IV съезде Ассамблеи народов России в Якутске.

Писал статьи о творчестве Суоруна Омоллоона, Николая Лугинова, Владимира Фёдорова и Ольги Пашкевич, переводил на русский язык стихи Натальи Харлампьевой, Елены Слепцовой-Куорсуннаах, Иннокентия Левина, Константина Дьячковского, Михаила Тимофеева и других якутских поэтов.

Руководил рядом творческих семинаров, совещаний и мастер-классов для молодых авторов, таких, как Гаврил Андросов; давал рекомендации для вступления в Союз писателей России известному путешественнику Фёдору Конюхову, будущему тогда министру культуры РФ Владимиру Мединскому, активному ныне писателю Захару Прилепину, православному самарскому протоиерею-писателю о. Николаю Агафонову, бывшему губернатору ЯНАО Юрию Неёлову и целому ряду других авторов.

Автор порядка 40 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Татарстана, Казахстана, Армении, Грузии, Болгарии, США и других стран.

Составитель уникальной поэтической Антологии, посвящённой войне 1812 года — «Недаром помнит вся Россия» (Смоленск: Изд-во «Маджента», 2012).

Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и Большой литературной премии России, учреждённой Союзом писателей РФ и якутской компанией АЛРОСА. Победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад — милость для миров», проводимого Советом муфтиев России.

Награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», орденом М.В. Ломоносова, медалью святого князя Даниила Московского, Золотым знаком Абая Кунанбаева, медалью Мусы Джалиля, двумя юбилейными медалями Республики Саха (Якутия) и другими наградами.

Живёт в Москве.

Сэмэн ТУМАТ,
народный писатель РС(Я)

Смертельный дрейф*

Повесть

* * *

В этот раз свой знаменитый нож работы якутского мастера, который был предметом зависти многих охотников и рыбаков, вытащил Хара Баттах.

Хороший охотничий нож на Севере ценится дороже золота, без него никуда. Здесь есть легенда о том, как двое охотников-эвенков одним ножом убили матёрого белого медведя. Оказавшись с глазу на глаз с хозяином Арктики, охотники не растерялись. Как только медведь собирался напасть на одного, сзади в него второй вонзал нож. Зверь в ярости оборачивался, и в этот момент охотник успевал перекинуть нож своему другу и теперь тот втыкал медведю нож сзади. Медведь снова оборачивался и снова всё повторялось. В конце концов, охотники прикончили зверя. Хара Баттах не знал, насколько эта история правдива, но она, по его мнению, показывает не только природную смекалку местных жителей, но и истинную ценность хорошего охотничьего ножа. Здесь вообще много поверий, связанных с ножом. Например, если кому-то снится, что ему подарили нож, значит, скоро у него родится мальчик. Если нож во сне сломался – это к болезням, несчастьям.

Оттого, что в этих краях их никогда не изготавливали, человек, приехавший с Дойду с ножом в качестве подарка, становился самым дорогим гостем. Ножи приобретались самыми разными путями – кому-то дарили, кто-то

специально заказывал через знакомых, а кто-то выменивал понравившийся экземпляр у заезжих промысловиков на добытую с трудом пушнину или шкуру белого медведя.

Сам же Хара Баттах свой нож получил в обмен на несколько шкур песца, когда однажды ездил в Якутск по делам. Его нож был изготовлен по всем канонам лучших мастеров Дойду – он имел красивую массивную ручку из берёзового капа и полукруглую форму клинка с одной стороны, а на другой имелся обязательный для якутских ножей глубокий дол. Нож точился только с одной стороны и только специальным бруском из такой же стали, что и само полотно ножа. Брусок имел красивую стальную завитушку, специально выкованную кузнецом для того, чтобы вдеть туда кожаный ремешок, привязываемый непосредственно к ножнам. Так что он никогда не терялся. Нож точился легко, быстро и очень долго оставался острым, он легко справлялся с любой мёрзлой рыбой или мясом. К тому же по заказу охотника мастер изготовил роскошные ножны из бычьего хвоста, так что Хара Баттах не зря гордился своим любимым ножом. А когда собеседники начинали излишне хвалить или спрашивать, у кого приобрёл, то он отвечал, что это его самый простенький нож, а лучшие экземпляры у него дома. Так, считал он в душе, оберегает свой нож от сглаза. Мало ли что...

То, как Хара Баттах разводил сейчас огонь, было похоже на древнее священнодействие.

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

Он бережно взял в руки расколотый пополам обрубок остола, белая сердцевина которого с желтоватыми прожилками напоминала мясо осетрины, отколол оттуда одну щепу и настругал её тончайшей стружкой. Затем аккуратно расщепил несколько лучин, но не до конца, а оставляя целым один конец. Получалось что-то типа деревянного гребня для волос с длинными зубцами. После этого опытный охотник, не раз разводивший огонь на ветру с минимумом дров и одной спичкой, положил небольшое расколотое полено, на которое сначала насыпал тонкую стружку, а затем сверху разложил нерасщеплённые до конца лучины. Хара Баттах чиркнул спичкой, и все в неистребимой надежде на жизнь усталились на слабенький вначале дрожащий огонёк, который быстро набрал силу, и вскоре люди и собаки отбрасывали таинственные тени на отсвечивающие голубоватым светом стены ледяной урасы.

Собаки, очень тонко чувствующие людей, по огню соскучились не меньше. У них заблестели глаза, и они с удовольствием вдыхали чуть с горчинкой запах костра, который был для них запахом тепла и доброты. Они знали, что костёр всегда означает хорошее настроение хозяев, беседы, ласки и долгожданную еду. Снег в ведре растаял и в ожидании, пока закипит вода, рыбаки разделали ряпушку на кусочки. Собакам, как и в прошлый раз, Кюстях Федот нарезал янтарного цвета моржовый жир на восемь порций, а Усун Андрей покормил каждого из рук. Тем временем вскипела вода. Другим хотелось сразу попить, но ободок ведра был ещё слишком горяч, а кружек, чтобы разлить воду, у них не было. Хара Баттах ловко разровнял угли ровным слоем и положил туда приготовленные кусочки рыбы. Он несколько раз переворачивал их, чтобы не пригорели, и в итоге они покрылись аппетитной хрустящей корочкой. Ледяную урасу наполнил ароматнейший запах, создалось даже ощущение домашнего уюта и рыбакам было трудно представить, что всё это происходит с ними на дрейфующей в неприветливом море холодной льдине.

Довольные друзья попили горячей воды,

покурили. Усун Андрей сгрёб угли в кучку, положил сверху новое полено и раздул огонь. При танцующем свете костра он получил возможность снять вконец разошедшиеся по швам торбаза и чуточку отогреть покрывшиеся влажными волдырями замёрзшие ноги. Увидев это, Хара Баттах негромко, но отчётливо и неожиданно твёрдо сказал: «Андрей, вот торбаза наших друзей, выбери по размеру и надень. Им они больше не понадобятся».

– Да вы что, как я надену-то?! – воскликнул Усун Андрей. Он ещё вчера днём, когда они обследовали палатку, увидел, что там есть две пары торбазов, которые рыбаки не успели надеть в темноте в начавшемся кошмаре и выскочили на льдину босыми. Но ему тогда и в голову не пришло, что он может надеть обувь своих мёртвых друзей, хотя его собственные торбаза пришли в полную негодность.

– Мэхээлэ правильно говорит. Надевай. Если мы останемся в живых, то мы доставим их домой и похороним по-людски, а для этого нам надо, чтобы ты не отморозил себе ноги. Ты нам нужен живым. Не думаю, что они бы обрадовались, если ты отправишься вслед за ними, – также твёрдым голосом, не допускающим возражений, сказал Кюстях Федот и положил перед ним две пары торбазов на выбор.

С доводами друзей пришлось согласиться. Усун Андрей вывернул наизнанку свои большие рукавицы с мехом песка внутри и вытер насухо ими ноги, и взял одну пару, которая, как ему показалось, была чуть больше, чем другая. Что ни говори, вскоре ноги отогрелись, и ему стало значительно лучше.

– Кырсалаха и Истэх Уйбана мы не нашли. Если бы они были на льдине, хотя бы занесённые снегом, то Чолбон бы нам обязательно показал. Видимо, их унесло во время шквала прямо в море. Хорошо, что Хасчыта и Пасчыта мы отправили с рыбой в Сагастыр. Хотя бы они останутся в живых, – всё это Усун Андрей сказал, чтобы поставить точку в теме, которая была для них очень болезненной. Но выговориться по ней было необходимо, и он посчитал нужным, что раз заговорили, то необходимо высказаться,

чтобы больше не возвращаться к ней. По крайней мере, сейчас.

– Мы тоже так думаем, – ответили ему. Больше об этом они не говорили.

Хара Баттах увидел, что на огне ещё можно успеть вскипятить немного воды. Он успел. Рыбаков, впервые поевших и вдоволь попивших за несколько дней горячей воды, разморило моментально. Кюстях Федот заснул даже с трубкой во рту. Не менее довольные собаки свернулись калачиком возле людей, согревая их своими телами.

Интересное существо человек! Какие бы невзгоды ни приключились с ним, даже стоя на гибельном краю, он попытается обмануть себя, придумает массу разных дел. Хара Баттах посоветует Усун Андрею намазать лицо и ноги моржовым жиром, как будто сейчас ничего важнее обмороженных щёк и ног его друга нет. А эта ледяная ураса, костёр из последних дров, горячая вода из растопленного снега, ласки четвероногих друзей – всё разве не из этого ряда, когда человек пытается обмануть себя, зная, что смерть неизбежна? Но человек всегда остаётся человеком, его любовь к жизни неистребима. Друзья, конечно, не говорили такие громкие слова и даже не думали об этом, но для них, действительно, ничего важнее самочувствия Усун Андрея сейчас не было. Они сохраняли человеческое достоинство и не теряли надежду, которая всегда умирает последней, даже если ты плывёшь по воле волн на зыбкой льдине куда-то на Север, в темноту.

Сейчас они спят и видят десятые сны, а завтра они проснутся и вновь придумают, чем заняться. Они рассчитают остатки продуктов, чтобы растянуть их на пять-шесть дней. На такое же количество дней заготовят дров из последнего шеста для управления нартами. Договорятся, что огонь будут разводить только для того, чтобы вскипятить воду. Один раз в день.

С превеликой осторожностью вытащат из ледяной расщелины покойников, и укроют их снегом на задней стороне ледяной урасы. И будут ждать, что с ними будет дальше. Будут ждать изменения направления ветра. Им оставалось

только ждать, ведь больше они ничего сделать не могли, и это будет угнетать их больше всего. Но это будет завтра, а сегодня, а сейчас, они спят и видят сны.

И опять на льдину, плывущую по воле волн и ветра в открытое море, с невероятной высоты смотрят бесчувственные звёзды. Им невдомёк, как счастливы в этот момент находящиеся на ней люди и собаки, впервые поевшие за несколько дней и ощутившие живительное тепло в своих урчащих желудках. Их от студёных вод Северного Ледовитого океана отделяет всего пара метров, а над ними вселенский холод. Они не знают, что будет с ними завтра, но в этот момент они живы и согревают друг друга своим дыханием...

Так прошёл ещё один день.

* * *

Усун Андрей проснулся с ощущением того, что ему стало значительно лучше. Дышалось легко и свободно, в ногах ещё была ноющая боль, но не такая сильная, как вчера, а кожа на щеках, после того, как он по совету Хара Баттах смазал их моржовым жиром, стала значительно мягче, исчезло неприятное чувство стянутости. Он мысленно поблагодарил своего друга.

Ночью ему приснился сон. К нему в ледяную урасу явилась седая старушка в белом платке и в такого же цвета платье. Черты её лица чем-то напоминали его бабушку Аанчык, давно покинувшую земную юдоль и похороненную в Дойду.

«Дружок, ты здесь, оказывается, лежишь. Как же тебя далеко занесло! Я тебе тут настойку из трав родного алааса принесла, выпей – и сразу полегчает. К тебе я не просто явилась – знай, что грядут события, которые словно мутовкой взбаламутят устоявшуюся мирную жизнь наших тихих алаасов. С этими страшными событиями не сравнятся никакие твои нынешние мучения. Успокойся. За мной хотел увязаться жертвенный жеребец твоих предков, но я его прогнала прочь. Рано ему ещё являться к тебе. Ты настойку-то попей», – проговорила старушка.

Усун Андрей принял из её рук настойку и выпил. Старушка добавила: «Погляди

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

внимательно на дорогу, по которой я сейчас буду возвращаться». Он посмотрел в указанную ею сторону и увидел в льющемся свете луны старушку в белом платье, стоящую ровно под таинственно сияющими Плеядами. Она обернулась, а затем медленно пошла вдаль. Туда, куда ступала её нога, тут же всходили нежные зелёные травы. Изумрудная дорожка вела прямо на юг.

«Видимо, это дух далёкого родного края решил проведать меня в мой последний час на этой льдине, чтобы я не так переживал, – подумал Усун Андрей. Но, с другой стороны, он ведь узнал, что старушка из его сна отогнала жертвенного жеребца, который, по преданиям, приходит только к умирающему человеку. Значит... А затем она велела посмотреть на её следы. Неужели... Эти мысли сначала успокоили его, но затем им постепенно овладели тревожные думы: – Или это богиня-покровительница нашего народа Айыысыт явилась ко мне в виде бабушки Аанчык, чтобы предупредить о чём-то другом. О каких страшных событиях, которые, словно мутовкой, взбаламутят мирную жизнь наших алаасов, она хотела сказать? Неужели война? Слышал, что немцы начали в Европе войну, неужели нападут и на нашу страну? Тогда, действительно, о спокойной жизни придётся забыть».

Тут Усун Андрей невольно улыбнулся. Он представил себя – размышляющего о войне и мире в ледяной уресе на краю света на дрейфующей льдине. А ведь его жизнь и жизнь его друзей зависит лишь от одной плавающей в воде бесчувственной глыбы, которой вдруг вздумается врезаться в их льдину. Но всё равно он посчитал, что это хороший сон – богиня-покровительница Айыысыт просто так являться не будет. К тому же он вспомнил свою жену Аанчык, детей, и на душе стало легче. Он расчувствовался, но слёз не было. Это была не душевная чёрствость или присущая северным мужчинам привычка не показывать свои эмоции, просто Усун Андрей не хотел в лишний раз будоражить своих друзей, и по этой же причине решил не рассказывать им свой сон.

Как раз к концу его размышлений проснулись

все, и в ледяной уресе сразу стало оживлённо. Наступил новый день. Собаки стали потягиваться, попросились на улицу. Друзья попили холодной воды, затем не выдержали и съели по кусочку ряпушки. В своё «оправдание» решили, что огонь разожгут только завтра вечером. Кюстях Федот вновь нарезал моржовый жир тонкими пластинами, и друзья, впустив внутрь собак, покормили их. При этом называли каждого по имени, почесали им шею, грудь и за ушами, отметили их достоинства – кто-то может придти на смену Чолбону, кто-то самый сильный в упряжи, самый выносливый, зоркий, быстрый, добрый, а одного пса назвали даже самым хитрым. Но все собаки были на седьмом небе от счастья.

По большому счёту делать было нечего, и друзья начали неспешный разговор. Отчего-то речь зашла о чучуне – диком человеке из фольклора северных народов.

– Андрей, вот говорят, что существует чучуна. Рассказывают, что это, мол, одичавшие люди. Что ты знаешь об этом?

– Чучуну своими глазами я не видел, но со мной однажды приключилась такая история, что я уверен – это были его проделки, – начал неспешно свой рассказ Усун Андрей, набивая трубку. – Однажды на острове Дунай арыыта мы с Улахан Абалахааном охотились на диких оленей. В тот день нам не повезло. Внезапно поменялось направление ветра и олени, тотчас учувявшие нас, скрылись из виду. Ну, возвратились мы в свою охотничью избушку, хотели было чай вскипятить и на ужин что-нибудь приготовить, глядь – а печки нет! Утром была, а сейчас нет!

– Но! – произнесли друзья традиционный якутский возглас, сопровождающий интересный рассказ.

– А мы точно знаем, что на острове никого, кроме нас, нет, – продолжал Усун Андрей. – Даже если бы люди были, то никто бы так шутить не стал.

– Конечно! – друзья в знак согласия закивали головами.

– Старик сильно тогда рассердился. Сказал, что это проделки чучуны и если он увидит его, то

уж точно одним выстрелом попадёт ему промеж лопаток. Вот как он рассердился! Делать нечего, пришлось разводить на улице костёр. Перед сном старик по обыкновению решил покурить и выронил спички на пол. Нагнулся за ними и как закричит: «Ах ты, шельмец! Ты посмотри на него, что вытворяет!» Оказывается, нашу железную печку кто-то засунул в самый дальний угол у изголовья его нар. Там же валялась труба. Я раньше не очень-то верил в эти рассказы, считал их небылицами, но этот случай был при мне. Кто мог поступить так, если не тот, кого здесь называют чучуной? Больше некому. Через год Улахан Абалахаан умер. Я с тех пор думаю, что появление чучуны не к добру...

– А говорят же, что он кому-то диких оленей целыми стадами пригоняет во время охоты прямо под выстрел...

– Такой рассказ тоже есть...

– А что говорят учёные люди?

– Однажды я прочитал в газете про одного учёного из города Новосибирска, который специально приехал к нам в Якутию, чтобы изучить материалы про чучуну. А может быть, и следы его какие-то найти. В общем, Гурвич, так его звали, утверждает, что чучуна происходит от чукчей...

– Ну-ка, ну-ка, – Хара Баттах смахнул шапку на затылок и пододвинулся к рассказчику.

– Чукчи промышляют в основном морского зверя, они охотятся на китов, моржей, нерп. Иногда они, как и мы сейчас, оказываются во время охоты на льдине, которая уносит их далеко в открытое море. А по их обычаям унесённый льдиной человек считается подарком, который дух моря взял себе. И если этот человек каким-то чудом спасётся и пристанет к берегу, то он уже не должен возвращаться назад к своим сородичам...

– Но!

– Этот человек становится изгоем, живёт вдали от людей, постоянно один, ни с кем не разговаривает и постепенно дичает. Учёный утверждает, что таким образом чучуна – это жертва невежества. В этой версии, наверное, что-то есть. Ведь чучуна откуда-то берётся ведь. Кроме того, говорят, что чучуна крадёт женщин, а

его смех ничем не отличается от смеха человека. Я слышал, что раньше охотники при встрече убивали их. Как только они на себя такой грех брали...

– А ты говоришь, жертва невежества! – слушатели дружно пожалели чучуну.

– Если вдруг получится так, что мы спасёмся из этого ледового плена, то первым делом, конечно, отправимся к своим. Не думаю, что нас выставят за дверь, пусть только попробуют! Да, какие только обычаи не бывают у разных народов, оказывается, – заметил Хара Баттах.

– Что-то я продрог весь, – сказал Кюстях Федот.

– Я тоже...

Все вышли на улицу. Облегчиться.

– Может, ещё один круг сделаем вокруг урасы? Теперь уже можно обмазать спокойно, нарастим лёд там, где не хватает толщины, а заодно и согреемся, – предложил Усун Андрей.

Хара Баттах и Кюстях Федот охотно согласились. Всё равно делать было нечего. Сначала попробовали набирать воду по одному, привязав верёвку к ведру, но поскольку при этом приходилось стоять чуть подалее от края льдины, то добрая половина воды проливалась. Пришлось вернуться к уже опробованному варианту, когда друзья держали привязанного постромками за талию Хара Баттаха, и тот набирал воду. Чтобы убить время, работали не спеша, часто устраивали перекуры. На задней стороне ледяной урасы ветер сдул снежный холмик с того места, куда они положили тела Джюлэй Петра и Кэлтэгэй Чомоха, и из-под снега торчали их руки и ноги. Пришлось насыпать новый холм.

Время от времени друзья останавливались и внимательно смотрели по сторонам. Но из-за поднятой пургой снежной пелены ничего различить было нельзя. Ветер дул не очень сильно, но равномерно и не прекращаясь. Получалось, что эта тягучая пурга надолго. Больше делать было нечего, и друзья, подозвав собак, забрались в свою ледяную урасу, которая им теперь казалась уютным домом.

– Хорошо, что у нас табак есть, а то совсем бы

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

тоскливо было, – сказал Усун Андрей, приглашая друзей к беседе, после того, как все улеглись. И вновь потекли неспешные разговоры. В этот раз, начав с темы курения, добрались до еды и питья, в частности, затронули тему вина и водки.

– Вот водку ругают, а я считаю, что надо винить не её, а людей, которые не умеют пить. И не только водку, но вообще не умеют пить, – сказал Хара Баттах. – Я лично водку уважаю...

– Эх, сейчас бы водочку сюда, хоть согрелись бы...

– Не помешало бы, – согласился Усун Андрей. – А как вы думаете, для чего люди придумали вино?

Кюстях Федот не нашёлся, что ответить, и промолчал. Хара Баттах же напирал на то, что он человек без образования, и для чего придуман алкоголь, он сказать не может, но, по его мнению, абсолютно бесполезную вещь люди бы уж точно не придумали. «Вино лишает кого-то разума, а кого-то обогащает, кого-то толкает на нужду и лишения, а кого-то возвышает», – резюмировал он.

Усун Андрей слушал друзей и понимал, что сейчас важно отвлечь их от тяжких мыслей, и потому напомнил им о разных забавных случаях из их общей жизни. Вспомнили, как обмывали первенца Усун Андрея. В те годы женщины в их края, собиравшиеся родить ребёнка, прежде чем лечь в больницу, готовили мужьям бражку. Так же поступила и Аанчык, поставившая бражку для угощения друзей и родственников мужа аккурат накануне своего поступления в больницу. В это время Усун Андрея не было, он уехал на охоту. Как раз был разгар сезона: конец зимы – начало весны, когда мигрируют тучные стада диких оленей и охотники стараются запастись мясом впрок. Рожает жена, не рожает – все мужчины устремлялись в тундру, иначе можно остаться с пустыми руками. Усун Андрей уехал тогда на пару с Хара Баттахом, а когда вернулся, Аанчык уже была в больнице. Охотник, даже не успев, как принято, поделиться мясом со знакомыми, которые не могли самостоятельно добыть оленину, поехал в больницу, где его ждала счастливая жена с первенцем, который оказался мальчиком. Здесь, конечно, девочек

тоже любят, но мальчикам мужчины всё равно радуются больше.

Новоявленный отец тут же поспешил поделиться вестью с друзьями, и те не замедлили явиться к нему – они знали, что их ждала традиционная в таких случаях бражка от хозяйки.

– Друг Тыппы, послушай-ка там, что бражка шепчет? – поручил Усун Андрей одному из гостей ответственную миссию – проверить, поспела ли бражка, поставленная Аанчык. Тыппы славился тем, что умел каким-то образом определять готовность самодельного хмельного напитка лишь по одному её звуку и запаху. И никогда не ошибался! Сам же Усун Андрей в этот момент строгал на закуску жирную, тающую во рту вкуснейшую нельму.

– Андрей, тут, кажется, уже готово! – сказал Тыппы как знаток, приложив ухо к стоящей за печкой деревянной бочке, прикрытой брезентом.

– Неужели? – Усун Андрей не был уверен в том, что бражка готова, поскольку жена призналась, что поставила поздно, в самый последний момент, и прошло всего пять дней.

– Готово, готово!

– Ну, тогда, давайте садиться, – хозяин пригласил всех к столу и произнёс первый тост: «Судя по тому, как быстро поспел праздничный напиток моего сына, будет он в жизни скорым на руку, много повидает и много успеет. Пусть будет удачливым и мужественным охотником, который всегда сможет обеспечить себя и свою семью достатком. Пусть вырастет человеком, равным всем и уважаемым всеми!»

В тот раз мужчины у своего счастливого друга, человека с Дойду, у которого первенец, оказавшийся сыном, родился на Севере, посидели славно. Бражка Аанчык получила одобрение всех своей особой крепостью и приятным вкусом. А сейчас Усун Андрей, сидя на дрейфующей льдине, думает о том, увидит ли своего мальчика, который должен пойти по его стопам и увековечить имя отца. Но он решил друзьям вида не подавать и, чтобы отвлечься от грустных мыслей, поднял немного другую тему.

Он рассказал о дальних странах, где в изобилии растут всевозможные растения, из которых научились получать вещества, называемые наркотиками.

– И что с ними делают? – спросил Хара Баттах.

– Вначале люди применяли их в медицине – для того, чтобы снять боль. Но оказалось, что они при этом меняют настроение человека, ему становится хорошо, у него пропадает чувство страха, беспокойства...

– И что в этом плохого?

– Люди стали применять их просто для того, чтобы постоянно находиться в состоянии радости. Ну, как если бы ты каждый день пил водку...

– А кто тогда охотиться-то будет? – удивился Хара Баттах. – Я же тогда по миру пойду, и жена меня выгонит.

– Во-во! А человек к этим наркотикам привыкает ещё быстрее и он уже физически не может обойтись без них. Его буквально разрывает от боли...

– Как от похмелья?

– Хуже!

– Куда уж хуже-то...

– Хуже-хуже. И ему с каждым разом нужно употребить всё больше и больше, чтобы вновь испытать чувство радости, а это весьма дорогостоящие средства, и он готов на всё, чтобы получить свою дозу. Он может ограбить кого-то, убить, лишь бы купить наркотик. Есть люди, которые продают им наркотики и зарабатывают на этом большие деньги. А сами наркоманы, так их называют, долго не живут, рано умирают, и у них, если даже рождаются дети, то они уже больны и тоже долго не живут.

– Ты смотри, что делается! И этих растений полно?

– По-разному. Мне кажется, что люди об этих очень опасных свойствах некоторых растений знали с древних времён и поэтому изобрели вино. Всё-таки вино через желудок проходит, мы его как пищу принимаем, а наркотики научились прямо в кровь вводить. Какое там к чёрту здоровье... Сортов вина и вообще алкоголя в мире полным полно, и его легче контролировать, чем наркотики. Но тут, конечно, тоже всё

зависит от твоей совести, от ответственности перед родными людьми и перед тем, что ты делаешь. В странах с многовековой историей виноделия сложилась культура потребления. Они воспринимают вино как элемент своей культуры, своей истории...

– А у нас?

– А у нас всё по-другому. Мы в своей истории ничего, крепче кумыса, не пили, и потому не можем понять, что это не наша культура. Не можем нормально пить, вон сколько случаев, когда вино дурманит людям головы, замерзают насмерть...

– Что есть, то есть, – согласился с ним друзья.

Пленники дрейфующей на север льдины ещё долго разговаривали на разные темы – вспомнили и простили друг другу давние мелкие обиды, поговорили о том, о чём говорят мужчины между собой. Они время от времени замолкали, чтобы прислушаться к шуму ветра, но тот дул не переставая, так же монотонно и нудно, как и сегодня, как вчера и позавчера.

Так прошёл ещё один день.

* * *

Если рыбаки на льдине время определяли по тому, рассвело или стемнело, и всё равно потеряли счёт дням, то в Сагастыре точно знали, что их нет уже восьмой день. Более того, со слов Хасчыта и Пасчыта, съездивших предупредить друзей о том, что начинается Аргаа Сис Тыала – знаменитый своей невиданной мощью Ветер Западного Хребта, несущий беду всем, кто не укрылся вовремя от него, стало известно, что рыбаков унесло в море...

Когда Хасчыт и Пасчыт приехали на двух нартах с первой партией ряпушки, то весть об этом, а также о том, что хозяин морей, озёр и рек Уу Барылай Байанай ныне благоволит рыбакам и ожидается хороший улов, мгновенно облетела село. В этот же вечер женщины и ребятишки ходили по домам и раздавали свежую мороженую рыбу. Свою долю ряпушки с янтарной икрой получила и Хотуннур эмэхсин – уважаемая всеми бабушка-старейшина наслега.

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

– О, сыночки дорогие, вот спасибо за рыбку! Теперь точно до ста лет доживу, – сказала довольная старушка.

И в этот же вечер стало известно о том, что старушка предрекла начало такого Великого ветра, которого местные жители отродясь не видели. Хасчыл и Пасчыл, знавшие, что Хотуннур эмээхсин никогда не ошибается, тут же пустились в обратный путь, чтобы предупредить оставшихся в заливе рыбаков. Первые мощные порывы всё усиливающегося ветра застали их на полпути к заливу. Они, предупреждённые Хотуннур эмээхсин, сразу поняли, что это начинается знаменитый Аргаа Сис Тыала – ветер начал резко менять своё направление. Причём, во время смены направления он не стихал, а наоборот, усиливался. Друзья торопились, но где-то в глубине души понимали, что не успевают. Обессиленных собак, которым всегда очень трудно бежать против ветра, каюры остановили на высоком коренном берегу залива, примерно за километр до места, где рыбаки разбили лагерь на льду.

Спустившись к заливу и проехав несколько сот метров, Хасчыл и Пасчыл в пелене снега увидели перед собой чёрные разводья воды и тут же услышали страшный треск, перекрывающий даже шум ветра. Услышали и ощутили дрожь льда и холодный воздух безжалостных льдин, гонимых к берегу могучим Аргаа Сис Тыала, ломающего и сокрушающего всё на своём пути. Пасчыл опомнился первым и крикнул другу, чтобы тот поскорее разворачивал свою нарту. Две упряжки пустились что есть мочи к берегу, а за ними, ломая со страшным треском залив льда, неслись огромные многолетние льдины.

Они кое-как успели выбраться на высокий берег, как залив за их спиной превратился в один кромешный ад. Друзья корили себя за то, что не успели предупредить рыбаков. Ничего не оставалось делать, как возвращаться обратно в Сагастыр с печальной новостью. Тем не менее, они высказали робкую надежду, что рыбаков могло унести на льдине в море, и они ещё могут быть живы. Им очень хотелось верить в это и самим...

В селе поднялся переполох. Председатель наследного Совета Аммосов рвал и метал, но что он мог сделать? Отправил в Кюсюр, бывший в те годы районным центром, телеграмму, что во время начавшейся пурги пропала бригада рыбаков. Такая же телеграмма ушла в Тикси. Ответы и распоряжения не заставили себя ждать. Было приказано, чтобы, как только стихнет ветер, в наслеге силами опытных каюров, знающих местность, организовали поиск пропавших рыбаков, а Хасчыл и Пасчыл должны были указать дорогу к заливу. Из Тикси ответили, что при первой возможности полярные лётчики поднимут в небо самолёты и начнут поиски с воздуха.

И опять в центре села по давней традиции соорудили Большой костёр – яркий знак случившейся беды, куда все жители несли дрова. Кто сколько мог. Время от времени в большой огонь подливали моржовый жир, чтобы наперекор стихии яркое пламя поднималось до небес. Костёр горел и днём и ночью.

Ааныс, жена Усун Андрея, не хотела верить в то, что муж погиб на льдине, она решила представить себе, что он просто заблудился во время пурги. Она в эти дни дивилась самой себе – предчувствующую разные события и часто видящую вещие сны, её как будто отключило. Никаких снов, никаких предчувствий. Ни хороших, ни плохих.

Молодая женщина, которой едва исполнилось двадцать лет, оставила у соседей своего малыша и отправилась к Хотуннур эмээхсин. Заодно она решила отнести по пути дрова к Большому костру.

...Поздоровавшись с домочадцами, Ааныс сразу прошла в дальнюю комнату к Хотуннур эмээхсин, которая в это время при свете жирника как раз пила чай. Старушка вытаскивала из видавшего виды залоснившегося замшевого мешочка олений жир и аккуратно отрезала сточившимся от долгого употребления якутским ножом маленькие кусочки. Она макала отрезанный жир в горячий чай, а затем с видимым удовольствием отправляла в свой беззубый рот. Здесь его готовят следующим образом.

Осенью, после забоя нагулявших за лето жир оленей, мясо отваривают, а затем снимают застывший слой жира, который заготавливают как отдельный деликатес – он долго хранится и не портится. Его жители Севера любят есть именно таким способом, как Хотуннур эмээхсин. К слову сказать, жир осенних оленей бывает толщиной в кулак.

Старушка узнала Ааныс и, приглашая гостью присесть, отвернула край простыни.

– О, доченька, проходи-проходи, знаю, что привело тебя ко мне, – сказала она и, привстав на трясущихся ногах, достала из полки у изголовья чуть сколотую с края чашку с блюдцем. Напила густой чай. Ааныс достала принесённые с собою, завернутые в мешок, большие рыбыны на строганину.

– Вот, эбээ¹, я тебе рыбы принесла.

– Давно хорошую строганинку не ела! Вон вчера ряпушкой угостили, тоже давно не ела. Ты давай пей чай, – с этими словам старушка придвинула Ааныс чашку с блюдцем, долила воду в медный чайник и поставила на раскалённую железную печку.

Ааныс догадалась, что Хотуннур эмээхсин готовится к тому, ради чего она пришла к ней. К старушке, которую в Сагастыре все уважительно называли «эбээ», люди обращались в тяжёлые моменты своей жизни. Она имела дар предвидения и обычно землякам никогда не отказывала. После традиционных расспросов о повседневной жизни, о здоровье малыша, старушка попросила принести закипевший к тому моменту чайник. Взяв свою обтрёпанную пыжиковую шубку, она с головой накрылась ею над чайником.

– Аан Алахчын хотун!

Дух-хозяйка земли,
Обитающая в священном дереве Аар Хатынг,
К тебе обращаюсь я!

Благословенная богиня матушка Иэйиэхсит
С дыханием, придающим силу,

¹ Эбээ – бабушка, уважительное обращение к пожилому человеку.

Посредница между богами и людьми!
К тебе обращаюсь я!

Баай Байанай!
Могущественный покровитель,
Дух-хозяин рыбаков и охотников,
К тебе обращаюсь я!

В медном чайнике своём,
Горячее дыхание сыновей заперев,
Судьбу их многострадальную
Выведать хочу я,
И потому поклоняюсь
Трём вашим божественным теням!

Не сломавшие понапрасну
Травинки зелёной,
Не сбившие понапрасну
Птицы летучей,
Не поймавшие понапрасну
Рыбки плавучей,
Не убившие понапрасну
Твари бегучей,
Чем они прогневили силы небесные?
Где схоронились их кости золотые?
Иль живые и здоровые возвратятся?
Ответьте!
Спасением будьте!
Опорой будьте!

– неожиданным голосом, похожим на клёкот белой куропатки весной, заговорила Хотуннур эмээхсин. Старушка придвинулась к чайнику и прислушалась к звукам, который он всё ещё продолжал издавать. Затем она приоткрыла крышку, вдохнула горячий пар и пробормотала какие-то только ей известные слова. Протирая вспотевшее лицо тыльной стороной ладони, она откинула левой рукой пыжиковую парку и медленно встала.

– Ну что, Ааныс, сказать тебе, – вздохнула Хотуннур эмээхсин. – Пришёл Аргаа Сис Тыала – знаменитый своей невиданной мощью Ветер Западного Хребта, сметающий всё на своём пути. Взломал играючи лёд на заливе и ад крошечный сотворил там, и в эту беду попали наши рыбаки. Что касается Андрея, то дорогу вижу

его. Отчётливые они. Жив, кажется, он, а вот следы Кэлтэгэй Чомоха, Джюлэй Петра и Кырсалаха затерялись, не вижу их я. Что-то с ними случилось. Ну, мне пока больше нечего сказать. Ты, доченька, шибко не переживай и не убивайся. Переживания женщины мысленно передаются их мужчинам на расстоянии, давят на них, а им сейчас и без того тяжко. Как бы ни было больно, надо держаться, от страдающей женщины беда не отходит, а от мужественной – отступает. Мы бессильны перед великими просторами, но они, что тундра, что море-океан, если захотят спасти человека, то сами покажут дорогу. Вот об этом и надо думать.

Из дома старушки Ааныс выходила с ощущением, что только что спасла своего мужа от неминуемой смерти. Обратной дорогой она шла, уже не обращая внимания на обжигающий её разгорячённое лицо холодный ветер. Она специально прошла через центр села и подкинула поленьев в неугасимый Большой костёр. Покормила духа огня прихваченными по такому случаю из дому оладьями и щепоткой табака из запасов мужа, которые хранились у него в сундучке. При этом она тоже прошептала заветные и только ей известные слова.

Этой же ночью ей приснился сон. Как будто очутилась в незнакомой местности, её мучает жажда, она устала и смотрит куда-то вдаль. А там идёт олень с ободранными боками. У некогда величественного самца сломаны три отростка на левой стороне рогов и оттуда на белый-белый снег тоненькой струйкой стекает алая кровь. И в этот момент она закричала: «Я знаю этого оленя, знаю!», и проснулась. Долго сидела на кровати, пытаюсь истолковать свой сон и сопоставить с тем, что сказала ей накануне Хотуннур эмээхсин. По рассуждениям женщины получалось, что олень – это её Андрей, а его ободранные бока говорят о том, что он прошёл через тяжкие испытания. Три сломанных отростка рогов могут означать сгинувшие в ледяном мраке души Кэлтэгэй Чомоха, Джюлэй Пётра и Кырсалаха. А то, что олень направился в южную сторону, наверняка намекает на то, что её муж спасётся.

Ааныс успокоилась окончательно. Она

решила, как ей и посоветовала Хотуннур эмээхсин, не плакать и не переживать и вообще всем своим видом показывать, что муж скоро вернётся. Она и вправду верила, что Андрей обязательно вернётся. А как же иначе?

* * *

Усун Андрей проснулся рано. Он лежал и размышлял о том, что чем дальше уносит льдину в открытое море, тем больше думает о вещах, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к ситуации, в которой они оказались с друзьями. Например, он думал о людях, мечтавших покорить суровые просторы Северного Ледовитого океана, и которые, изучая эти края, нашли здесь свою смерть. Вспомнил исследователя Арктики Де-Лонга, на чьей могиле на острове Америка Хая он побывал однажды и видел водружённый там деревянный крест.

«А у нас, наверное, даже могилы не будет, мы просто станем кормом для рыб и морских тварей», – подумал грустно Усун Андрей и вспомнил родной алаас Чуораайытта. Когда он был маленький, ему казалось, что алаас его детства заполнил всё солнечное пространство огромного волшебного мира, который ему только предстояло познать. Вспомнил шелковистую траву, по которой так приятно было бегать босиком, и поющего жаворонка, которого пытался разглядеть вместе с другими мальчишками в безоблачной небесной синеве. Лёжа на льду, он ощутил неизъяснимый запах тютэ – дымокура из сухих коровьих лепёх, сладковатый дым которого сизой лентой стелется здесь и там, над дальней рощицей скромных берёзок. Увидел круторогих коров, возвращающихся пёстрой лентой на закате дня к вечерней дойке. Увидел отца Куому, вышедшего на сенокос в вылинявших хлопчатобумажных портках, рядом с ним звенел острой литовкой старший брат Андрюшки Лэгэнтэй. Вспомнил – и на глазах невольно выступили слёзы. Он испугался и, чтобы не расстраивать друзей, притворился спящим и не вставал, хотя те уже начали кряхтеть и шмыгать носами. А мысли – самые разные, настойчиво крутились в голове.

Теперь он думал о несправедливости, о том, что на Севере оказался не по своей воле. Почему его предки, всю жизнь трудившиеся не покладая рук, вдруг оказались людьми, с которыми в начале века новой власти оказалось «не по пути». В чём они провинились? В том, что слишком усердно работали? А в чём провинился лично он, Усун Андрей? В том, что это были его прадедушка, а потом бабушка и дедушка? Этими вопросами он задавался не раз, но каждый раз вставал в тупик, хотя ему казалось, что ещё чуть-чуть – и он всё поймёт. Но этого чуть-чуть всегда не хватало.

А между тем все встали. Ветер заметно ослаб и превратился в лёгкую позёмку, но направления так и не поменял. Заметного движения среди видимых рыбакам льдин не наблюдалось. По светлым кольцам, которые появились вокруг луны, друзья сделали вывод, что теплеет, и, значит, ветер стих ненадолго.

– Мне кажется, что если ветер вновь задует, то он должен поменять направление, – задумчиво заметил Хара Баттах.

– Хоть бы так было! Тогда уже с какой-то надеждой плыть будем, – сказал Кюстях Федот и добавил, что сегодня день, когда можно разжечь костёр. Рыбаки, решившие первоначально, что огонь будут разжигать только раз в день, позднее установили распорядок один раз в два дня.

В сердцах друзей как будто зажглась невидимая искорка надежды и, хотя льдина по-прежнему держала путь на север, они заметно приободрились. Почувствовавшие настроение хозяев собаки затеяли на льду весёлую кутерьму.

В это время ветер стих совсем. Вокруг, насколько хватало глаз, до самого горизонта на чёрной воде колыхались льдины, которые, казалось, застыли на месте. И так же в нерешительности застыли рыбаки. Тишину нарушил голос Хара Баттаха, который сказал, что внезапная остановка ветра ничего хорошего не сулит. По его словам, это свидетельствует о том, что начало новой пурги будет сильным и, может быть, даже более мощным, чем прежний штормовой ветер. Хотя, казалось бы, куда уж сильнее. Все поняли, что настают решающие минуты, которые и определяют их судьбу.

Рыбаки первым делом запрягли собак. На нартах осторожно разместили замёрзших с расставленными руками и ногами Джюлэй Петра и Кэлтэгэй Чомоха. Привязали их длинной и крепкой верёвкой и накрыли покойников брезентом от палатки. Оставив дров только на одну растопку и еды на один перекус, всё остальное аккуратно сложили в большую суму, которую намертво привязали к нарте. Усун Андрей отрезал от сети, ставшей стеной ледяной урасы, остатки ещё довольно длинной бечевы, скрутил её в бухту и через плечо надел на себя.

Всё это было переделано за считанные минуты. Опытный Хара Баттах не мог ошибиться – внезапная остановка ветра ничего хорошего не предвещала. Только после этого друга накормили собак моржовым жиром. Каждого по отдельности – с ласками и с добрыми словами. На этот раз порции были гораздо увесистее, кто знает, когда им ещё придётся перекусить. Рыбаки также приготовились поесть. Взяв кусочек моржового жира, Усун Андрей опустил на колени перед огнём.

С трескучим звуком
Светом ярким озаряющий
Досточтимый Дух огня
С седой бородой Уот Тэмиэрийэ!

Прежде чем притронусь к еде,
К тебя с поклоном обращаюсь я!
Выполни заветы защитницы
Народа саха Аан Алахчын!
Дай нам от бури нещадной укрыться,
Дай нам от торосов уйти,
Дай нам на сушу ступить!

Досточтимый Дух огня
С седой бородой Уот Тэмиэрийэ!
Светлые души наши
Только ты сохранишь!
Горячие головы наши
Только ты сбережешь!

Оцени наш час, как решающий,
Восприми наше слово, как убедительное,

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

Укажи нам дорогу к спасению,
Укажи нам путь к избавлению!

Досточтимый Дух огня
С седой бородой Уот Тэмиэрийэ!
К тебе обращаюсь я –
Будь солнцем красным,
Будь месяцем ясным,
Будь заступником нашим!

– с этими словами Усун Андрей кинул в огонь кусочек моржового жира, отчего тот затрещал и, вспыхнув на мгновение, бросил на стены ледяной урасы тревожные сполохи.

После обряда рыбаки приступили к еде. С удовольствием поели сваренную на доньшке ведра уху из нескольких кусочков ряпушки, а затем вскипятили воду. Пыхтя трубками, друзья сходили до ветру, а когда заходили обратно, Усун Андрей завёл в ледяную урасу своего верного Чолбона.

– Догор, будь настороже, – попросил хозяин и, ласково потрепав собаку за загривок, поделился с ним кусочком моржового жира.

– Чолбон – умный пёс, – вставил Хара Баттах. – Он не раз нас спасал, может, и сейчас...

Чолбон посмотрел на людей всё понимающими глазами и сел рядом с хозяином. Рыбаки, снарядившие нарты и поевшие, быть может, в последний раз, принялись ждать. Они разговаривали вполголоса, словно боялись вспугнуть тревожную тишину, и время от времени внимательно прислушивались к тому, что происходит за стенами ледяной урасы. Сейчас друзья были готовы ко всему, что им уготовила судьба – и к смерти, и к спасению. Вскоре они незаметно задремали, но Чолбон был настороже. И не зря. Вскоре послышался его звонкий лай, который подхватили остальные. Вместе с собачьим лаем зыбкую тревожную тишину разорвали первые бешеные порывы ветра. Все вскочили.

«Началось!» – крикнули рыбаки и выскочили из ледяной урасы. Они сразу заметили, что ветер поменял направление – теперь он дул с Севера и льдина, как им показалось, словно нехотя по-

плыла в обратную сторону. На юг. Опять всё вокруг заволокло сплошной снежной пеленой, и друзья поспешили обратно в урасу.

– Андрей, как думаешь, сколько мы проплыли на север до этого? – спросил Кюстях Федот, раскуривая трубку.

– Да тут разве скажешь точно? Я тоже думал об этом, и, по моим прикидкам, получается примерно пять-шесть переходов на хорошей собачьей упряжке...

– Если брать один переход за шестьдесят километров... – начал считать Хара Баттах. – Далековато получается.

За несколько минут ветер заметно усилился. Единственным утешением для рыбаков было то, что льдина теперь плыла строго на юг, в сторону материка.

* * *

Первые два дня после начала ветра никаких изменений для рыбаков не принесли. Они из своей ледяной урасы выходили лишь затем, чтобы покормить собак и занести дрова. Один раз раскопали занесённые ветром нарты и привели в порядок запутавшиеся шлейки собак. Пурга не ослабла и на четвёртый день, они плыли, не сбавляя ходу. Вскоре друзья по участвовавшему характерному стуку, сопровождаемому мелкой дрожью, догадались, что им стало попадаться больше мелких льдин, в которые врезались они.

Наступил пятый день. Казалось, что такой же, как и все предыдущие. Рыбаки развели костёр, вскипятили воду и стали её пить, чтобы как-то заглушить чувство голода. Когда ведро в очередной раз дошло до Кюстях Федота, послышался страшный треск ломающейся льдины, и он, чтобы не наступить на Чолбона, свалился вместе с ведром, чуть не вылив горячую воду на себя. Схватив всё, что было под рукой, друзья выскочили из урасы. Льдина, на которой они плыли, врезалась во что-то большое и от силы удара разбилась на несколько кусков. Они, как оказалось, остались на крохотном острове.

– Все сюда! – крикнул Усун Андрей и бросился к нартам.

Хара Баттах и Кюстях Федот, всё ещё не выпускающий из рук ведро и успевший схватить последний остол, не пущенный на растопку, рванули за ним. Усун Андрей, сняв на ходу бечеву, привязал её к передней поперечине нарты, поставил Чолбона во главе упряжи и пустился бежать впереди, увлекая собак за собой. Трещина между льдинами увеличилась, но Усун Андрей успел перепрыгнуть, а собаки с нартами остановились возле края льда, где внизу плескалась чёрная вода. В этот момент, вонзив остол в край льдины, к Усун Андрею, едва не сбив друга с ног, с разбега перепрыгнул Кюстях Федот. И вновь он показал друзьям свою невероятную силу – при помощи Усуна Андрея вытянул собак с тяжёлыми гружёными нартами, на которые в последний момент успел запрыгнуть Хара Баттах.

Судя по отсутствию качки, рыбаки оказались на огромном массиве льда, возможно, и на прибрежной льдине. Когда напряжение момента спало, друзья удивились тому, что Кюстях Федот перепрыгнул на льдину, не выпуская из рук ведро! Тот и сам удивился. Набив трубку и закурив, друзья проводили взглядом теперь уже небольшую льдину, где осталась ледяная ураса, защитившая их на какое то время от холода и пронизывающего ветра.

– Нам засиживаться нельзя, – сказал Усун Андрей. – Будем ждать окончания ветра – замёрзнем все. Надо идти. Хорошо хоть ветер будет в спину дуть, и собаки не так будут уставать.

Сквозь снежную пелену рыбаки двинулись в сторону материка. По крайней мере, они решили, что идут на юг. Раз в сутки, когда сквозь завесу снежной пелены всё-таки ощущалось, что темнеет и короткий арктический день заканчивается, рыбаки делали большой привал. Развязывали верёвки и осторожно перекладывали покойников из нарт на покрытый снегом лёд, а сами сани ставили на бок и накидывали на них брезент, чтобы хоть как-то укрыться от ветра. Конечно, всё это у физически ослабших людей отнимало немало сил, но вносило хоть какое-то разнообразие в их монотонное движение. Кроме того, когда они видели

погибших друзей, в их сердцах крепла уверенность, что они ради них обязаны выжить, чтобы достойно предать их останки земле. Рыбаки почти не спали. Им надо было обязательно двигаться, поскольку здесь, на открытом пространстве, человек, тем более измождённый, без движения коченеет моментально. В какую бы тёплую одежду он ни был одет. И друзья старались хоть медленно, но двигаться вперёд. Шаг за шагом. Собаки обессилели, и потому люди тоже впрягались в упряжь, и помогая тащить нарты сквозь снежные сугробы. Время от времени они останавливались, чтобы растереть друг другу спину, шею, колени, руки. Пытались о чём-то говорить, лишь бы отвлечься мыслями от беспрестанного ветра, изматывающего душу сильнее физических страданий.

– Андрей, мы тут как-никак на цельную льдину ступили – это не то, что болтаться в море. И каждый наш шаг приближает нас к материку. Так? – пригнулся к другу весь заиндеветый Кюстях Федот, чтобы перекричать шум ветра.

Вот тототстряхнул рукавицей иней с песцовой опушки пыжиковой шапки друга и сказал с улыбкой, что, мол, мы же добры молодцы, где наша не пропадала. По предположению Хара Баттах, ветер, поменявший направление, в этот раз не должен был продлиться надолго. Так оно и оказалось. Утром пятого дня после того, как они спешно покинули льдину с урасой, ветер ослаб, а затем и вообще почти стих. Рыбаки вздохнули с облегчением. Раскуривая трубку, решили, что надо разжечь последними дровами костёр и подкрепиться тем, что осталось, – все вымотались до предела.

Хара Баттах вытащил последние четыре рыбы, которые решили разделить вместе с собаками. Пока Кюстях Федот и Усун Андрей помогали собакам чистить лапки от льдинок, а также приводили в порядок шлейки и постромки, также освобождая их ото льда, Хара Баттах ловко разделил две ряпушки на восемь кусочков, которыми угостили своих верных четвероногих друзей. Свою долю рыбаки съели также мёрзлой, поскольку остатков дров хватило лишь на то, чтобы растопить снег и вскипятить

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

воду. Настроение у всех заметно улучшилось.

– Боже мой, неужели ветер перестал? Все нервы, проклятый, вымотал! Теперь всё зависит от нас самих. Ну, теперь-то, наверное, Федот нас хоть на руках донесёт до твёрдой земли! – Усун Андрей решил поднять настроение друзей.

– Как бы ни так! Попробуй, подними такого здоровяка, как ты! Достаточно будет того, если у меня под мышкой Мэхээлэ будет. Для меня, слабосильного, лишь такая ноша в пору будет! – Кюстях Федот с удовольствием поддержал шутку друга.

– Вот мне повезло, так повезло! – искренне обрадовался Хара Баттах. Со стороны можно было подумать, что его действительно будут нести на руках. Все рассмеялись.

* * *

После того, как ветер стих, смотреть по сторонам на неоглядные дали было одно удовольствие. Несмотря на то, что у рыбаков от голода урчали желудки и не удавалось полностью отогреться, – казалось, что холод в их тела вселился навсегда, – друзья понимали, что их нынешнее положение не идёт ни в какое сравнение с дрейфом на утлой льдине в открытом море. В их душах искорка надежды на спасение разгоралась и крепла с каждой минутой. Во второй половине дня друзья сделали небольшой привал, а затем вновь впряглись в упряжь в помощь собакам.

Первым коренной берег материка заметил зоркий Хара Баттах. Но он сначала не поверил своим глазам, подумал, что это ему мерещится от желания выдать желаемое за действительное, и, чтобы не расстраивать друзей, не стал говорить им об этом. Но прошло ещё десять минут, и сколько бы ни тёр глаза и не смахивал иней с меховой опушки своей шапки, появившаяся картина не исчезала, а, наоборот, становилась всё явственней и явственней, и тогда он понял, что это не видение, а действительно земля. Хара Баттах вдруг остановился и взволнованно вскричал, указывая вдаль и размахивая руками: «Берег! Это берег, друзья! Земля!»

– Земля! Земля! – тотчас закричали Кюстях

Федот и Усун Андрей, разглядевшие землю только после возгласа Хара Баттах.

Настроение людей передалось и собакам, они радостно залаяли, завилыли хвостами.

...К долгожданному высокому коренному берегу рыбаки добрались ещё засветло. Освободили собак от упряжи, затем Кюстях Федот и Усун Андрей, взяв тела погибших товарищей, осторожно подняли их по очереди по осыпающемуся песчаному склону наверх. Чуть передохнув, взялись за нарты. Кюстях Федот тянул перекинутую через плечо бечеву, привязанную к передку саней, а друзья толкали сзади. В какой-то момент, уже почти на вершине склона, под ногами Усун Андрея и Хара Баттах сполз целый пласт песка вместе со снегом, и друзья чуть не скатились кубарем вниз, но выручил Кюстях Федот, который, напрягшись, вытянул нарты вместе со всеми наверх. Все запыхались. Уже сидя на нарте и раскуривая трубку, Хара Баттах искренне восхитился другом: «Федот, ты даже не вспотел! Сколько же в тебе силы!»

– Мэхээлэ, а ты не догадывался, что Федот лишь для виду просил нас толкать? Чтобы не обижать нас! Ведь он и не такое, говорят, в одиночку тягал, – весело сказал Усун Андрей, продолжая шутивную тему и намекая на ставший уже легендой одноногий лабаз на острове Дунай арыята.

– Ты посмотри на них! Я тут из последних сил, понимаешь, тянул, а они ещё смеются! – отмахнулся Кюстях Федот с досадой.

– Ладно тебе, мы же шутим, – успокоили его друзья. Затем, по предложению Хара Баттах, они с Усун Андреем пошли на поиски дров для костра, а Кюстях Федот остался сооружать подобие навеса для ночлега.

Два рыбака скатились вниз по крутому склону к берегу и довольно долго искали дрова для растопки. Они стучали обухом топора по затвердевшему насту и по звуку пытались определить, есть там под снегом что-то или нет. В конце концов, услышав характерный звук, раскопали снег и нашли, что искали – длинное сухостойное дерево, превратившееся за долгий сплав по Лене в хорошее бревно. Несмотря на

то, что дерево погибло ещё на корню, оно внутри было не трухлявым и вполне могло гореть весьма продолжительное время, чему друзья несказанно обрадовались. Перенеся бревно к месту, где ранее затащили нарту, они подняли его до верхнего края склона, а затем обвязали бечевой, спущенной вниз Кюстях Федотом. Тому вытянуть бревно вверх больших усилий не стоило.

– Сейчас уже поздно. Слишком темно. Завтра с утра попробуем определиться, на какой берег мы вышли, – сказал Кюстях Федот, как бы оживая поддержкой друзей, после того, как они развели костёр.

– Конечно. Не зря же говорят, что утро вечера мудренее, – поддержал его Усун Андрей. – А сейчас, друзья, давайте осмотрим собак, а то у Басыргаса, Мохсогола и Кырса заледеневшие шлейки истёрли загривки до крови. Наверное, сейчас только так можем им помочь.

– Ну что, попьём водички горячей? Я тут на самый крайний случай приберёг несколько кусочков мяса гаги-гребёнушки, жена – молодец! – настояла, чтобы я взял, – сказал Хара Баттах, доставая из-за пазухи маленький мешочек, после того, как они приласкали и осмотрели собак.

– Ай да, Хара Баттах! Ай да, старик! Ну, куда же он без припасов! И ты всё это время молчал! – разом заговорили друзья в предвкушении того, что они не только согреются у огня, но хоть что-то пожуют.

... Друзья, дожившие до того момента, когда не нужно было смотреть с болью в душе, как сгорает в огне последняя щепка, дающая тепло, дров сейчас не жалели. Придвинув к костру нарту, рыбаки по очереди спали, набираясь сил перед завтрашним днём. Они хоть и спали урывками, но это был совсем другой сон. Сон людей, ступивших на твёрдую землю и уже переставших бояться того, что земля из-под ног может уйти в любой момент. Оттого им и казалось, что они высыпаются и набираются сил.

В эту ночь на берегу студёного моря-океана, вызывая удивление звёзд, глядящих на Землю с неимоверной высоты холодного и пустого

космического пространства, до самых небес взвились огни костра, возвещающего о том, что наперекор стихии рыбаки выжили.

* * *

После того, как ветер стих, тотчас ожил Сагастыр, начались хлопоты по началу поисков пропавшей бригады рыбаков. Первым делом, пока председатель наследного Совета Аммосов отправлял в Тикси радиogramму, местные жители отрядили неофициальную маленькую делегацию из трёх человек к Хотуннур эмээхсин, чтобы она подсказала район предполагаемых поисков. Старушка заметила, что некоторые рыбаки, по всему, живы, и их, возможно, надо искать в районе Большой Трофимовской протоки. Люди удивились – это было совсем в другой стороне от того залива, где, по рассказам Хасчыта и Пасчыта, они поставили первоначально палатку на льду. Тем не менее, об этом сообщили всем каюрам, которые тотчас пустились на поиски.

Вечером из Тикси сообщили, что полярные лётчики пробыли в воздухе три часа, но никаких следов пропавших рыбаков не обнаружили. Назавтра, указывалось в радиogramме, поиски с самолёта будут продолжены. Уже за полночь вернулись первые каюры, которые также сообщили, что ничего не обнаружили.

Костёр в центре села разгорелся с новой силой. Люди верили, что рыбаки найдутся.

* * *

В лицо спящего хозяина ткнулся холодный нос Чолбона, отчего Усун Андрей проснулся и сел на нарты.

– Ты чего меня так неожиданно будишь? Ещё рано ведь. Что с тобой?

Как показалось рыбаку, пёс смотрел на него с довольным выражением, а в пасти у него что-то белело.

– Друзья! Гляньте-ка сюда, Чолбон хвост песца принёс!

– Это значит, где-то поблизости есть песцовая пасть, – сразу предположил Хара Баттах.

Все внимательно, как будто наконец-то

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

обнаружили пропажу, начали поглаживать хвост и рассматривать его. Сборы были недолгими. Друзья попили тёплой воды из ведра, стоящей у догорающего костра, покурили, осторожно достали из снега и уложили на нарту покойников.

– Ну, Чолбон, давай показывай дорогу туда, где ты нашёл хвост, – сказал Усун Андрей.

Пёс только и ждал этого, он сразу устремился на восток. Ехать долго не пришлось. Поставленная на небольшом, хорошо продуваемом холмике песцовая пасть от них оказалась примерно в трёх километрах.

– Мы, случайно, не на одном из таймыльских кряжей? – высказал предположение Кюстях Федот, щурясь и оглядываясь по сторонам.

– Почему ты так думаешь, Федот?

– Посмотри на насторожку – видишь, как она глубоко установлена? Почти у начала гнёта...

– Нет, это не таймыльская пасть, я раньше бывал там, видел, как они ставят, – возразил Хара Баттах. – Тут в качестве приманки использовано яйцо поморника. Судя по всему, это может быть охотник с наших окрестностей.

– Федот, помнишь, ты говорил, что у тебя шкурки песка частенько были испорчены? – подключился к разговору Усун Андрей. – Теперь я, кажется, знаю, в чём дело. Ты насторожку слишком близко ставишь. Когда гнёт падает, большая часть тушки песка торчит наружу, и он какое-то время ещё пытается вырваться из последних сил, елозит, не жалеет себя. А этот охотник насторожку ставит в глубине, и гнёт прихлопывает песка полностью. Правильно делает. Судя по следам, он пасти проверяет изредка. А яйцо поморника является для песка желанной едой, и он, не раздумывая, лезет за приманкой.

Кюстях Федот удивился. Действительно, как он раньше сам не догадался об этом. А между тем Усун Андрей внимательно рассмотрел серо-бело-синие сопки вдаль и сказал, что эта местность чем-то похожа на северную оконечность Быковского кряжа.

– Пусть ещё рассветёт, тогда и рассмотрим, но, главное, мы нашли следы человека. Где же звёзды? – запрокинул голову Хара Баттах. Он хотел уточнить, где конкретно находится север.

Потом разрыл остолом снег. – Смотрите! Трава лежит по направлению на юг...

– А осенью ветер всегда дует с севера!

– Конечно! Значит, мы взяли верное направление. Ну что, двинемся, а там видно будет...

Рыбаки вновь впряглись в упряжь.

Небо прояснилось, и в лёгком снежном мареве открылись необозримые дали, при виде которых учащённо бьётся сердце и волнуется душа родившегося в этих краях человека. На южной стороне, там, где небо смыкается с землёй, горизонт был расчерчен тоненькой линией, похожей на вечерний сизый дым тюптэ на фоне дальних берёз в каком-нибудь алаасе в далёком Дойду. Её мог разглядеть только Хара Баттах. Оба его друга особой зоркостью не отличались, а один из них вообще не расставался с биноклем, когда охотился на зверя.

– Андрей! Ты был прав! Мы, оказывается, на свои владения попали, на свою землю! Смотрите! Тьфу, хотя, что вы можете увидеть! – закричал радостный Хара Баттах. – Во-о-он там, вдаль, синеют сопки, которые упираются прямо в Быковский кряж. Там гряда небольшая, в самом широком месте километров пять, наверное, от силы будет. А потом... А потом река и мы почти дома!

Два друга схватили маленького Хара Баттах и начали подбрасывать его, как мячик, в воздух, пока тот не взмолился поставить его на землю. Собаки умолкли и с интересом наблюдали за картиной, которую никогда не видели. Но затем они тоже вскочили и тоже начали возбуждённо обнюхивать друг друга, прыгать и радостно лаять.

– Андрей, вот ты грамотный, скажи, на какое вдаль расстояние может видеть человек? – спросил Кюстях Федот.

– Догор, да что ты говоришь! Мэхээлэ сколь угодно далеко может смотреть! – ответил тот и рассмеялся.

По прикидкам рыбаков выходило, что до Быковского кряжа километров сто, а до дома, в общей сложности, четыре перехода на хорошей упряжи, а в их случае, скорее всего, все пять. В любом случае счастливые друзья почувствовали себя уже почти как дома.

* * *

– Ток-ток! – Хасчыт погонял своих собак. Им на пятки наступала упряжка Пасчыта. Хорошо отдохнувшим во время пурги собакам два перехода тяжёлыми не показались, но опытные каюры решили сделать небольшой привал. Кто знает, сколько им ещё кружить по тундре.

– Эх, хорошая у тебя собака Мойторук! – сказал Хасчыт. – Мне бы с десяток таких добрых собак...

– Она мне на счастье досталась! Вот у Усун Андрея Чолбон тоже великолепный пёс. Не раз выручал нас. Умный, верный, разве что по-человечески не говорит.

– Как думаешь, наши живы?..

– Тут разве скажешь...

– Хорошо бы найти их живыми. Мэхээлэ бы продержался, а остальные-то молодые, сильные...

– Ну что, двинем?

...На залив, где они поставили палатку, друзья вышли точно. Но ничего, кроме нагромождений льда, не обнаружили. Вспомнили слова Хотуннур эмээхсин о том, что рыбаков стоит поискать в районе северной оконечности Быковского кряжа. Вскоре две собачьи упряжки, взметая снежную пыль, мчались по снежной целине.

* * *

...Хасчыт и Пасчыт сделали третий переход. Собаки хватали пастью снег и, высунув язык, снижали температуру тела. Друзья осмотрели нарты, проверили поперечные скрепы, шлею каждой собаки и с ласковыми словами потрепали, погладили каждого и только после этого уселись покурить.

– Пусть успокоятся пока, а я пойду, осмотрюсь, – сказал Пасчыт и направился на ближайший высокий пригорок.

Хасчыт тем временем достал примус, разжёл и поставил на него жестянку, в которую плотно утрамбовал чистого снега. Еду разложил прямо на нарте. И тут он услышал крик Пасчыта. Слов было не разобрать, но друг подсказывал на месте, размахивал руками и подбрасывал вверх шапку с песцовой опушкой. «Что это?! Боже

мой! Неужели?» – пробормотал Хасчыт и со всех ног кинулся к другу. Пока добежал до него, несколько раз упал.

– Что?! Что случилось?!

– Смотри на те чёрные точки! Видишь? Я сначала подумал, что дикие олени... Но вроде не похоже...

– Диким оленям рановато сейчас мигрировать. А может, это наши? Слишком медленно движутся... Замёрзли, обессилели... Давай к ним! Это, наверное, точно они!

...Кипяток друзья вылили, сейчас было не до чаевничания, еду засунули обратно и подняли собак. Как только нарты, взметнув веер снега, вымахали на пригорок, собаки взвыли и что есть мочи пустились вперёд к тем самым чёрным точкам, которые увидели их хозяева. Они своими зоркими глазами сразу разглядели людей и знакомую упряжку. Хасчыт и Пасчыт, которые ещё не до конца поняли, к кому они несутся навстречу, на всякий случай приготовили карабины. Мало ли что. Но точки увеличивались и постепенно превратились в силуэты людей и собачью упряжку.

– Пасчыт! Это наши! Наши! Нашлись, нашлись!

– Они? Хасчыт, неужели они? Других же тут никого не может быть...

Собаки, которые и так бежали во весь опор, почувствовав настроение хозяев, казалось, ещё прибавили ходу. За нартами снег стоял столбом.

Рыбаки, увидев несущиеся к ним нарты, остановились как вкопанные и в молчаливом оцепенении стояли и смотрели. Смотрели, как к ним приближается спасение.

– Андрей, Федот! Андрей, Федот! – вышел первым из оцепенения Хара Баттах, который от радости и волнения кроме имён своих друзей ничего не мог выговорить. Его голос вдруг осип и перешёл на фальцет.

Как только друзья выронили бечеву, за которую тащили нарты, собаки пустились навстречу мчащимся к ним двум нартам. Они стремительно неслись навстречу друг другу, и три нарты практически столкнулись, и Хасчыт и Пасчыт ничего не могли поделать. Но собаки, которые дома обычно всегда устраивали драки,

СЭМЭН ТУМАТ. СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДРЕЙФ.

тут визжали, скулили и лаяли, обнюхивали друг друга, словно они соскучились больше, чем люди. Наверное, это помогло рыбакам пережить невероятный момент, когда ни те, ни другие не могли сказать ничего. Чолбон, словно отчитываясь, что он доставил живым своего хозяина, облизал Хасчыта и Пасчыта.

Северные люди, хотя и скрывают свои эмоции, но когда Хасчыт и Пасчыт добежали, проваливаясь в снег до своих друзей, все они обнялись, произнося что-то нечленораздельное, и невольно на щеках тех и других суровых детей Севера заблестели слёзы.

– Ребята, лишь благодаря друзьям из Дойду я остался жив, – произнёс, глотая слёзы, Хара Баттах. Потом его слова надолго застряли в горле. Когда вновь заговорил, выяснилось, что надо всегда и всем говорить про это, и всегда во всём слушаться «дойдунских». Хасчыт и Пасчыт в ответ только кивали головой.

– Ну, как вы там? – спросил, смахивая слезу, более-менее успокоившийся Хара Баттах.

Вопрос старика оказался к месту. До Кюстях Федота и Усун Андрея наконец-то дошло, что всё позади, и они спасены, и что у них есть дом, где их ждут...

Друзья дрожащими руками раскурили трубки.

– Вы как себя чувствуете? – спросили Хасчыт и Пасчыт. – Отсюда до Быкова мыса чуть поближе будет, может, туда поедем. Отдохнёте...

Рыбаки, истосковавшиеся по родным, сразу сказали, что раз такая встреча, лучше сразу ехать в Сагастыр. На том и порешили.

* * *

...Хасчыт и Пасчыт медленно подошли к нарте друзей. Они уже знали, что там тела Джюлэй Петра и Кэлтэгэй Чомоха, но всё равно, когда откинули укрывающий их брезент, остановились, как вкопанные. Им было жутко.

Кюстях Федот и Усун Андрей осторожно переложили тела на нарты Хасчыта и Пасчыта. Хара Баттах в это время, зная, что хотя им предстоит долгий путь, но изголодавшимся

собакам нельзя давать сразу много есть, дал каждому по половинке ряпушки.

Рыбаки тронулись в путь. Перед этим они договорились, что в Сагастыре будут держаться все вместе, и все вместе расскажут, что произошло.

... Весть о том, что рыбаки нашлись, а также о том, что нарты сразу проехали в школу, сразу разнеслась по селу. Но костёр, возвещающий о том, что он ждёт своих сыновей, в этот день не погас...

* * *

...На осколок льдины, теперь уже без рыбаков, плывущий по воле волн и ветра в открытое море, с невероятной высоты смотрели бесчувственные звёзды. Им, конечно, невдомёк, что друзья, о которых я тут написал, спаслись.

* * *

... С высоты птичьего полёта узкая полоска земли Быкова мыса напоминает мостик, брошенный прямо в свинцовые воды моря Лаптевых. Веками накатывают на мыс могучие волны, стараясь подмыть его берега и унести в пучину, но кусочек суши стойко противостоит стихии. Я благодарен Семёну Алексеевичу Собакину, без воспоминаний которого я бы никогда не узнал и не написал об этом случае из жизни моего отца – Андрея Фомича Попова – Усун Андрея.

Так мой отец спасся в 1938 году.

Перевод с якутского
Алексея Амбросьева – Сиэн Мунду.

Ирина ДМИТРИЕВА

«Белая стая сквозь солнце тянет
Тихой молитвы нить...»

Якутск – Москва

В дорогу выпал снег. Летела я, летела...
И Боинга крыло, и скрюченного тела
Сухое крылышко болело, но несло,
Сгребая облака, как в озере весло,

Когда они в воде купают отраженья.
И так сближало нас всеобщее движенье –
Таджиков и армян, детей и экипаж:
Летели люди и их мысли, их багаж,

Не замечая, что внизу, над белым полем,
Несётся чёрный птах, как пленник из неволи –
Такой же самолёт, но маленький, увы.
Не он ли знаком был, предвестником Москвы?

Мы падать стали вдруг,
неслись с прозрачной горки.
Пристёгнуты ремни и все открыты шторы...
И страшно было так, что слог не передаст.
Лбом врезался наш борт
в тяжёлый плотный наст.

А после в молоке продолжилось паденье,
Пока не обрело иной картины зренье:
Лоскутья пёстрых крыш, осенний ржавый лес...
Земля моя, привет! И странный страх исчез.

13 октября 2016 года, Анапа.

Если б можно – начать сначала...
Ничего бы не повторила:
Ни горячих слов, что кричала,
Ни горячих слёз цвета Нила,

Ни дороги, к беде ведущей,
Ни любви, что пропустила,
Ни друзей, легко предающих –
На порог бы их не пустила.

Ну на что мне дары без цели,
Если соль не имела силы?
У судьбы своей на прицеле
Я пощады не попросила.

ИРИНА ДМИТРИЕВА. «БЕЛАЯ СТАЯ СКВОЗЬ СОЛНЦЕ ТЯНЕТ ТИХОЙ МОЛИТВЫ НИТЬ...»

Поглотили миры химеры.
Не смотрел мне в глаза Ярила.
И лишённая чувств и меры,
Много лишнего говорила...

Поднимали меня на вилы,
Поносили – последний самый...
Ничего бы не повторила.
Кроме Бога в яслях. И мамы.

Время – плоскость, по которой можно
дойти до края,
Вдохнуть дух новорожденных –
женщины и мужчины,
Нежно пахнущих вечностью жизни и прахом рая,
Улыбающихся и, конечно же, без причины...

Дети изгнанных блуждают по миру, умирают,
Чуют торибоны, одмихнионы, эпагоны,
Источают их. Камни бросая и собирая,
Бьются с братьями, с Богом сражаются –
эпигоны.

Я бреду по ходу часовой стрелки: мозг в раздре, и
И дорога стёрта с карты памяти. Слева пропасть...
К звёздам – знакам галактики – голову задираю.
Так прости же мне и эту дерзость и эту робость.

Поэт

Есть у поэта чувство правоты.
Да потому, что с ветром он на ты,
Который дует в форточку из Трои
И слов ряды в полки ахейцев строит.

Да потому, что он на ты с волной:
Солёная, полоскою льняной,
Накатывает, страстным песням вторя,
Когда Сафо ногой ступает в море, –

На лист блокнота в кухне, у плиты.
Да потому, что с пылью он на ты –

Из-под копыт. И, конский пот вдыхая,
Глядит, как мчится конница лихая.

Он знает всё – прочувствовал, прожил.
Везувий лавой из подземных жил
Выплёскивает жар в стихотворенье.
Он помнит даже самый миг творенья.

Да

Невозвратимость, несбыточность,
неизбежность –
Так говорил Владимир Набоков в «Даре» –
Тройная формула бытия. Но не моего же!
Не отрицаю: Неаполь, неясить, нежность...
Прочее – «да». Ударники бьют, в ударе,
В стёклышки барабанов. Отчаиваться негоже.

Всё возвращается – я возвращаюсь, Отче!
В молодость, старость, детство, утробу... Дома!
Вот и сбылось реченное. Как это не похоже
На то, что даром троянским давило ночью.
Сбываюсь, дланью духовника ведома.
Избежать неизбежного –
всё же возможно, Боже?

Сон

Как поживает твоя синица
В клетке любимых рук?
Синее небо синице снится,
Красного солнца круг:
Рваное – шито стежками крыльев.
Обморок – в морок, в ночь.
Клин журавлиный иглою. Или –
Счастье уносит прочь?
Утро линияное в душу глянет...
Некого тут винить.
Белая стая сквозь солнце тянет
Тихой молитвы нить.

Воспоминание о будущем

Со всех сторон: «Царствие ей Небесное!»,
«Покой, Господи Боже наш, её душу!»
Ангелы, архангелы, я не местная!
Мамочка, помоги, страшно! Трушу!

Жизни клубок размотали – нить рваная.
«Нирвана. Следующая остановка –
Рай». Не выходите? Кажется, рано я?
После Вас! Вот, мне и здесь неловко...

Отделилась от родины своей – тела.
Отдалилась. Жизнь... Как это было дико!
Хотела к Тебе, Отче наш! Полетела –
Наверное, помянул Владыка...

Я вымолчала эти звуки,
Слёз отзвуки маня.
Я вымолила эти руки,
Несущие меня...

Я жила у моря

Я жила у моря, в мире ином,
Полоскала вены красным вином,
Хоронила время в рыхлом песке,
Я была от счастья на волоске.

Берега полоска – краешек мой...
Уходила в волны, словно домой.
Родина-чужбина... Памятью – вспять.
Берегись: волненье баллов на пять.

Шторм. Взбивают воды ангел и бес.
Кто задёрнул шторы – шторы небес?
Нет конца бескрайней стылой тоске.
Я была от счастья на волоске.

Море сегодня тёмное, видно, злое.
Осерчаешь тут, когда ветер-враг,
вырвавшись на свободу,
Чешет колтуны дюн и тончайшим слоём
Песок седой по рыжему ракушечнику
несёт в воду.

Солнце кожу поджаривает, но холод
На запястьях и щиколотках защёлкивает
браслеты,
Забивается мне под куртку. Не молод,
А туда же! – смеемся с подругой.
И прощаемся с летом.

Ветром яростным душу рвёт и мотает.
Мысли путаются, как водоросли –
«перекати-поле».

Таёт пена солёная и густая –
Море плюёт на берег.
Слоняюсь в поисках Божьей воли,

Перешагивая через раковины,
Оставленные улитками.
Мечтаю: сбросить и мне бы
Свою, чтобы, переступив через вины –
Через себя, – даже в клюве чайки,
но только взлететь в небо.

ИРИНА ДМИТРИЕВА. «БЕЛАЯ СТАЯ СКВОЗЬ СОЛНЦЕ ТЯНЕТ ТИХОЙ МОЛИТВЫ НИТЬ...»

Ольга ПАШКЕВИЧ

Малывка

Рассказ

После окончания финансового института Лиане повезло с трудоустройством. Правда, представляла она себя, как минимум, бухгалтером на каком-нибудь заводе, а не «помогайкой» в отделении банка, но всё равно можно было считать, что судьба девушке улыбнулась. К тому же, наметилась перспектива карьерного роста, а значит, увеличение дохода, и поэтому можно было уже не довольствоваться дипломом бакалавра, а нацеливаться на магистратуру. С первой полочки Лиана сделала небольшие подарки родителям и предложила матери, которая ведала семейной казной, половину зарплаты. От денег родители категорически отказались: «Одевайся, обувайся, откладывай на отдых, на учёбу, вдруг не поступишь на бюджет». Лиана не согласилась: «Давайте так – за мной квартплата, а также порошки, шампуни и прочая мыльная мелочь». Возражений не последовало: родители Лианы ещё трудились, а мать уже и пенсию получала.

Девушка не случайно искала должность в бухгалтерии: ведь бухгалтер, в основном, имеет

дело с документами и цифрами, а не с людьми. Обязанности «помогайки» предполагали совершенно противоположное: почти весь день на ногах, клиенты разных возрастов, и каждому нужно доходчиво рассказать, как снять деньги или зачислить, как провести платежи и так далее, и так далее. И всё с улыбкой, вежливо, даже если у тебя на душе кошки скребут. Впрочем, у Лианы поводов для плохого настроения не случилось, и она смело строила планы на ближайший год.

Присмотрела в Интернете санаторий в одном из курортных городов на Черноморском побережье и теперь мечтала об отдыхе в сентябре, в так называемый «бархатный сезон».

Деловые качества Лианы на работе оценили, и уже спустя три месяца девушка стала консультировать клиентов по вопросам кредитования. Лиана, родные которой, как и она сама, никогда не прибегали к кредитам, и представить не могла, сколько, оказывается, желающих получить деньги в долг! Кто-то нуждался в малых суммах, кто-то в крупных, и всем, особенно людям пожилым, нужно было что-то посоветовать, всё понятно объяснить, и порой не один раз.

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. МАЛЫВКА.

К вечеру, если был большой наплыв посетителей, девушке уже не хотелось ни с кем общаться, благо, такая возможность у неё имела. Отец с матерью не надоедали, как некоторые, допросом с пристрастием. В своей комнате Лиана могла прогуляться по социальным сетям, послушать спокойную инструментальную музыку, почитать. Ей было хорошо в уютном родительском гнездышке...

Но однажды после ужина, когда они с матерью остались на кухне вдвоём, та, как бы между прочим, сообщила: «Вера приедет скоро с детьми». Лиана удивилась:

– Посреди зимы? Надолго?

– Насовсем.

Мать внимательно смотрела на дочь, желая понять, какое впечатление произвели её слова. Девушка встревожилась:

– А где они будут жить?

– Пока с нами, после переберутся в новостройку.

– С чего они надумала переезжать? – недоуменно спросила Лиана, – там же она в мэрии каким-то начальником. А Коля? Она без него едет? – дочь забросала мать вопросами.

– Я же тебе рассказывала, – упрекнула её родительница, – что шефа Веркиного то ли сняли, то ли не переизбрали, а новый пришёл, как водится, со своей командой.

Лиана молча допивала чай, пытаясь вспомнить, когда же мать говорила ей об этом, но не смогла. Сама же девушка общалась с Верой только по праздникам и в дни рождения, обходясь чисто формальными поздравлениями. Возможно, причина таких отношений крылась в большой разнице между ними – почти двенадцать лет.

Но, скорее всего, дело было в другом: Вера и Лиана резко отличались и внешне, и по характерам. Крепко сложенная, среднего роста, ширококостная Вера постоянно рвалась в лидеры. Она увлекалась лёгкой атлетикой, с удовольствием плавала и ходила в турпоходы. Училась Вера средне, но с большой охотой занималась общественными делами. В последний школьный год ей часто звонили

одноклассники, постоянно заходили подруги, нередко и сама она отправлялась к кому-нибудь в гости.

На просьбы родителей сводить младшую сестру в кино или просто на прогулку Вера неизменно отвечала, что ей некогда, но при этом могла без умолку болтать с кем-нибудь по телефону. Когда ей всё же приходилось забирать Лиану из детского сада, то маленькая сестрёнка на каждом шагу только и слышала: «Быстрее! Скорее! Ползёшь, как черепаха! Малявка!» Своим знакомым, иногда даже при сестре, Вера жаловалась на «малявку», а, бывало, и смеялась над девочкой вместе с ними. Лиана не плакала и не ябедничала родителям, потому что не знала, как бывает по-другому, и не особенно скучала по сестре, когда та уехала учиться. После окончания института Вера удали от родительского дома благополучно устроилась по специальности и вышла замуж. «Обеспеченный, один у родителей, красивый, благородный». Эту характеристику зятя, данную отцом, тринадцатилетняя девчушка запомнила накрепко.

В отличие от Веры, меланхоличная Лиана избегала шумных сверстников и предпочитала возиться с куклами или читать книги. С тех пор, как огромный, как ей показалось тогда, баскетбольный мяч, брошенный наугад старшеклассником (непонятно каким образом оказавшимся в спортзале во время урока у третьеклашек) угодил ей прямо в лицо, физкультура стала её самым нелюбимым предметом.

Учительница, пожилая, рыхлая женщина, далеко не атлетического телосложения, останавливая кровотечение из носа, вместо того, чтобы успокоить девочку, выговаривала: «Нечего было там стоять!» И опять Лиана не подняла шума, не рассказала папе с мамой о случившемся, только стала под разными предлогами пропускать физру.

Она регулярно делала по утрам зарядку, а став студенткой, начала охотно посещать тренажёрный зал, однако всего, связанного с массовым спортом, упорно избегала. Подруг

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. МАЛЯВКА.

у неё было немного, от длительного общения Лиана уставала. Единственным внешним признаком объединял сестёр: пышные, слегка волнистые, как у матери, волосы, но у светлоглазой Веры они были русые, отцовские, а у кареглазой Лианы чёрные, материнские.

Вера ещё дошкольницей наотрез отказывалась от косичек, бантиков, заколочек и, в конце концов, смирившись с желанием ребёнка, родители согласились на короткую стрижку, которую старшая сестра предпочитала до сих пор. Лиана, наоборот, любила длинные волосы. Ей нравилось экспериментировать с ними, то заплетая их, то подбирая под ободок. А ещё у Веры на лоб спадала густая чёлка, Лиана же оставляла его открытым, несмотря на то, что это придавало её лицу чересчур серьёзное выражение.

После отъезда Веры их общую с сестрой комнату Лиана постепенно стала считать своей. Сейчас здесь многое изменилось: обои, мебель, шторы, светильник. От Веры остались несколько художественных книг и кубок с гордой цифрой «1» за участие в спортивной эстафете. Лиана не стремилась обогнать сестру ни в карьере, ни в спорте, а чувствовать рядом её крепкую и сильную руку всё-таки хотелось, но желание сошло на нет после последней встречи три года назад.

Тогда она, уже студентка-второкурсница, приехала навестить сестру вместе с родителями. Обняв Лиану Вера с удивлением обнаружила, что даже на каблучках едва достаёт ей до подбородка, но, как прежде, растянув в презрительной улыбке губы, надменно процедила: «Привет, Малявка!», чем привела Лиану в замешательство. Конечно, она могла бы ответить сестре чем-то типа: «Привет, старушка» или «Здорово, великанша!» (Вера действительно прилично выросла, но не вверх, авширь), однако начинать пребывание в гостях с перепалки Лиане не хотелось. Муж Веры, Николай, перехватив недоумевающий и расстроенный взгляд свояченицы, обратился к жене:

– Хватит тебе уже!

– А что? Я ничего, – произнесла, как ни в чём не бывало, Вера. – Малявка моя приехала.

И снова старшая сестра оказалась занятой, и опять у неё, как всегда, возникла «запарка» на службе. Она уходила рано утром, появлялась поздно вечером и раздавала указания всем, за исключением Малявки: Николаю, четырёхлетнему Костику, родителям. Лиана для неё словно не существовала. Девушка ещё надеялась, что они с сестрой когда-нибудь сядут рядом, как это крайне редко случалось в детстве, и поговорят обо всём. Многим намеревалась Лиана поделиться с сестрой, многое рассказать, но... Приехавших развлекал Николай: возил в музей, по торговым центрам, где бабушка с бабушкой покупали внуку игрушки и кое-что из одежды и обуви. Потом навещали родителей Николая, живших за городом в большом двухэтажном доме.

Дача сестры, куда Николай повёз их на шашлыки, стояла запущенной: и строение, и огород. Зять смущённо разводил руками: «Некогда, хоть кого нанимай». Неприятное впечатление сгладили ближайший лес, речка, свежий воздух. Костик привязался к Лиане, и она охотно гуляла с ним, отвечая на забавные, а порой такие курьёзные вопросы, которые и взрослому не придут в голову.

– Какая здесь красивая природа, – восхитилась Лиана.

– А природа, она кого родила? – поинтересовался Костик.

Девушка растерялась.

– Людей, нас с тобой.

– Нас родил Бог, – очень серьёзно поправил её племянник, – а природа кого родила?

Костя называл её Лианой, опуская слово «тётя», а однажды, когда все собрались за столом, словно подслушав её мысли, обращаясь к Вере, громко возмущился:

– Мама, почему ты называешь Лиану Малявкой? Называй её просто Лианой!

– А почему ты называешь её не тётей, а Лианой?

Костик не нашёлся, что сказать, и только улыбнулся в ответ.

* * *

Вечером, накануне отъезда родных, Вера вернулась пораньше. Выпив фужер шампанского, раскрасневшись, стала хвастаться своей должностью, доставая из шкафа альбомы, показывать фотографии, на которых она отметилась со знаменитыми политиками и артистами. Не давая никому слова, хвалилась своими наградами, премиями, рассказывала о поездках за границу. Потом пригласила мать с сестрой в гардеробную, чтобы продемонстрировать дорогие меха и новую кожаную куртку, после чего повела в спальню. Там, вытащив из сейфа шкатулки с золотыми и серебряными украшениями, подробно поведала о каждом, предъявляя сохранившиеся ценники. Лиана надеялась (на такую возможность ей намекнула мать), что Вера сделает ей какой-нибудь подарок, и когда та пригласила её в кабинет, пошла в полной уверенности, что сестра хочет что-то ей преподнести, может быть, даже тайне от Николая, кто знает, какие у них на самом деле отношения.

Однако Вера, властным голосом приказав сестре сесть, неожиданно прочитала ей нотацию о том, что нужно уважать родителей, помогать им и беречь.

– Поняла, Малявка? – спросила она, завершив речь.

– Поняла. – Лиана, готовая заплакать, встала, чтобы идти, но Вера бросилась вслед:

– Подожди! Я не договорила!

Она попыталась схватить младшую сестру за руку и развернуть к себе, но та, вырвавшись, вернулась в зал. Девушке повезло: родители, смеявшиеся над чем-то вместе с Николаем, не заметили её плохого настроения.

Перед глазами Лианы ещё долго стояли Верины шубы, разложенные на двуспальной кровати, как на прилавке, а в ушах слышалось: «Надо родителей беречь!»

Тогда у Лианы даже возникло подозрение – не пожаловалась ли мать Вере, но вскоре недобрая мысль исчезла. Нет, нотации сестра подготовила по собственной инициативе. С чего отцу или

матери быть недовольными младшей дочерью? Она не требует от них денег, довольствуется стипендией, занята учёбой, помогает по дому. Да, случалось пару раз, она задерживалась с однокурсниками, но заранее предупреждала, что придёт поздно.

Но родители, по-видимому, догадались, что у дочерей произошёл разлад, однако причины доискиваться не стали. Только на обратном пути, уже в аэропорту во время ожидания посадки на самолёт, мать, приобняв младшую, пожалела:

– Эх, детка ты моя, у Веры нашей сколько нарядов всяких и драгоценностей, а у тебя одни серёжки скромненькие.

– Да ладно, – отмахнулась Лиана, – богатство – дело наживное. В нём разве счастье?

– А в чём ты считаешь? – полюбопытствовал отец.

– Думаю, в том, что тебя ждут в родном доме, и ты спешишь туда, где бы ни находился, – предположила она. – А Вера, кстати, не очень торопится к семье. Костик по ней, конечно, скучает, а Николай? По-моему, у него двойная жизнь. Неискренний какой-то, но, может быть, мне так показалось, – постаралась она успокоить родителей, заметив тревогу в их глазах.

– Как бы Коля от нашей дочки не сбежал, – высказал опасение отец. – Грубоватая она. И раньше была не сахар, а теперь при высокой должности и совсем разошлась.

Вопреки пессимистичным прогнозам родителя, вскоре стало известно, что Вера на четвёртом месяце беременности.

Второго внука назвали Михаилом. Старшая сестра теперь сидела дома, занималась детьми. На электронную почту Лианы время от времени приходили от неё фотографии: счастливый папаша Николай на прогулке с сыновьями, снимки с новогодних утренников, посещения зоопарка и поездок за город.

* * *

Правильно замечено, что чужие дети растут быстро. Не успели оглянуться, а Вера уже выш-

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. МАЛЯВКА.

ла на работу, и вскоре семейная чета собралась поехать на отдых за границу, решив подкинуть внуков бабушке с дедушкой и тёте, но накануне поездка почему-то сорвалась.

– Не понимаю, – поделилась Лиана своими соображениями с матерью (приезд, а точнее, переезд сестры беспокоил её). – У них там налажен быт, Вера хвасталась большими связями, и что?

– Не знаю, – мать ответила тихо, видимо, не хотела, чтобы услышал муж.

– А здесь? Кто их ждёт?

– Верку подруга пристроит, не беспокойся.

– А Николай? Он приезжает?

Мать помотала головой.

– Они разводятся, что ли?

И снова мать, подав Лиане глазами знак, что боится реакции супруга, прошептала:

– Ребятишкам сказали, что Коляка по контракту уехал за границу работать на год, а на самом деле, – при этих словах женщина прижала к губам палец, – где-то в монастыре послушником грехи замаливает.

– Да ты что, мама? – отпрянула Лиана. – Какие у него грехи?

– Иди к себе, – попросила мать, – после расскажу.

Сообщение матери повергло Лиану в уныние. Выяснилось то, что тщательно скрывалось от отца-гипертоника. Ещё до знакомства с Верой Николай был заядлым картёжником. Несколько раз его родителям приходилось гасить долги непутёвого сына, о чём Вера, конечно, не ведала. После жениться Коля, казалось, потерял интерес к азартным играм, но в последний год, едва у Веры закончился декретный отпуск, пристрастился снова.

– Вот и решила Верка вернуться, дабы от дружков Колюк отвадить. Машину-то, говорит, он продал, чтобы с долгами рассчитаться. Проиграл много. Ну, нормальный ли? Она же, наверное, больше миллиона стоит. Сколько говорила Верке, чтобы к Николаю и деткам поласковее отнеслась, но как об стенку горох! – возмущалась мать.

Но Лиана встала на сторону сестры:

– При чём тут Вера, мама? Он же взрослый человек. Сколько ему? Сорок?

– Тридцать восемь, кажется.

– Вот. У них дети, ими нужно заниматься, а он сам как ребёнок. Выходит, у него игровая зависимость. Сейчас многие от этого страдают, и не только от карт, но и компьютерных игр. Увлекаются и не могут оторваться. Вера надеется, что пребывание в монастыре Коле поможет. Да, осталось только на Бога уповать. А друзья... Проблема в самом человеке, если сам не изменится, то и здесь найдёт себе товарищей по картам. Страшно-то как...

– Что страшно?

– Встретить вот такого Николая и полюбить, а потом возиться с ним. Хорошо, если ему это послушание поможет, а если нет? Но к чему такая спешка?

– Тут вроде как должность для Верки намечается, опять же Костеньке в школу на будущий год. Соскучилась я по ним, своим зайчикам. Я только боюсь, что если Верка начнёт командовать в доме, отец не потерпит и скандал случится.

– Знаешь, мама, – призналась Лиана, – а я ведь тоже не потерплю.

– Потерпи уж, доча, что же делать? Не иди же им на квартиру. Пока она сама устроится, пока ребят отдаст в детский сад, мы хоть за ними приглядим.

– Постараюсь, – пообещала Лиана.

* * *

Первые дни пребывания Веры с детьми в родительской квартире были относительно спокойными. Гости вели себя скромно: кушали то, что подавали, без спроса ничего не трогали, разговаривали негромко. Мать взяла отпуск без содержания, смотрела за внуками, пока дочь бегала по городу, а бюрократической возни хватало: и прописка, и медосмотр, справки для детского сада, и трудоустройство, и встреча с застройщиками.

Если Костик охотно оставался с бабушкой,

то Миша, едва за матерью закрывалась дверь, начинал плакать сначала тихо, потом громче и громче. И старшему брату, и бабушке приходилось утихомиривать его. На прогулку, благо, сильных морозов не случалось, старший шёл с радостью, Миша же капризничал, не желая одеваться. На улице вёл себя тоже не лучшим образом: то вырывался и убегал далеко вперёд, не реагируя на просьбы подождать, то залезал в сугроб, то не хотел кататься с горки, то, наоборот, возвращаться домой. Стоило бабушке однажды повысить голос, как Миша заявил вернувшейся Вере, что баба Галя злая и его бьёт. Это рьяно отрицал Костик, но Вера, решив, что прав младший сын, довела мать до слёз.

Постепенно гости всё больше и больше захватывали квартиру. Игрушки и вещи валялись не только в зале, который мать специально освободила для детей и Веры, но и на кухне, и в коридоре. Особенно старался Миша, имевший привычку таскать куски со стола. Бабушка и Лиана пытались делать ребёнку замечания, объясняли, что есть надо за столом, но мальчик слушал, обещал исправиться и продолжал делать по-своему.

Тем более, что Вера буквально всовывала в рот сыновьям то конфеты, то печенье, то фрукты.

– Вера, зачем ты их приучаешь куски таскать? – мать, наконец, не выдержала. – Пусть едят на кухне!

– Ты же видела, как они едят! – огрызнулась Вера.

– Нормально едят.

– Ага, нормально. Похудели уже с твоей каши.

– А что плохого в каше? – не сдавалась бабушка. – Вы тоже кашу ели. По-моему, полезно.

– А, по-моему, бесполезно, – парировала дочь. – Не привыкли они так питаться.

– Не привыкли, так привыкнут, – убедительно сказала мать, на что Вера только хмыкнула:

– Стоит ли привыкать? Мы в вашей конюшне жить не собираемся.

– Конюшня? Ты говоришь конюшня?

Вера растерялась, по-видимому, то, что вертелось на языке, вырвалось наружу, но мать быстро успокоилась:

– Отличная конюшня, если такая кобылица выросла, – заключила она.

Дочь заулыбалась, решив обратить свою оплошность в шутку:

– Породистая кобылка, хоть сейчас на скачки, первая придёт. Да, мамочка?

– Да, Вера, да, – похлопала мать её по плечу. – Породистая.

Если мальчишки вели себя как хозяева, то Вера придерживалась роли гостьи во всём, что касалось быта. Она и кружку за собой со стола не убирала, а о том, чтобы помыть посуду или приготовить что-нибудь, убраться в квартире и речи не шло. Единственное, что она делала – застилала постель и стирала и гладила одежду свою и ребятишек. Машинка теперь гудела каждый вечер. Места для просушки белья в ванной не хватало, и мать попросила отца натянуть верёвки в коридоре: на улице ещё было морозно, а потому вешать бельё на балконе не имело смысла.

Стратегический запас порошка и ополаскивателя, сделанный Лианой по осени, таял с космической скоростью, а Вера и не думала его пополнять.

– А что, у нас порошка нет? – спросила она вскоре у Лианы.

– Нет.

– Так надо купить! – попыталась дать указания сестра.

– Возьми и купи!

– Ты же знаешь, что мне некогда. Я с работы в сад за детьми и домой. Куда мне ещё сумки таскать? Одной рукой одного держу, другой другого.

– Ясно.

Лиане не хотелось выяснять отношения. Лучше самой купить порошок, потратить сотню другую, чем ругаться с сестрой.

Квартплата, которая исправно гасилась девушкой, после прописки родственников увеличилась на полторы тысячи. Сказать Вере прямо, чтобы отдавала деньги, Лиана постеснялась, но однажды намекнула сестре о необходимости платить за жильё.

– Полторы тысячи? – скривилась Вера. – Это сумма что ли?

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. МАЛЯВКА.

– Для кого-то сумма, – отозвалась Лиана.

– За дачу получу оставшуюся часть – возмещу тебе, сестрица, не переживай, а то совсем обнищаешь! – ехидно пообещала Вера.

Когда старшая сестра задерживалась на службе, что случалось нередко, малышей забирала Лиана. Она любила мгновения, когда племянники, увидев её, спешили навстречу с блеском в глазах, торопливо рассказывали свои детские новости.

* * *

Вечерами с ребяташками теперь занимались бабушка с дедушкой и Лиана: Вера, поужинав, просила её не беспокоить. Запершись в зале, она садилась за ноутбук, якобы работала.

Миша, постепенно привыкший к новой обстановке, уже не особо рвался к матери и стал предпочитать компанию деда. Одно было плохо: братья, случись взрослым ослабить за ними контроль, тут же начинали выяснять отношения. Младший, как правило, лез первым, отбирал у Кости игрушки, книги или занимал место старшего брата поближе к телевизору. Если Костя не уступал, Миша закатывал истерики, на которые с воплями прибегала Вера.

Доставалось всегда Косте, после чего он, случалось, тихо плакал, утешаемый бабушкой или дедушкой, в то время как Миша, довольный, лыбился. На попытки родителей вмешаться в ситуацию старшая дочь заявляла: «Сама разберусь, не лезьте!» Расстроенная мать тайком от мужа приходила поплакаться к Лиане, размеренная жизнь которой полетела кувырком. О систематической подготовке к поступлению в магистратуру можно было только мечтать, потому что сосредоточиться долго на чём-то практически было невозможно. Она пыталась закрывать к себе дверь по примеру Веры, но из этой затеи ничего не получалось: то один, то другой племянник заявлялся с просьбой почитать, порисовать, поиграть.

Жалея малышей, Лиана, скрепя сердце, отложила учебные дела до лучших времён,

забросила тренажёрный зал, отказалась от встреч с подругами.

Много раз она собиралась высказать Вере наболевшее, но в последний момент смелость покидала её.

Надежды на скорый переезд старшей сестры в собственное жильё таяли с каждым днём. Ремонт в доме, где находилась приобретённая квартира, двигался медленно.

Порой у Лианы возникало желание снять себе жильё и съехать от всей этой суматохи подальше, но останавливало беспокойство за мальчишек и родителей, к тому же жаль было накопленных на отдых денег.

Успокоив себя тем, что Вера с детьми не останется с ними навечно, Лиана решила запастись терпением, подумаешь, какие-то четыре месяца, однако намерение поставить сестру на место не покидало девушку. Она ждала удобного случая, когда они останутся в квартире вдвоём: ведь как бы тактично ни попыталась она говорить, Вера перейдёт на крик, а Лиане не хотелось, чтобы свидетелями скандала стали родители с племянниками. Зачем расстраивать близких людей, если этого можно избежать, считала она.

Наконец в очередной выходной, когда накопившаяся на старшую сестру злость вот-вот могла бесконтрольно вырваться наружу, родители повезли внуков в цирк. Лиана, воспользовавшись наступившей тишиной, взялась за чтение конспектов, но вскоре в комнате возникла Вера с чашкой кофе в одной руке и бутербродом в другой.

– В школе с третьего марта начнутся подготовительные занятия для будущих первоклашек. Я Костика записала. В пятницу с половины шестого до половины седьмого и в субботу с десяти до половины двенадцатого. Поводишь племянничка! – промямлила Вера с набитым ртом, не обращая внимания на занятия Лианы и, откусывая на ходу бутерброд, направилась к себе.

– Что значит поводишь? – не выдержала Лиана. – Ты что мне приказываешь? – возмутилась она.

Сестра, повернувшись, уставилась на неё.

– Я не поняла, а в чём, собственно, проблема? Тебе тяжело, что ли?

– Да, тяжело. У меня тоже есть свои дела!

– Ха-ха-ха! – Вера сделала большие глаза. – Какие у тебя дела? Лежишь вечерами, массу давишь, это я пашу как лошадь, а ты на всём готовом! Короч, в пятницу с половины шестого до половины седьмого! У меня по пятницам мероприятия в городе!

– А в субботу?

– А в субботу могу я отдохнуть?

– А я? В конце концов, это твой ребёнок!

– А твой племянник, причём любимый, – напомнила Вера. «Любимый» она выделила особой интонацией.

– Не поведу! – заявила Лиана. – Решай свои проблемы сама, с меня хватит!

Вера, сделав вид, что не услышала последних слов, удалилась.

Между тем, настроение девушки испортилось так, что никакая учёба уже не лезла в голову.

«Никуда я никого не поведу! Пусть делают, что хотят!» – твердила про себя Лиана. И мать, и отец, казалось ей, тоже на стороне Веры, помогают старшей делать карьеру, а на младшей поставили крест.

* * *

В пятницу утром мать напомнила Лиане:

– Костю на подготовку отвести не забудешь?

– Не забудешь! – зло буркнула девушка.

Никогда она не отвечала матери грубо, а тут не сдержалась. Нужно бы вернуться, извиниться, но тогда и в банк опоздать можно.

Служебные обязанности отвлекли внимание Лианы от утренней стычки, и когда пошла за племянниками в детский сад, то сердце переполняла уже не вина, а обида. Выходит, мать с Верой заодно, и хотя ругает мама старшую дочь, а всё же помогает, потакает ей, выгораживает перед отцом, а к Лиане приходит выведать, что та об этом думает.

Когда они с Костиком завели домой Мишу, Вера, уже вернувшаяся со службы, бросилась

раздевать младшего сына, а на недоумевающий взгляд Лианы бросила:

– Идите уже, десять минут осталось!

* * *

Оставив племянника заниматься, Лиана не пошла к себе, хоть дом и был рядом, а сходила в ближайший магазин за водой. Есть ей не хотелось, только пить. Вообще, чувствовала она себя неважно ещё с утра, а после обеда совсем расклеилась: болела голова, из носа текло. Лиана опасалась, что подхватила инфекцию, поэтому присела на скамейку подальше от ожидавших своих чад родителей.

Разумеется, никаких слов благодарности от сестры девушка не услышала. Мать, по видимому, рассердившись, и не посмотрела в её сторону. Переодевшись, преодолевая слабость, она добралась до дивана. Никому из домашних в тот вечер до неё не было дела.

Ночью она, стараясь не разбудить домочадцев, несколько раз вставала, чтобы закапать заложенный нос, принять лекарства, и только под утро заснула крепко, а, открыв глаза, увидела стоящую рядом мать.

– Ну, что вылёживаем? – спросила она недовольно. – Время девать некуда? Ныла, что готовиться в магистратуру некогда, а сама спишь до одиннадцати. Ещё и Костю не проводила в школу, пришлось отцу отдуваться. Одного отвёл, с другим на площадке гуляет, а ты по Интернетам всю ночь шарашилась, наверное? Никакой благодарности ни родителям, ни сестре старшей.

Мать, не дав ей вставить ни слова, вышла.

«Как же так, – не укладывалось в Лианиной голове, – мама даже не поняла, что я заболела или предпочла сделать вид, что не заметила?»

На завтрак Лиана довольствовалась яблоком, вытасненным из холодильника под косым материнским взглядом. Яблоко то она съела у себя в комнате, вспоминая Веру, которую накануне считала кусочницей, а нынче сама вела себя не лучше её.

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. МАЛЯВКА.

Лиана слышала, как возвратился с внуками отец, потом Вера, судя по разговору, купив в кои-то веки продукты. Обедать её не позвали и, дождавшись, когда кухня опустеет, девушка налила себе тарелку едва тёплого рассольника. Ела, не добавив, как любила, сметану, словно в чужом доме, за чужим, а не за своим, привычным с детства, столом.

К вечеру она уже ощущала себя квартиранткой, задолжавшей хозяевам крупную сумму, а потому живущей на птичьих правах. У неё опять поднялась температура, пришлось лечь. «Вот так можно и помереть, никто при таких родственниках и не спохватится, – рассуждала она. – Ладно, мать. Может быть, вчера она ответила ей не очень вежливо, но отец? А Костик?»

Больше всего она ждала племянника, хотя и запретила бы ему входить, чтобы не подцепил заразу.

* * *

В ситуации конфликта с домашними Лиана оказалась впервые и совершенно не знала, как себя вести. Да, ей приходилось слышать от одноклассниц и однокурсниц об их скандалах и ссорах в семье, разногласиях с родителями, но у неё никогда ничего подобного не происходило, и она считала, что и не произойдёт. «Что делают в таком случае? Наверное, просят прощения, – думала она, – но только в чём моя вина? За что просить? За то, что не выполнила приказ Веры? Именно приказ, ведь совершенно очевидно, что сестра пытается помыкать мною на каждом шагу. Конечно, поскольку мы были наедине, ничто не помешает ей, если уже не помешало, подать разговор между нами под совсем иным соусом. Но если это так, то почему бы матери не защитить меня? А отец? Он из-за чего сердится? Ах, да, ему пришлось заниматься с внуками, потому что я заболела, а болеть я не имею права. Я, если поразмышлять, здесь вообще ни на что не имею права, даже съесть купленное мною же самой яблоко. Одним словом, Малявка».

Лиана вспомнила об их взаимоотношениях с сестрой с первого дня возвращения Веры под родную крышу и пришла к выводу, что зря послушалась мать и согласилась уступить. Надо было сразу показать зубы, чтобы Вера, пользуясь её бесхребетностью, не села ей на шею.

Как события станут разворачиваться дальше, если она не сделает первый шаг к примирению, Лиана представить не могла. Неужели дело дойдёт до того, что у неё будет своя полка в холодильнике, как у однокурсницы Марии, встречающейся с молодым человеком вопреки воле родителей?

Мудро сказано, что с родителями хорошо жить рядом, а не вместе. Лиана, услышав когда-то данное мнение, решила, что речь идёт о семейных парах, а не о взрослых детях, но, оказывается, и таких, как она, это тоже касается. Ошибалась она, полагая, что в большой квартире им втроём вполне хватает места. Отец с матерью, вероятно, давно думали иначе.

Прикидывая так и эдак, девушка пришла к выводу, что если дела в банке будут идти не хуже, чем сейчас, то в конце года она сможет взять кредит и купить квартиру. Пусть и голые стены, но свои, а при желании – сейчас предложений на рынке много, можно найти и с мебелью. От поездки в санаторий, конечно, придётся отказаться, но зато будет собственный угол, где никто не станет попрекать куском.

* * *

В воскресенье, не почувствовав ожидаемого улучшения, Лиана ходила в аптеку, на обратном пути купила себе на обед пельмени, на ужин кефир и булочку.

Семейство, похоже, объявило ей бойкот. Родные сидели по комнатам, ребяташки и те пошумели чуточку только во время купания. Уже поздно вечером Костя, приоткрыв её дверь, тихонько спросил:

- Лиана, а ты почему не кушаешь с нами?
- Я болею, Костик, могу вас заразить.
- А что у тебя болит?

– Горло.

– Горло – это неприятно, – посочувствовал мальчик. – Поправляйся. Спокойной ночи!

– И тебе спокойной ночи, мой хороший! Спасибо!

После появления Костика затеплилась надежда, что племянник обязательно скажет о её состоянии Вере, и та придёт, предложит помощь. Но нет, ничего подобного не случилось: отношение к ней со стороны близких не изменилось. Всё то же молчание при ней, всё те же насупленные, кроме Костиного, лица. Лиана, несмотря на то, что недомогала, пыталась дотянуть до праздника без больничного.

Наверное, выздоровление шло бы быстрее, если бы не тягостная домашняя атмосфера. Девушка просыпалась несколько раз посреди ночи и лежала, размышляя о том, как быть дальше, а утром, не выспавшись, с большой головой, спешила на работу. Она посоветовалась с подружками по поводу своего положения, но их мнения ещё больше запутали её: одна говорила, что надо попросить прощения или вести себя так, словно ничего не стряслось, и всё само собой рассосётся, другая, наоборот, убеждала не идти на поводу у сестры и не позволять себя унижать. Ясно было одно: чем дольше протянется конфликт, тем сложнее будет его уладить. Ну, не смешно ли, что ей уже приходится питаться кашками быстрого приготовления и хранить продукты у себя в комнате на прохладном подоконнике?

Сколько раз Лиана подсказывала знакомым, как решить сложную житейскую проблему, и те потом благодарили её за толковый совет, а сейчас, для себя, она не могла найти выход. Получается воистину: чужую беду руками разведу, а что со своей делать, не знаю.

* * *

Во вторник в банке царила предпраздничная атмосфера, клиенты поздравляли с наступающим 8 Марта, и Лиана вынужденно улыбалась в ответ, стараясь не показывать

плохого самочувствия. Перспектива провести очередной выходной среди ставших в одночасье чужих людей приводила её в уныние.

– Здравствуйте, – поприветствовала она очередного клиента, не отрываясь от компьютера.

– Привет!

Она подняла глаза и радостно улыбнулась: перед ней сидел её бывший однокурсник Антон Астахов.

Как же давно они не виделись! Симпатичный, серьёзный Антон, имевший к моменту поступления в институт учёбу в техникуме и службу в армии, сразу понравился Лиане. Интуиция подсказывала девушке, что однокурсник тоже не равнодушен к ней, но когда длинноногая смазливая Глаша Усенкова призналась, что давно сохнет по Антону, Лиана стала держаться от юноши подальше. Однако жертва, судя по тому, как развивались дальнейшие события, оказалась напрасной: Антон в сторону Глаши вовсе не смотрел, а после первого семестра перевёлся на заочное отделение и вообще пропал из поля зрения однокурсников.

– Узнаёшь? – спросил Антон.

– Конечно, господин Астахов, как не узнать?

«Вот и этому тоже понадобился кредит», – подумала она с досадой, но Антон, словно подслушав её мысли, отверг их:

– Я, Лиана, не за кредитом, хотя талончик на очередь взял.

Она кивнула:

– Хорошо.

– Был в VIP-зале и увидел тебя. Давно здесь?

– С осени.

– Не замужем?

– Нет. Извини, Антон, мне работать надо.

– Да, конечно. А во сколько заканчиваешь?

– Через полчаса.

– Может, поужинаем вместе? Я на машине, подожду.

Первым порывом Лианы было отказаться, всё-таки чувствовала она себя неважно и хотелось скорее домой, но, с другой стороны, домой меньше всего и хотелось.

– Можно поужинать, – согласилась она.

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. МАЛЯВКА.

* * *

Едва Лиана вышла на крыльцо, Антон появился из стоявшего неподалёку белого «сузуки». Дождавшись, пока девушка спустится по ступенькам, галантно распахнул дверцу машины.

– Прощу!

Она, не скрывая удовольствия, осмотрела чистый салон.

– Куда поедет? Есть предложение?

Лиана, поедет, в принципе, некогда было подумать об этом, честно призналась:

– Не знаю. Мы с девушками обычно в кофейне собираемся, что на проспекте.

– Кофейня – это сладости, а у нас романтический ужин.

– При свечах? – засмеялась Лиана.

– Можно и при свечах. Я знаю уютный небольшой ресторанчик. Слышала, «У Павла»?

– Блинная такая есть в центре.

– Да, того же хозяина, а ресторанчик в Пригородном.

– В Пригородном? Никогда там не была. Далеко?

– Километров пять отсюда. Нормально же? Там классная кухня и музыка живая. Так что? Поехали?

– Поехали.

Антон, внимательно следивший за уличным движением, расспрашивал её о работе, об однокурсниках, а Лиане не верилось, что ещё час назад она пребывала в полной тоске, а теперь едет на приличной машине, с видным парнем, бросающим на неё время от времени заинтересованные взгляды.

Однако, когда город остался позади, а по сторонам дороги потянулся густой заснеженный лес, девушку охватило беспокойство: почему он повёз её в Пригородное, разве мало приличных мест в центре, где можно спокойно пообщаться? Потребовать, чтобы повернул назад? Глупышка всё-таки она, сорвалась, отправилась за приключениями, никого не предупредив. Конечно, если бы не разлад с родными, разве бы она помчалась с почти незнакомым человеком неизвестно

куда? Впрочем, успокоила она себя, возле банка есть камера наблюдения, о чём Антону наверняка известно, да и оператор Марина видела, как она садилась в «сузуки», ещё и рукой Лиане помахала.

– О чём задумалась? – прервал молчание Антон и, словно предупреждая её необоснованные страхи, предположил:

– Испугалась? Думаешь, наверное, куда он меня везёт? Угадал?

– Немножко, – не стала скрывать Лиана.

– Пригородное, Лиана, это моё детство. Я в нём жил, школу начальную окончил, а потом уже мы в город перебрались.

– Да? – обрадовалась девушка. – Оказывается, ты из Пригородного.

– Оттуда. Отец с матерью недавно снова в посёлок вернулись, а мне в городе привычнее. Скоро будем на месте.

И, действительно, прошло немного времени, и впереди замелькали приветливые огни. Антон сбросил скорость:

– Сейчас тебе наш дом покажу. Вон видишь большие ворота?

– Вижу.

– Он и есть.

Вскоре они остановились у одноэтажного каменного здания с большими освещёнными окнами. Антон протянул охраннику руку:

– Добрый вечер, Семён!

– Добрый вечер, Антон Павлович!

– Вот привёз однокурсницу показать наше заведение.

– Счастливого вечера! – пожелал Семён, широко улыбнувшись Лиане.

Приятный, не режущий глаза свет заливал небольшой, оформленный в морском стиле зал столиков на двенадцать, примерно треть которых пустовала. Бывший однокурсник провёл свою спутницу в дальний от входа угол.

Тут же подошёл официант, с которым Антон тоже поздоровался за руку.

– Выбирай, – предложил он Лиане, раскрыв меню. – Что-нибудь выпьешь, пока заказ принесут?

– Чай. Если можно, зелёный, – попросила она.

– Без проблем.

По сравнению с сидящими по соседству нарядными женщинами Лиана выглядела очень просто. Раньше бы подобное обстоятельство привело её в замешательство, но теперь, когда напротив неё расположился Антон, одетый тоже не для парадного выхода, она ощущала себя королевой бала.

– Слушай, Лиана, давно хочу спросить, почему у тебя такое необычное имя?

– Отец придумал. Сестра старшая Вера, у нас с ней разница в двенадцать лет, требовала, чтобы меня назвали Любой или Надеждой. А отец упёрся, ни в какую. Ну и Вера, в знак протеста, стала звать меня Малявкой, и до сих пор так зовёт, – сообщила возмущенно Лиана.

– Тебя? Малявкой? По-моему, пора устроить бунт на корабле.

– Уже устроила, – констатировала Лиана.

– И что? Есть результат?

– Не совсем тот, который ожидала, – вздохнула девушка и посмотрела на часы: почти десять. Наверняка, домашние удивляются, где это она. Ну и пусть удивляются.

– А ты почему Антон?

– В честь Чехова. Антон Павлович. Бабуля нарекла. Мне лично нравится. У меня в старших классах и прозвище такое было: Чехов.

– Слушай, а что здесь раньше было? До ресторана? – поинтересовалась она.

– Столовая. Моя бабушка работала тут буфетчицей. Бывало, набегаем с пацанами и – к ней. Сядем где-нибудь в уголочке, как сейчас мы с тобой сидим, а она нам компот с пирожками. А потом предприятие общественного питания начало медленно разваливаться, и мой отец придумал открыть ресторан.

– Твой отец? – не поверила Лиана.

– Ну, да. А что такого? Я ему в городе помогаю, а он тут занимается. Пока вроде нормально, конкуренции особой нет. Поселковые всё тут отмечают: юбилеи, праздники. Случается, и поминки, – он вздохнул. – Такова жизнь, никуда не денешься.

– Это точно, – подтвердила она.

* * *

Антон подвёз Лиану к самому подъезду уже в первом часу. В окнах её квартиры было темно, а на сотовом не оказалось ни одного пропущенного звонка. Она-то думала, что мать станет беспокоиться, но, похоже, ей дела нет до того, где и с кем её младшая дочь.

– Знаешь, Лиана, я рад, что мы встретились, – сказал Антон. – Спасибо тебе.

– И тебе спасибо – и за ужин, и за поездку.

Она не спешила покидать место, где чувствовала себя в безопасности и даже счастливо.

– Скажи, а ведь я тебе понравился, да, когда мы только начали учиться? А потом вдруг ты отдалась. Почему?

– Была причина.

– Это как-то связано со мной, с моим отношением к тебе?

– Нет, то есть совсем не то, – возразила она.

– Значит, увидимся завтра?

– В смысле сегодня?

– Сегодня.

– Да.

Он зашёл с ней в подъезд, обнял на прощание:

– Я, правда, очень, очень рад! Спокойной ночи!

* * *

Лиана осторожно открыла замок и, затворив тихонько входную дверь, на цыпочках прошла к себе. Теперь, после встречи с однокурсником, её настроение изменилось в лучшую сторону. Она посмотрела в окно: машины Антона уже не было. Лиана обернулась: прямо перед ней в наброшенном на ночную сорочку халате стояла Вера. «Какая она всё-таки маленькая, моя старшая сестра», – подумала Лиана, не испытывая прежнего страха перед ней.

Свет от уличного фонаря упал на лицо Веры, и Лиана не поверила: оно было заплаканным.

– Лиана, – прошептала сестра, – ты в порядке?

– Да, – ответила она едва слышно.

Вера, обняв её, стояла молча, тяжело дыша.

ОЛЬГА ПАШКЕВИЧ. МАЛЯВКА.

Наверное, ей тоже надо обнять сестру, но руки не поднимались – не потому, что ещё не прошла злость на Веру, а потому, что Лиана никак не ожидала увидеть старшую сестру в слезах.

– Лиана, – заговорила Вера без прежних властных ноток в голосе, – ты, если не хочешь, то не води Костю на подготовку, я сама как-нибудь. Ну, что ты так на нас разобиделась? Мы тебя потеряли. Звонили, звонили, а ты вне доступа. Уже не знали, что думать, ты же никогда раньше так не пропадала.

– Я за город ездила в ресторан с однокурсником.

– Хорошо, хорошо, – согласилась Вера. – Мама только что легла. Как увидела, что ты из машины вышла, сразу и легла.

* * *

Лиана уже расстелила постель, так и не зажигая свет, когда заметила на письменном столе что-то необычное. Она включила ночник: это были две самодельные открытки. Одна от Миши (нарисованный детской неумелой ручонкой красненький цветок в вазочке), другая от Кости (аккуратно наклеенная из цветной бумаги аппликация тоже в форме цветка). Внутри открыток была надпись. Лиана сразу узнала почерк Веры: «Любимой тётё Лиане от племянника» и соответствующее имя.

«Любимой, любимой... – стучало в висках. – Как давно никто не называл её так! Как давно она никого так не называла! А ведь это очень просто, если... Если что?»

Руслан БАХТИЯРОВ,
кандидат искусствоведения,
научный сотрудник Государственного Русского музея

“Чарующее свечение галактического пространства...”

Юрию Васильевичу Спиридонову посчастливилось обрести свою главную тему в искусстве. Тему, а, вернее, образ, созвучный его удивительному дару, счастливо сочетающему трепетную любовь к родной земле и к Северу как к всеобъемлющему понятию, вмещающему в себя и человека, и природу, а в какой-то степени – и целую Вселенную. Этот образ «озвучен» и в названии выставки «Образ Арктики...», проходившей с 5-го по 10 декабря 2017 года в Голубой гостиной Петербургского Союза художников в рамках Недели Республики Саха (Якутия). Эти слова в равной степени раскрывают ключевой мотив творчества замечательного мастера якутской живописи и создают своего рода панорамный охват простора земли, на которой он родился и вырос. Сам ландшафт Севера Якутии, который человеку, живущему в большом городе, может показаться пугающе пустынным и однообразным, обретает под его кистью богатство палитры далекого края. Палитры сдержанной, неброской и, вместе с тем, щедрой, способной вспыхнуть красками северного сияния, чарующим свечением галактического пространства и нежными оттенками долгожданной весны, порою буквально за одну-две недели меняющей

уклад жизни людей, живущих и работающих на этой земле. А вместе с ними – и четвероногих, и пернатых ее обитателей.

Юрий Спиридонов способен сделать «своим», обжитым присутствием человека, и берега арктических морей других стран и материков. Не случайно в пространстве Петербургской выставки соединились в величественный триптих полотна «В Гренландии» (1998), «Жизнь продолжается» (2002) и «Хозяин Момских гор» (2006). Они, и в самом деле, создают впечатляющий «визуальный ряд» основных творческих устремлений автора – подобно тому, как на географической карте вытягиваются в протяженную линию берега разных континентов, омываемых Ледовитым океаном. Север для Юрия Спиридонова, равно как и для многих его соотечественников – современников и предшественников, становится единым пространством, своего рода философским понятием, имеющим не только территориальное, природное, но и культурное измерение. Вспомним, что на рубеже 50-ых и 60-ых годов XX в. именно в арктических мотивах Рокуэлла Кента находят точки соприкосновения российская и американская живописные традиции, где значительная роль принадлежала как раз реалистической школе, крепкой профессиональной традиции.

РУСЛАН БАХТИЯРОВ. “ЧАРУЮЩЕЕ СВЕЧЕНИЕ ГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА...”

ЭТОТ ЧУДНЫЙ МИР ИСКУССТВА

Юрий Спиридонов и зав. секцией живописи С.-Петербургского Союза художников Андрей Базанов.

Классики сурового стиля – московские художники братья Смолины и ленинградский мастер Андрей Яковлев, с которым, к счастью, был близко знаком Юрий Васильевич, а вместе с ними и другие талантливые живописцы, графики, скульпторы открывали для себя и для нашего искусства далекие северные края. И, конечно, лики людей, хранящих обычаи и жизненный уклад предков, но открывших для себя и новый мир технического прогресса, освоения природных богатств, которые длительное время оставались достоянием Сибирской земли... Преобразования, затронувшие родной край художника, конечно же, получившие отражение в ранних живописных работах Юрия Спиридонова, никогда не заслоняли для него красоту того, что не могло – и не должно было – измениться в своей основе. Это, в первую очередь, красота искренности, сердечности и душевного тепла. Они всегда наполняли взаимоотношения тех, кому было суждено из поколения в поколение продолжать и поддерживать жизнь в неласковых условиях

Крайнего Севера, и также в полной мере были раскрыты в его произведениях.

Быть может, вполне закономерно впоследствии автору открылась и иная сторона прогресса, который принес с собой немало ценных новшеств, но также – нарушение природного равновесия, а вместе с ним и равновесия душевного... На выставке не было пронзительной картины «Могилы предков» (1990), которая была рождена неуспокоенностью художника, переживанием за участь этой земли и тех, кто ушел, но дал жизнь тем, кто населяет якутские просторы. Однако и представленные в экспозиции полотна и графические работы в полной мере раскрыли широту жанрового, пластического диапазона поисков Спиридонова – и, что особенно важно, значительность этического содержания его искусства. Мы рассматриваем ранние рисунки – выполненные в Ленинграде академические этюды обнаженной натуры – и вновь переживаем вместе с автором радость встречи с Родиной («Возвращение», 1981), видим масштаб ее об-

новления (диптих «Будни родной земли», 1987), наконец, восхищаемся вселенским размахом просторов, озаренных росчерком следа пролетающего самолета («Розовый след», 1983).

А рядом – образы людей Якутии, ее рядовых тружеников и хранителей духовных основ ее культуры («Портрет Иннокентия Слепцова»). Важно, что Юрий Спиридонов не разделяет в человеке эти качества – подростком познав нелегкий труд оленевода, он сохраняет в своем творчестве и делает нашим достоянием почтительное отношение к тем, кто не порвал связь с родными пенатами и занят созиданием. Эта идея по-своему отразилась в центральной части триптиха «Мой путь», где нарты, установленные рядом с мольбертом художника, создают особое пространство смысла, открывающее путь для предположений, ассоциаций и следующих за ними глубоких, сложных выводов. Предоставим слово автору картины: «В тундре нарты никогда не ставят вертикально. Обычно их приставляют к чуму, чтобы их покрытие не сдуло ветром. Но в моей картине вертикальные нарты около этюдника символизируют наследие древних корней этой земли и тягу к культуре человека тундры. А белый холст, как белый снег тундры, еще многообещающе чист... чист, как начало жизни, как начало творческого пути».

Любопытно, что, вспоминая историю создания этого произведения, Юрий Спиридонов отмечает еще одно обстоятельство, на которое мы уже обращали внимание ранее, и которое важно напомнить, рассматривая его пейзажные произведения: «В тундре особенно остро ощущаешь космическое пространство. Может, оттого, что неба там больше, чем земли под ногами. Возможно, поэтому у большинства моих картин низкий горизонт». В самом деле, достаточно сравнить знакомые нам полотна «Жизнь продолжается» и «Хозяин Момских гор», и такие картины, как «У Черских хребтов» (2011), «Кочевье» (2017), чтобы уяснить характерное качество художественного решения произведений Спиридонова (и тем самым лучше осознать философию его искусства). Человек посреди этого безбрежного пространства отнюдь не кажется

одиноким, потерянным, остро переживающим ощущение малости, даже ничтожности перед лицом вечности. Напротив, здесь и сам художник, и его герои кажутся подлинными хозяевами своей земли. Они, скорее, осознают собственное величие, усиленное монументализацией композиционного строя картины, построенной на протяженных горизонтах, где фигура или лицо также взяты крупным планом.

Эти приемы, знакомые нам по произведениям мастеров советской живописи рубежа 1950–60-ых годов, обретают новую жизнь в картинах Спиридонова. Здесь героическое, лишённое внешнего пафоса и показной эффектности, обретает не столько социальное, сколько более сложное, духовное измерение, обращенное к мифопоэтической традиции якутского народа. К ней в контексте выставки оказываются «подключенными» и более скромные по размеру пейзажные произведения – к примеру, «Скалы у Лены» (2016). И кромка горизонта, и спокойная водная гладь, уступы скал, упирающихся в самый край холста, создают особое одушевленное пространство, где, кажется, до сих пор жив дух персонажей олонхо – эпического жанра якутского фольклора.

Мир народного эпоса также обретает свое отражение и новое прочтение в творчестве Юрия Спиридонова. Это выполненный в технике аппликации «Якутский мотив» (1992) и мотив другой, эскимосский, в великолепной серии рисунков, где образ, выделенный среди черноты фона (как бы концентрирующего мрак полярной ночи), тяготеет к выразительному, пластически емкому знаку. Художник обращается к иной грани культурного наследия своих предков, где мы различаем также скрытую под толщей времён символику петроглифов, оставленных первобытной эпохой, и традиционные зооморфные и орнаментальные мотивы, бытующие в искусстве народов Севера («Якутский мотив. Сенокос»). Назовем, конечно, полотна «Древо жизни» и «Лики Сибири». Рядом с включенными в экспозицию произведениями, связанными с реалистической линией, они могут показаться несколько экстравагантными, неожиданными.

РУСЛАН БАХТИЯРОВ. «ЧАРУЮЩЕЕ СВЕЧЕНИЕ ГАЛАКТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА...»

ЭТОТ ЧУДНЫЙ МИР ИСКУССТВА

В самом деле, цветное, пластическое решение «Древа жизни» близко, скорее, языку американского поп-арта – явления сложного и неоднородного. Но, что любопытно, не обошедшего стороной традиционные мотивы искусства коренных народов Северной Америки (напомним о таком художнике, как Роберт Индиана, выставка которого проходила в Русском музее в 2016 году). Отзывчивость художника к направлениям и творческим инсталляциям, которые, на первый взгляд, расходятся с принципами академической школы, в контексте Петербургской выставки воспринимаются вполне закономерными и даже необходимыми.

Образ Арктики является поистине всеобъемлющим, открытым для разных концепций видения и отображения мира, порою обретая точки соприкосновения с практиками актуального искусства, далекими от традиционных техник и материалов. Кстати, Юрий Спиридонов в свое время создал ряд инсталляций, развивающих уже привычный для нас жанр ледовой скульптуры. Вспоминая об этих работах, репродуциро-

ванных в монографических изданиях, мы словно добавляем к выставке еще одну часть поисков мастера, связанную с «новейшими течениями». Однако под его рукой и природный материал, и мотивы абстрактные или связанные с многообразием практик contemporary art наделяются живительной силой первозданной природы – и прочно связанных с нею преданий великого народа с древней культурой. Такое под силу только мастеру, не только имеющему прочную профессиональную базу, но и не утратившему связей с корнями этой культуры, с ее устоями. И, главное, с самими людьми Земли Саха – ушедшими, живущими ныне и теми, кому суждено осваивать ее в будущем. В таком случае, само творчество Юрия Васильевича Спиридонова и выставка, проходившая в декабрьские дни в Северной столице, выступают как «веков связующая нить», позволяющая соединять времена и поколения, территориальные пространства и масштабные философские понятия. По счастью, это вполне под силу искусству и лучшим его мастерам.

Виктор ВДОВИЧЕНКО,
г. Нерюнгри

Полёт к звёздам

Лето. Его всегда ожидаешь, ему всегда рад. Какое бы ни было оно – холодное и дождливое, сухое и жаркое, – всё равно расстаешься с ним с сожалением. И заканчивается оно неожиданно: словно идёшь по ровному полю и вдруг – обрыв... Пора в школу. Значит, пришла осень. О лете мы ещё вспомним на первых уроках, когда будем писать сочинение и затем читать перед классом о том, как провели летние каникулы. Кто-то рассказывал, что всё лето провёл у бабушки в деревне, кто-то – в летнем лагере, а кто и с родителями на море. Я даже завидовал им, потому что дальше города никогда не был.

Может, поэтому перед долгожданными летними каникулами мне становилось грустно. Но в этом году все было не так.

Однажды, прибежав со школы и влетев в дом, я, как всегда, хотел бросить портфель на скамейку, но остановился на пороге от неожиданности. У нас дома был гость.

– Григорий, – поднялся он из-за стола и протянул мне руку, – а для тебя дядя Гриша.

– Здравствуйте, – я подошел к нему и несмело подал руку.

Он легко подхватил меня, усадил рядом и

погладил по голове. Я даже не успел его хорошо рассмотреть.

– Вот ты какой, мама о тебе рассказывала. А что, поедешь ко мне на хутор? На все лето.

У меня громко застучало сердце – неужели исполнится моя заветная мечта?

– Ну, что молчишь, Саша? Поедешь? Я знаю, надоела тебе школа и городская суета. А у нас тихо. И парного молока попьешь. У меня несколько козочек и две коровы. Ты какое молоко больше любишь?

– Козьего молока я не пробовал.

– Попробуешь, да и картошки у нас – до нового урожая на всех хватит. Какой щупленький, – он обнял меня своими большими руками за плечи.

– Да, да. Пускай едет, а то мы больше кашами давимся, – согласно закивала мама, – вот только как он там, ведь маленький ещё?

– Ничего, они вдвоем будут, да и работа для них подходящая есть, займет от зари до зари. По-работаете? – я снова ощутил его теплую руку на голове.

– А какая работа?

– Скоро состаришься – будешь знать много, приедешь ко мне, посмотришь. В школе больше знаний получай, да смотри, хвоста на лето не подцепи, а как закончишь школу, так я за вами сразу приеду.

Я понял, что со мной еще кто-то поедет, но спросил об этом у мамы, когда дядя Гриша ушел.

– Да, вы будете там вдвоем с Ленькой. Это его папа договорился насчет вас. Они вместе с дядей Гришей работают в воинской части. Дядя Гриша подвозит продукты в солдатскую столовую.

– Ура! Мы с двоюродным братом едем в деревню на всё лето!

Теперь я не мог дожидаться каникул. Мы с Ленькой даже дни начали считать, пока не сблизись.

И вот однажды вечером за нами на телеге приехал дядя Гриша. Мы быстро собрались, побросали вещи в телегу...

Приехали поздно. Было непривычно темно. Где-то в темноте гремела цепью и сиплым, словно протуженным, голосом лаяла собака.

Мы с неохотой покидаем теплые, насиженные

ВИКТОР ВДОВИЧЕНКО. ПОЛЁТ К ЗВЁЗДАМ, СИРЕНЬ.

Два рассказа

места, идем под навес и садимся за стол. На столе белело полотенце, под которым оказался кувшин с молоком, нарезанный хлеб и две кружки.

– Перекусите с дороги, – дядя Гриша наливает в большие алюминиевые кружки молоко и сует нам в руки по куску хлеба.

– Кушайте, а я пока выпрягу лошадей.

Домашний хлеб и еще теплое молоко были очень вкусными. Мы быстро расправились с едой и тихо сидели. Собака перестала лаять, и было слышно лишь позвякивание сбури, стук копыт. Потом все стихло, и скоро мы услышали шаги дяди Гриши.

– Пойдемте, господа городские, я проведу вас в ваши апартаменты.

Он привел нас к какому-то сараю.

– Забирайтесь наверх, только не свалитесь.

По приставной лестнице мы поднимаемся наверх, нащупываем на сене постель, раздеваемся и залазим под одеяло. Когда мы улеглись и перестали шуршать сеном, то услышали под собой какие-то звуки: что-то звякало, кто-то тяжело вздыхал, похрустывал, постукивал.

– Это домовый, – шепчет Лёнька.

Я ближе прижимаюсь к нему и, согревшись, засыпаю...

– Подъём, курортники, завтрак стынет, солнце уже во как высоко, – разбудил нас очень рано дядя Гриша.

Солнце только поднялось над лесом и ещё не грело. Мы спустились с лестницы на росистую траву, обжигающую холодом босые ноги.

– Здесь будете умываться, – показал он на прибитый к дереву умывальник.

Вода в нём была такая же холодная, как роса, и остатки сна смываются с моего лица. Я огляделся, но не увидел во дворе дома. Это был даже не двор, а пустырь, ограниченный огородами и посевами. Он спускался к болотистой низине, поросшей вербами и ольхой. Забора тоже не было. Посреди пустыря стояло несколько сбитых из старых досок, кусков ржавой жести и рубероида построек для животных и птицы. Эти сараюшки жалась друг к другу, словно нищие пытались согреться в своём рванье. За огородами, разбежавшись подальше

– казалось, играют в жмурки, – выглядывали из-за вишнёвых и яблоневых садов три дома. Всё, что осталось от хутора.

Возле сарая был вход. Оказывается, это землянка. Из неё вышла молодая женщина. Лицо у неё было почему-то не загорелое, бледное. «Почему она, такая красивая, до сих пор живёт в землянке?» – подумал я. Все давно живут в домах или времянках, разве только горбун с сестрой – кулацкие дети, недавно вернувшиеся назад из ссылки, вырыли ее недалеко от города, за рекой. Мне даже стало жалко их. Но потом я узнал от дяди Пети, что они давно могли бы построить себе новый дом. У них есть деньги и много хороших дорогих вещей, но они боялись, что их сразу же раскулачат. Я один раз забегал за чем-то в землянку и видел там несколько аккордеонов, ножных швейных машинок и ещё много больших ящиков с надписями на немецком языке – видно, трофейных.

– Меня зовут тётя Зина, пойдёмте завтракать, – мы догадались, что это была жена дяди Гриши.

Она повела нас к навесу, под которым стояли большая, обмазанная глиной плита и грубо сколоченный стол. Над плитой склонилась женщина. Её голова, замотанная чёрным толстым платком, была похожа на чугунок, который стоял тут же на плите.

– Бабушка Фрося – дяди Гриши мама, она будет вас кормить, – познакомила нас тётя Зина и ушла.

Старуха молча кивнула в ответ и строго посмотрела на нас, потом также молча высыпала с чугуна в большую глиняную миску горячую дымящуюся картошку.

– Садитесь, ешьте картошку, – пригласила она нас и снова повернулась к плите.

Мы брали руками прямо с миски картошку и запивали её теплым молоком. Нам это показалось очень вкусным. Разделавшись с картошкой, мы пошли к дяде Грише знакомиться с работой.

Он выгнал из построек двух коров с телятами, одного бычка и пять коз.

– Берите палки и гоните их за мной, – и сам пошёл впереди стада.

Мы спустились в низину, перешли через

небольшой ручейки вышли на поле, ограниченное с двух сторон лесом. Это поле, видно, никогда не пахалось, только следы от гусениц тягачей избородили его, как лицо у бабушки Фроси. Ближе к ручью стоял насыпанный из земли и обложенный дёрном курган.

– Вот ваш наблюдательный пункт, – показал дядя Гриша на курган. – А дальше вон тех кустов не ходите, а то вас арестуют, там полигон. Туда заходить опасно – там могут стрелять. Поняли?

Мы согласно закивали головами.

– На обед вас позовёт мать, а вечером возвращайтесь домой сами, как солнце опустится на ладонь, – он вытянул руку в ту сторону, где должно заходить солнце, и посмотрел на свою ладонь, прищурив глаз.

– Смотрите хорошенько за Манькой, – показал он на козу. – Она тут у них за атамана. Всё понятно? Тогда я пойду, мне на работу пора.

Дядя Гриша оказался прав, больше всего неприятностей было от Маньки. Вот она возле нас мирно травку щиплет, потом внизу у ручья объедает листочки с лозы, а чуть зазевался – уже в огороде. Доставалось нам из-за Маньки, но ей от нас тоже...

Ручей начинался от трёх колодцев. Когда-то давно отсюда возили солдатам воду в больших деревянных бочках. Потом построили водопровод и колодцы забросили. В двух вода застоялась, позеленела, и в ней завелись головастики. В третьем, чтобы вода не застаивалась, проломили каменную стену с одного угла. Из этого колодца начинал свой путь ручей. Дальше по течению луг заболотился, зарос вербами и ольхой. За лугом, ниже огородов дяди Гриши, старый ничейный сад.

Мне расскажет потом дядя Петя, что до войны здесь жили крепкие хозяева, но их выселили, а дом и другие постройки разобрали, остался только сад. Дядя Петя видел, как дом разбирали. Он ещё ругался, когда старший брат Ефрем полез на крышу срывать железо.

– Зачем ты ломаешь? Ты его строил?

Но брат не стал его слушать.

– Я никогда бы не делал этого, даже если бы меня просили.

По профессии дядя Петя жестянщик, и на многих казармах крыши сделаны его руками.

– Какая крыша там была! А железо толстое, сколько лет простояло, а как новое. Теперь такого не делают, – возмущался он.

Дядю Ефрема я не знаю, он в начале войны пропал без вести на фронте...

Немного дальше, за садом, начинался полигон: воинские склады, караульное помещение и такие же курганы, как наш наблюдательный пункт, только с будками наверху. В будках стояли учебные пушки. Мы лазили туда. Пушка настоящая, только в стволе у неё закреплена винтовка, из которой стреляют разрывными пулями, имитируя пушечный выстрел. Бутафорские опорные пункты «противника» находились на большом поле с другой стороны ручья. Отсюда, как с высоты птичьего полёта, видны города и деревни, колокольни и водонапорные башни, поля и леса, речки и овраги, автомобильные и железные дороги. И везде окопавшийся «противник»: окопы и траншеи, пушки и танки. Но стоит спуститься, перейти ручей и подойти поближе, как оказывается, что дома – это раскрашенные кирпичи, заводская труба – палка, дороги – узенькие полоски желтого песка. То, что издали кажется лесом, полем, железной дорогой, – это просто кусочки фанеры и жести из консервных банок, палочки и мох, раскрашенные в разные цвета. Даже обидно становится, так хотелось походить на Гулливера. Но зато здесь можно найти неразорвавшиеся пули. Они взрываются, когда их бросить в костёр или если ударить головкой о каменную стену, сначала привязав к камышинке вместо наконечника...

Вечером приезжал с работы дядя Гриша. После ужина он брал меня с собой стреножить на ночь лошадей. Он брал меня, а не Лёньку – может, потому, что я был младше его. Один конь был трофейный, тяжеловоз с огромными копытами. Очень спокойный, но когда дядя Гриша посадил меня на его широкую спину, он, не слушаясь моей команды, пошёл под дерево, и я, зацепившись за ветки, слетел на землю.

– Умный конь, – смеялся дядя Гриша. – Понял, что за седок на нём и поспешил освободиться.

ВИКТОР ВДОВИЧЕНКО. ПОЛЁТ К ЗВЁЗДАМ, СИРЕНЬ.

Два рассказа

Дядю Гришу он слушался... На ночёвку мы водили лошадей в дальний молодой лес, где была густая трава. В лесу уже совсем темно, лошади сами выбирают дорогу. Ветки цепляются за рубашку, и казалось, это леший хочет стащить с коня.

Дядя Гриша учил меня, как правильно путать лошадей. Это делается для того, чтобы они за ночь далеко не ушли... Домой возвращаемся уже по холодной ночной росе. Сильно хочется спать.

– Сегодня буду спать на дворе, потому что в землянке очень душно. Пойдёшь со мной? – спрашивает дядя Гриша.

Я с радостью согласился. Он вынес из землянки козы шкуры и одеяло. Мы залезли по лестнице на высокий стог сена, легли на мягкие шкуры и укрылись одеялом. Ночь была темная и тихая, даже собаки перестали лаять. Надо мной висело огромное темное небо. В ночном прохладном воздухе блестели, переливались звезды. Мне показалось, что я укрыт не одеялом, а звездным небом. Я ещё никогда не видел такого тёмного неба и таких ярких звёзд на нём. Сколько их было? Я даже попытался сосчитать, но тут же сбился. Дядя Гриша зашевелился и вздохнул. Я догадался, что он тоже не спит и, наверное, смотрит на небо.

– Дядя Гриша, звёзды можно сосчитать? – не отрывая взгляда от неба, спросил я.

– Можно, сынок, всё можно, если захочешь. Да, сегодня небо особенно звёздное.

– Дядя Гриша, если их считают, значит, различают, как людей?

– Конечно, вон видишь – Полярная Звезда, не самая яркая, но очень важная для мореплавателей и путешественников звезда, по ней ориентируются на север. А вот там созвездие, как ковш, это – Большая Медведица, как бы семья, по ней можно легко найти Полярную Звезду. Ковш поменьше – Малая Медведица, а та кучка звёзд – это Стожары.

– А эти как называются? Их словно мошек в конце лета

– Это туманность – Млечный Путь. Его ещё называют Чумацким – по нему чумаки ориентировались, когда за солью в Крым ходили. И не мошки

это, они огромные, только очень далеко до них, и кажется, что они маленькие. Я люблю смотреть на звёздное небо, и в школе астрономию любил. Вот и ты, вижу, когда вырастешь, обязательно астрономом станешь, а может, поэтом – они тоже на ночное небо любят смотреть. А сейчас давай спать, поздно уже и рано утром вставать.

Дядя Гриша скоро захрапел. Его храп разбудил тишину, и, казалось, заполнил всё вокруг, до самого леса, темнеющего на горизонте. Может быть, от храпа я не мог уснуть, и всё смотрел на небо и думал о том, какой огромный мир – даже представить себе невозможно. Как много в нём интересного. Оказывается, мы такие крохотные, и наша Земля, наверное, меньше, чем самая маленькая звезда – пылинка на широкой дороге Млечного Пути.

Я подумал, что даже самая маленькая звёздочка имеет своё имя и своё место в этой огромной семье звёзд. Она много-много лет посылает свет, чтобы все знали, что она живёт, что она есть в этом мире. Звёзды не мешают друг другу, наоборот, каждая из них вносит в этот волшебный мир ночного неба что-то своё, особенное, словно говорит: «Если я потухну, то небо станет уже не таким, потому что в этом месте будет пустота».

Почему же люди не понимают этого, и не берут пример у звёзд?.. Вот рядом, где остался, как сирота, неухоженный сад, стоял большой дом, и в нём жили хорошие люди, а их дети играли в жмурки. Хорошие, потому что они построили дом и посадили сад, которые другие зачем-то разрушили и продолжают ломать деревья в саду. Теперь этих хороших людей нет, и, наверное, скоро дядя Гриша уедет со своей семьей, потому что его жена, тётя Зина, всё время жить в землянке не сможет. А без домов и садов, без людей на этой земле станет тоже пусто.

Сколько красивых имён, сколько людей-звёзд исчезло с земли, когда пушки стреляли не пулями и не по бутафорским городам и сёлам, а по настоящим домам, настоящими снарядами. Теперь я знаю, почему люди не понимают друг друга, мешают друг другу жить, почему воюют. Потому что они ночью спят в своих душных

квартирах и не видят ночного звёздного неба. Они не могут увидеть его и вечером, когда ещё не спят, потому что в городе всегда горит свет. Они не видят его красоты и его величия, и поэтому не могут понять, что все люди – это те же звёзды, – только на земле.

Мне показалось, что та самая маленькая звездочка засияла ярче, словно улыбнулась и послала мне воздушные поцелуи. Вот и звездочка поняла меня и согласилась.

У меня ещё что-то интересное родилось в голове, но об этом не успел подумать, потому что маленькая звездочка вдруг сорвалась и полетела ко мне. Она становилась все больше и больше, и вот уже как мамина голова в воздушной сиреневой косынке.

– Саша, ты звал меня? – спросила она почему-то маминим голосом. – Хочешь, я покатаю тебя по звездному небу, потому что ты мне понравился?

Она легко подхватила меня, как дядя Гриша, когда подсаживал на коня, и понесла высоко над землей. Стог, на котором спал дядя Гриша, стал уменьшаться. И вот я уже не вижу его и не вижу нашего хутора, зато подо мной засветился яркими огнями город, потом другой, еще больший, на улицах которого сновало много-много машин. Затем я перелетел через горы и большое море, поднимаясь все выше и выше, пока Земля не стала совсем маленькой, как глобус на шкафу директора школы.

Зато звезды стали большими, и их оказалось столько, что я перестал верить дяде Грише, будто их можно сосчитать. Они ярко блестели, казалось, радовались мне и наперебой приглашали в гости.

Мне очень захотелось туда, к ним, там, наверное, так интересно... Но я вдруг вспомнил, что не предупредил дядю Гришу. Он встанет утром, а меня нет. Будет долго искать, а потом скажет маме, что я пропал, и она будет плакать.

– Я хочу домой, – сказал я моей звездочке, – к дяде Грише и маме.

– Да, пора тебе, – согласилась она, – вон уже солнце взошло над твоим хутором.

Она легко опустила меня назад, на стог, и укрыла одеялом.

– До свиданья, Саша, – она поцеловала меня,

как целует мама, когда будит утром в школу...

Я проснулся и открыл глаза. Надо мной стоял большой красный петух, он низко наклонился и одним глазом внимательно разглядывал меня. Убедившись, что я проснулся, он вскочил на верхнюю перекладину лестницы, захлопал крыльями, и громкое «ку-ка-ре-ку» разлилось по всему хутору.

– Разбудил. Ну, молодец, знаешь свое дело. Саша, пора вставать, слышишь, Манька зовет, да и мне на работу пора.

– Встаю, дядя Гриша, – мне стало жалко, что я проснулся, что закончился такой чудный сон, но мне тоже нужно идти на работу.

Мы работали, как говорят, за еду. Готовила кушать и кормила нас бабушка. Она заставляла мыть руки и всегда ворчала: «Не бросайте на пол картошку, доедайте картошку». Мы её так и прозвали: «Картошка на костяной ножке». Однажды она подслушала и очень сердилась, даже дяде Грише пожаловалась.

Готовила она хорошо, но одно и то же. Утром картофельное пюре и молоко; в обед – щи, жареная картошка и простокваша; вечером вареная картошка и молоко. Может, потому, что у них была ещё полная яма старой картошки, и девать её было некуда, и молоко от двух коров тоже.

Поначалу мы были очень довольны, уплетали всё и ещё просили добавки. Дома нас кормили кашами да лапшой с маргарином, а молоком не часто. А здесь – сколько душа желает жареной на сале картошки и молока. Но потом, когда немного отъелись, и меню в течение нескольких недель не менялось, мы стали «перебирать харчами». Теперь картошка оказывалась недожаренной или пересоленной, а молоко горчило, видно, от полыни. Мне казалось, что я наелся картошки на всю оставшуюся жизнь. Неизвестно, чем бы это всё кончилось, но однажды вечером дядя Гриша срочно увезёт меня домой, а на другой день Лёньку.

Как раз перед отъездом на хутор я первый раз посмотрел в клубе «Тарзана». Мы с Лёнькой потом специально ходили в лес, чтобы спуститься

ВИКТОР ВДОВИЧЕНКО. ПОЛЁТ К ЗВЁЗДАМ, СИРЕНЬ.

на землю с тонких, гибких берёз, как это делал в кино Тарзан...

В этот день, уже вечером, мне вздумалось спуститься с ольхи, что росла на болоте. Я залез на тонкое дерево, уцепился за верхушку и, как всегда, оттолкнулся ногами, чтобы наклонить её и плавно спуститься на землю. Но хрупкая ольха треснула, и я полетел вниз головой. Лиан на пути, как у Тарзана, не оказалось, и моя голова застряла между кочками. Перед глазами, как в ночном небе, засверкали звёзды. Показалось, что голова влезла в плечи, я даже пощупал, на месте ли шея. Она показалась мне короткой, жилы на ней вздулись и, видно, что-то случилось с головой, потому что я катался по земле и сильно смеялся. Подбежавший Лёнька заразился от меня и тоже начал хохотать и браться за живот. В голове словно загорелось что-то, и, пересиливая смех, я попросил у Лёньки воды, чтобы потушить. Он попытался принести воду из колодца в ладошках, но пока бежал, она вылилась. Я же смеялся и просил воды. Лёньке уже было не до смеха, он сильно испугался и волоком потащил меня прямо к колодцу. Придерживая за ноги, он перевалил меня через пролом в стене и опустил голову в воду.

В ней что-то зашипело, как раскалённое железо, погрузившееся в ледяную воду. Мне вдруг стало легче, и я перестал смеяться.

Вечером дядя Гриша вёз меня в телеге домой. Я просил ехать тише, потому что каждая кочка на дороге сильно отдавалась в голове...

Сирень

Этот дом называется поповским. Но батюшка в нем уже давно не жил. Он переехал в новую церковь, наспех возведённую на пустыре возле рынка. Базар собирался раз в неделю. В этот день с ближних и дальних сел приводили на веревках и привозили на телегах, а зимой на санях, живой товар. Я часто ходил туда. Было интересно не

только смотреть на животных, но и наблюдать, как идет торговля.

Покупатели рассматривали животных как картину в музее, то подходили близко, то смотрели издали. Потом ощупывали, похлопывали, заглядывали в пасть, считали зубы, мерили пальцами от загривка до хвоста.

У кабана, который от своей тяжести не мог стоять на коротеньких ногах, выдергивали со спины пучок щетины, пытаюсь определить толщину сала. Затем покупатель и продавец долго торговались, никак не сойдясь в цене. Покупатель уходил и возвращался снова. Наконец они ударяли по рукам и долго считали и пересчитывали деньги. Теперь к запахам навоза, лошадиного пота и махорки примешивался неприятный запах самогона.

К вечеру только навоз и солома, развеиваемая ветром по пустырю, напоминали о базарном дне.

Вот здесь, рядом с этим пустырем, было построено небольшое прямоугольное здание с башенкой и крестом, которое стало городской церковью. В этой церкви я был всего один раз, с Васькой, в вербное воскресенье. После целования креста нам давали по ложечке чего-то сладенького. Оно понравилось, но на третьем заходе батюшка дал только целовать крест.

А когда-то в городе была большая красивая каменная церковь. После революции её взорвали, и обыватели растащили кирпичи на всякие пристройки к своим домам. На том месте был пустырь, с маленькой молельней посредине. Кажется, она была укором и напоминанием людям о том варварстве, к которому они иногда скатываются в своем безумстве.

Над молельней склонились три липы, как старушки, постепенно усыхающие от времени и тягот жизни. На перекладине, прибитой к липам, висели небольшие колокола. Мы иногда звонили сами. На Пасху – нам разрешали, а в другие дни – когда сторож отлучался. Вокруг молельни кое-где из земли торчали камни с не всегда понятными надписями. Это были остатки надгробных плит, которые лежали когда-то на могилах служителей церкви.

К пустырю примыкало старое кладбище, там

давно уже не хоронили. Крестов и оградок тоже не было. Но среди деревьев и густых зарослей ещё были заметны могильные холмики, и когда мы играли в партизан, я боялся наступать на них.

Потом, позже, холмики сравнивают, и на месте кладбища проложат аллеи и дорожки, построят там всякие увеселительные заведения и аттракционы. Вдоль аллеек поставят скульптуры оленей, лосей и других диких животных, которые даже не водятся в окрестных местах, и там же, рядом, на стендах – портреты достойных людей города. Останутся нетронутыми только две братские могилы, где зажгут Вечный огонь. Всё это обнесут высоким шлакобетонным забором и на воротах повесят вывеску «Парк культуры и отдыха». Теперь вход станет платным...

А откуда у нас деньги? Если и случалось иногда заработать на сдаче металлолома, костей и прочего вторсырья, то этих денег едва хватало на дешёвые сигареты, пончики и кино. А очень хотелось попасть в парк. Там по вечерам с мая и до осенних холодов собиралась молодёжь всего города. Танцы под духовой оркестр, киножурналы и фильмы в Летнем кинотеатре и ещё много других интересных развлечений.

И все же мы почти каждый вечер ходили туда, но не с парадного входа, а с противоположной стороны, через забор. Нас таких набиралось немного. Младшие по вечерам в парк не ходили, а старшие шли с девушками и покупали им билеты. И всё равно, то ли ради соблюдения порядка, то ли из-за нежелания терять, пусть маленькие, кассовые доходы, с нами, безбилетниками, велась активная “воспитательная работа”.

Её результаты первым ощутил Толик. Как обычно, он подпрыгнул, вцепился за верх забора, но вдруг вскрикнул и свалился на землю. Из зажатого кулака левой руки капала кровь. Оказалось, поверх стены забора налили битум и воткнули в него острые осколки стекла.

Но желание попасть в парк сильнее этого препятствия. Перевязываем руку платком, булыжником сбиваем стёкла и преодолеваем забор... А через какое-то время нас ждёт новый сюрприз. На этот раз пострадали все. Прислушавшись, нет ли засады, осторожно

перелазим через забор и, пробравшись сквозь кусты, выходим на освещённую фонарём дорожку. «О, что это?!» – наши белые, наглаженные рубашки в чёрных масляных пятнах. Работники парка придумали облить кусты, которые растут вдоль забора, мазутом.

Потом были другие хитрые ловушки, о которые мы рвали свои единственные «парадные» штаны и рубашки и даже калечились, но культуру посещения парка нам так и не привили. А годы спустя вход в парк стал свободным, но изменились нравы, интерес к парку пропал, и он пришёл в запустение.

Это будет позже. Тогда же, с другой стороны пустыря, пустыми глазами смотрела бывшая гимназия – до войны самое красивое здание в городе. Её взорвали немцы вместе со своими тяжелоранеными солдатами, в спешке уходя из города. После войны эти развалины ещё долго будут любимым местом для беспризорников, урок и ворон. Вороны любили селиться и в казармах, построенных гренадёрами Суворова, они стояли тут же, за гимназией. Воронье карканье постоянно висело в воздухе.

Может, поэтому обыватели не очень стремились сюда в церквушку, которая, как сирота, одиноко стояла на этом заросшем бурьяном пустыре. Многие прихожане ходили помолиться в большой храм в ближайшее село.

Только на Пасху, на всенощной, здесь собиралось много народу. Всенощная для нас, разновозрастной шпаны, была настоящим праздником. Мы разжигали большой костёр из разобранных заборов и калиток, на что уходило много сил и энергии, особенно, когда приходилось уносить ноги от разозлённых хозяев.

От такой активности и постоянного недоедания наши желудки были крепкими и всегда пустыми, а здесь столько соблазнов! Мы сновали между рядами прихожан, в руках которых были корзины с яйцами, куличами, колбасой и другими пасхальными приношениями, приготовленными для освящения. Чесночный запах домашней колбасы и ванильных куличей до того щекотал наши ноздри, что мы дурели и теряли всякий стыд. Стоило кому-нибудь из прихожан вздремнуть,

ВИКТОР ВДОВИЧЕНКО. ПОЛЁТ К ЗВЁЗДАМ, СИРЕНЬ.

Два рассказа

как содержимое кошёлки становилось нашей добычей, и бедная старушонка, в душе кляня нас всеми чертями ада, спешила домой, чтобы пополнить опустевшую корзину.

До конца службы мы не дотягивали, нас рассеивала милиция. Мы боялись быть задержанными – тогда в школе неприятностей не избежать и от родителей тоже. На всенощной я был всего один раз.

Как раз в этом учебном году у нас в школе и появился новый ученик Дима. Он был какой-то странный, совсем не похож на нас. И странным было то, что они поселились в поповском доме.

Этот дом отличался какой-то архаичностью: одноэтажный, приземистый, с непропорционально большой ржавой крышей. Ставни с улицы были всегда закрыты, а крылечко нерабочего парадного входа держалось на одной колонне, словно старик с клюкой присел в густой тени лип отдохнуть и, нахлобучив по самые глаза выцветшую потёртую шляпу, уснул.

Дом, похоже, был ровесником той церкви, которую взорвали на площади. Наверное, и здесь когда-то раздавался детский смех большой поповской семьи. Но до приезда Димы на этом дворе я никогда не видел детей. Большой двор покрывал зелёный ковёр из спорыша и калачиков. На нём, как нарисованные, белели тропинки: одна вела к калитке, другая к сараю. Сарай – ровесник дома, только ещё больше покосился – стоял в противоположном углу двора. Во всём здесь чувствовалось что-то неживое, давно отжившее.

Тут не было привычных нагромождений сарайчиков и будок. Не было огородов, грядок, фруктовых деревьев, клумб и цветов, как у любого другого дома. Разве что за исключением квартала на короткой центральной улице, где вплотную друг к другу лепились всякие мастерские, конторки, парикмахерские и лавочки вперемешку с коммуналками, в которых жили сапожники, портные, жестянщики, парикмахеры и продавцы. Там даже запахи были свои, особенные..

Лишь однажды весной, когда зацвела сирень, поповский дом преобразился, теперь он выглядел как старый больной муж возле цветущей красавицы-жены.

В городе сирень росла возле каждого дома. Её любили за красоту, за аромат и неприхотливость – воткни корешок весной, а через время там будет куст. Но таких зарослей, как у поповского дома, не было нигде. Она разрослась между домом и сараем, спустилась в небольшой овражек, перелезла через забор на улицу и заполонила бы весь двор, но тропинка, ведущая к сараю, не пустила её дальше. Сирень вплотную прижалась к стене дома и, казалось, заглядывала в окна через щели в ставнях, словно пыталась выведать его секреты.

Когдаходишь к дому, нельзя было не остановиться здесь, чтобы не полюбоваться бушующим морем сирени, чтобы не насладиться её ароматом, перебивающим даже запах стоков на дне овражка. Если немного постоять, то можно было увидеть, как лица у вечно грустных обывателей, прогуливающихся по улице, становились светлее.

Сирень тут никогда не трогали, возможно, с того далёкого времени, как батюшка посадил первый росток. И мы, при нашем неумном любопытстве, туда тоже не лазили. Только собаки протоптали в густых зарослях узкие тропинки...

От поповского дома до школы было недалеко, но Диму всегда приводила в класс бабушка и после уроков она же забирала его домой. Это было очень странным, потому что нас за руку приводили в школу один раз – первого сентября. В другой руке мы несли чернильницу в мешочке на веревочке и букет из астр. Потом мы иногда приводили в школу своих пап, у кого они остались после войны, или мам – после того, как учительница, выставив за дверь, бросала вдогонку: «Без родителей в школу не приходи!»

Дима был болезненным мальчиком. У него даже в классе шея была замотана шарфом. На малых переменах он не играл с нами в снежки, а в большую перемену к нему приходила бабушка, она отводила его в угол коридора и кормила яблоками, даже зимой, и бутербродами. Дима жевал бутерброд так медленно, что невозможно было смотреть.

До этого я только один раз пробовал такой бутерброд у нашей учительницы. Мне как-то

Васька похвастался, что она пригласила его домой на дополнительные занятия, он отставал по языку. Пока он учит правила, она готовит кушать, а потом угощает его булочкой, не с маргарином или комбижиром, а настоящим сливочным маслом. Такое масло: желтое, завернутое в свежий зеленый капустный лист, источало особенный запах. Его продавали на колхозном рынке в базарные дни. К булочке учительница даёт чай, тоже настоящий (мы обычно заваривали веточками малины), а варенье можно брать ложечкой с вазочки.

Я представил себе белую-белую булочку со сливочным маслом и ароматным земляничным вареньем. Захотелось быть на месте Васьки, даже досадно стало, что по языку у меня всё в порядке. И тогда со следующего дня в моих тетрадках появилось много ошибок, и даже «двойки». Вера Ивановна очень удивилась и огорчилась, зато я попал к ней на дополнительные занятия. Но это было лишь один раз, потому что потом с нами уже пошёл Толик и, то ли учительница догадалась сама, то ли кто-то проболтался, но она больше не угощала нас бутербродами. Дополнительные занятия стали неинтересны, и я перестал на них ходить. «Двойки» же сами по себе исчезли.

А Дима почему-то отставал по арифметике, хотя сидел дома, старался, и бабушка постоянно помогала ему перед уроками и на большой перемене. Может, потому, что бабушка занимала его время на переменах, мы мало с ним общались и о нём почти ничего не знали. Потом этот случай...

Мы с Васькой во второй половине дня возвращались из центра. Тогда были перебои с хлебом, и, бывало, за одной булкой рыскаешь целый день по городу. Вот и сегодня, простояв полдня в очереди, ушли домой ни с чем. Поравнявшись со школой, мы вдруг услышали взрыв – где-то в районе поповского дома.

– Похоже, кто-то разрывной пулей о стенку, – предположил Васька.

– Нет, это сильнее, так было слышно, когда у тётки Марфы корова на mine подорвалась, – возразил я.

– Да, похоже, – согласился он. – Побежали, по-смотрим.

Во дворе поповского дома уже стояло несколько человек, и было очень тихо, только где-то в густой кроне над самой головой изредка каркала испуганная взрывом ворона.

Мы осторожно подошли, ступая по мягкой траве. Крыша, угол дома были побиты осколками и в окнах выбиты стёкла. Под стеной белела осыпавшаяся штукатурка. На зелёном ковре двора что-то лежало под двумя простынями. Рядом, как огромный букет, лежала срезанная осколком ветка сирени.

Появился милиционер. Он молча подошёл и приподнял простыню, что была ближе к нам. Под ней лежала молодая женщина. Её густые чёрные волосы рассыпались по зелёной траве и словно чёрной рамкой обрамили бледное лицо. Глаза были закрыты, и казалось, что она в глубоком обмороке.

Милиционер опустил простыню и открыл то, что было ближе к нам. Я сразу отвернулся. Мне стало плохо – то ли от голода, то ли от того, что я увидел. Тошнотворный комок подкатил к горлу. На земле лежал кусок кровавого месива. Там лежало то, что ещё совсем недавно было весёлым Диминим братом...

Потом бабушка расскажет, как всё это случилось. Она сидела с его мамой на скамейке. Мама держала на руках маленькую сестричку. Дима с братом играли в прятки.

И вдруг Димин брат выбежал из зарослей сирени с каким-то блестящим предметом в руке и, счастливый, побежал к маме показать находку.

– Мама, мама, смотри, что я нашёл!

– Брось немедленно! – крикнула она и отвернулась.

Он бросил себе под ноги. Прогремел взрыв...

Дима скончается в больнице от ранения в голову, так и не приходя в сознание. Бабушка, раненная в ногу, будет всегда ходить с палочкой. А на сестричке нет даже царапины. Когда-нибудь она узнает, что мама успела отвернуться и закрыть ее собой, а один осколок попал ей прямо в сердце.

Была весна. У поповского дома цвела сирень...

ВИКТОР ВДОВИЧЕНКО. ПОЛЁТ К ЗВЁЗДАМ, СИРЕНЬ.

Первые памятники якутской литературы

Валентина СЕМЕНОВА,
кандидат филологических наук,
доцент СВФУ им. М.К. Аммосова

«Воспоминания»

Художественный очерк Афанасия Уваровского

Первым памятником якутской письменности и художественной литературы является очерк «Воспоминания» (1848), написанный А.Я. Уваровским по просьбе выдающегося ученого-тюрколога О.Н. Бётлингга. «Воспоминания» впервые были опубликованы в 1848 г. в составе классического труда О.Н. Бётлингга «О языке якутов»¹. Уваровским для издания также были представлены краткий вариант якутского эпоса олонхо «Эр Соготох», перевод из финской руны «Песня чухонки» и якутские загадки.

Афанасий Яковлевич Уваровский родился в 1800 г. в Жиганске. Переехав в Якутск, трудился губернским секретарем, чиновником особых поручений при областном правлении. В 1820-ые гг. Уваровский, выполняя поручения начальства области, совершал длительные поездки: в Удской острог, Олекминский и Вилюйский округа. В 1840 г. Афанасий Яковлевич выехал в Петербург, где в марте 1846 г. познакомился с выдающимся ученым-тюркологом О.Н. Бётлинггом. Материалы, представленные Уваровским, стали основным источником для написания фундаментального исследования ученого о языке якутов, а также вошли в

«Якутско-немецкий словарь», содержащий около 4000 слов. Активно помогая в работе ученого, он оказал тем самым большое содействие в изучении и развитии якутского языка и стал автором первого литературного памятника. Из содержания письма автора к именитому ученому видно, что О.Н. Бетлингк сам попросил Афанасия Яковлевича ознакомить читателей со своей жизнью, раскрыть характерные черты быта и нрава якутов. И под пером талантливого человека жизнь нашла самое полное отражение.

«Воспоминания» стали известны якутскому народу лишь с середины XX в., когда в 1947 г. Якутское книжное издательство выпустило их отдельной книгой. Первое исследование «Воспоминаний» как художественного произведения принадлежит одному из первых якутских литературных литературоведов и критиков Н.М. Заболоцкому. В статье «Первый литературный памятник на якутском языке» (1947) критик дал высокую оценку сочинению А.Уваровского, считая его произведением особого рода, где художественное творение сопряжено с научно-этнографическим сочинением².

Обстоятельный научно-теоретический анализ произведения был проделан писателем Н.А. Габышевым, издавшим книгу «Афанасий

¹ Böhlingk O. Jakutisch – Deutsches Wörterbuch // Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten. I. Jakutischer Text. = Бетлингк О. О языке якутов. Спб., 1848. – 96 с.

² Уваровская. Ахтыгылар / Составитель и автор Предисловия Н.М. Заболоцкий. – Якутск: Госиздат, 1947. – 66 с. – С. 9.

Уваровский и его «Воспоминания»³. На основе всестороннего изучения творчества А. Уваровского он пришел к следующему выводу: «В истории якутской литературы «Воспоминания» Уваровского занимают особое и исключительное положение: это первый памятник якутского языка и якутской художественной литературы... Ценно оно еще и тем, что в нем впервые на якутском языке автору удалось передать движение души человека, его внутренний мир, переживания». Языковым, стилистическим и художественным достоинствам сочинения посвятив несколько своих трудов⁴ языковед П.А. Слепцов, отметивший: «А.Я. Уваровский навсегда вписал свое имя в историю якутского народа и Якутского края своими «Воспоминаниями» – первым оригинальным мемуарно-автобиографическим и этнографическим сочинением на якутском языке, исключительно ценным и уникальным по содержанию»⁵.

Таким образом, по словам исследователей, «Воспоминания» можно рассматривать и «как памятник письменности, и как литературное произведение, и как источник этнографических, фольклорных, исторических и географических сведений. И это тоже делает произведение Уваровского уникальным в своем роде»⁶.

Созданию правдивого, искреннего, проникнутого горячей любовью к народу очерка содействовало, очевидно, знакомство Уваровского с творчеством

представителей «натуральной школы» – авторов «физиологического очерка». Многими исследователями жанр «Воспоминаний» Афанасия Уваровского определяется как художественный очерк. Соглашаясь с тем, что наиболее характерной чертой очерка выступает фактографичность и документальность, литературоведы считают, что жанр очерка следует отнести в первую очередь к жанрам литературы и соответственно анализировать его именно как литературное произведение. В очерке, являющемся разновидностью художественно-публицистических жанровых форм, как и в художественном произведении, во главу угла ставится сам человек, его внутренний мир, восприятие окружающей действительности.

Исследователь жанровых особенностей современного башкирского очерка Ф.Б. Юнусова выделяет следующие отличительные признаки очерка как жанра: 1) документальность, которая, однако, не исключает использования художественного вымысла и творческого воображения в соответствии с теми целями и задачами, которые ставит перед собой автор; б) существенная роль в структуре произведения авторской идеи, авторского видения объекта художественного исследования; в) соединение научно-познавательного, рационально-логического и художественного, эмоционально-образного начала в отображении явлений действительности. Исследователь считает, что данные черты очерка дают основание считать его синтетическим жанром, соединяющим в себе художественность и документальность, острую злободневность и строгость научного исследования⁷.

Как известно, наибольшего расцвета жанр очерка в русской литературе достиг в первой половине XIX в. По всеобщему признанию, наиболее значимым произведением, оказавшим существенное влияние на всю последующую

3 Габышев Н.А. Афанасий Уваровский и его «Воспоминания»: пособие для учителя. – Якутск: Бичик, 1995. – 64 с. – С. 59.

4 Слепцов П.А. Заметки о языке «Воспоминаний» А.Я. Уваровского // О.Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». – Якутск, 1973. – С. 186-207; Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 33–44.

5 Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сборник научных статей. Ред. П.А. Слепцов и др. – Якутск, 2000. – 128 с. Слепцов П.А. Проблемы и задачи изучения наследия, жизни и деятельности А.Я. Уваровского. – С. 3.

6 Емельянов И.С. «Воспоминания» А.Я. Уваровского как первый письменный литературный памятник / Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – 128 с. – С. 25.

7 Юнусова Ф.Б. Жанровые особенности современного башкирского очерка (1980–1990-е годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кфн. Уфа, 2009. – 22 с. С. 16.

Первые памятники якутской литературы

русской публицистику, стало появление произведения А.Н. Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” (1790). Его принципы построения очерка, строгое следование фактам, документальность, яркая художественная образность стали образцами для последующего поколения российских публицистов: А. Грибоедова, М. Лермонтова, Н. Некрасова, А. Герцена и других.

Формирование очерка как оперативного жанра, призванного расширить тематический диапазон литературы, открыть новые пласты национальной жизни, совпало по времени с борьбой критика В.Г.Белинского за новое, критическое направление реализма в русской литературе, за «натуральную школу». Деятельность писателей «натуральной школы» означала новый этап в демократизации русской литературы, расширении ее тематики, обращении пристального внимания на жизнь, быт, психологию «маленького человека», задавленных нуждой, униженных бесправием низов крепостного общества. Как отмечает П.А. Мезенцев, изображая действительность, писатели «натуральной школы» стремились раскрыть ее внутренние противоречия и показать антигуманистический характер существующих общественных отношений⁸.

По мысли В.Г. Белинского, задачей беллетристики было воссоздание в форме очерков, путевых заметок, рассказов российской действительности во всем ее социально-экономическом, этническом и географическом разнообразии. В своей программной статье «Физиология Петербурга» В.Г. Белинский писал: “При... качественной бедности и числительном богатстве у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев, в которой коренное русское народонаселение представляется такою огромною массою, с

⁸ Мезенцев П.А. Белинский и русская литература. М., Просвещение, 1965. – 344 с. – С. 295–296.

таким множеством самых противоположных и разнообразных пластов и слоев, пестреющих бесчисленными оттенками...”⁹

Требования великого критика изобразить «толпу», «людей низших сословий» как главного объекта литературы, расширить социально-этнический и географический диапазон литературы нашли живой отклик в творчестве Афанасия Уваровского, по воле судьбы оказавшегося в то время в литературной столице страны. По мнению исследователя Н.А. Габышева, «Воспоминания» Уваровского совпали с одним из главных заказов того времени на создание автобиографий, мемуаров и стали произведением, всецело вписывающимся в литературный процесс 1840-ых гг. Исследователь первым в якутском литературоведении определил, что очерк был написан в духе «натуральной школы», т.е. стал правдивым рассказом о своем времени¹⁰. Литературовед И.С. Емельянов также отметил, что во время написания «Воспоминаний» в русской литературе был чрезвычайно развит именно мемуарный жанр, жанр путевого очерка, очерка нравов: «Примечательно, что издание книги Уваровского по времени совпадает с выпуском знаменитого сборника “Физиология Петербурга”, в котором на первом месте реализм, верность жизненному факту, непосредственные впечатления самого автора»¹¹.

Произведение А. Уваровского трудно отнести к какому-нибудь конкретному виду очерка, скорее он синтетичен и в нем присутствуют черты всех разновидностей жанра. Во-первых, само название «Воспоминания» позволяет отнести его к мемуарному жанру, где автор, чей образ совмещен с лирическим героем,

⁹ Белинский В.Г. Физиология Петербурга (вступит. статья). – Собр. соч. в 9 т. Т.7. – М., 1981. – С. 121.

¹⁰ Габышев Н.А. А.Я. Уваровский и его “Воспоминания” / Тобуроков Н.Н., Васильев Ю.И. О жизни и деятельности Афанасия Уваровского: статьи. – Якутск: Бичик, 2011. – 80 с. – С. 20.

¹¹ Емельянов И.С. «Воспоминания» А.Я. Уваровского как первый письменный литературный памятник / Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – 128 с. – С.27.

повествует о своей жизни, окружающей его действительности, людях, встреченных им на жизненном пути. Раскрывается внутренний мир и драматизм сложной внутренней борьбы лирического героя, пытающегося найти свое место в жизни. Очерк Уваровского отличается и глубоко личным, субъективным авторским взглядом, где немало мест отведено лирическим отступлениям. Во-вторых, в жанре путевого очерка подаются развернутые описания поездок и путешествий героя в труднодоступные и отдаленные места округа. Автор, повествуя о происходивших во время путешествия событиях, дает представление об образе жизни, отношении к миру северных народов, а также о географических особенностях районов Якутии. Страницы о путешествиях героя отличаются занимательностью, подробностями описаний. В-третьих, вторую половину «Воспоминаний», безусловно, можно отнести к научно-этнографическому очерку, где на широком фактографическом материале, с использованием статистических и географических данных даются сведения о жизни, обычаях и быте якутов первой трети XIX в.

В художественном плане наиболее ценную часть представляет первая половина очерка, где автору удалось передать сложный внутренний мир человека, его восприятие окружающей действительности. В произведении мемуарного жанра Уваровский создал свой собственный портрет, выразил наиболее дорогие уму и сердцу мысли.

В качестве эпиграфа Уваровским были выбраны две якутские пословицы «Счастье и несчастье идут вместе с человеком» и «Зерно становится мукой, если оно мелется», которые и выразили основную идею произведения, повествующего о человеке и превратностях его судьбы.

Лирический герой с рождения воспитывался в атмосферелюбви. В ярком образе матери писатель сумел показать ее высокую нравственность и добродетель. Глубоким психологизмом отличается лирическое отступление, посвященное к матери. В ней с наибольшей силой обнаруживается любовь к родному человеку и проявляются личные чувства автора. «Похоронив

двенадцать детей, рожденных ею, – пишет автор, – и своего любимого мужа, моя мать жила воодушевленная только мной. ... Добрая мама! Мы не виделись под этим солнцем ни одного дня без нужды, ты не жила счастливой жизнью: твоим счастьем были единственно твои добрые дела. За эти твои деяния ты будешь счастлива в светлом царстве верхнего мира» (16; 82). Высокую оценку дал этим строкам первый исследователь творчества Уваровского Н.М. Заболоцкий: «Описание Уваровским смерти матери и проникновенные слова, посвященные ей, по глубине чувств и лиричности являются самыми яркими страницами его произведения. Эти строки есть одно из лучших творений якутской литературы»¹².

Писатель, по условиям своего воспитания, был близок к народу и органически впитал народную культуру. В Кильдямцах он жил среди якутов, с малых лет перенял их образ жизни: играл в подвижные игры, исполнял олонхо, участвовал в национальных празднествах, укрощал коней, охотился. Якуты его горячо любили и везде принимали за своего. Их бесконечное уважение и преклонение сыграли впоследствии роковую роль в судьбе чиновника. Мать перед своей смертью просила сына уехать за пределы родины, считая, что особое положение сына у народа вызовет сильную зависть и недовольство среди сослуживцев. По возвращении на родину, как и предсказывала мать, Уваровский на долгие годы попал в опалу – местные власти его невзлюбили, одно время он находился даже под следствием в тюрьме.

Можно полагать, что сложные жизненные обстоятельства повлияли на характер и психологию автора. В «Воспоминаниях» Уваровский признается: «Я чужой для всех людей, везде я временный гость». Н.А. Габышев отмечает: «Уваровский чувствовал себя “лишним”, “никому не нужным”, жаловался

¹² Заболоцкий Н.М. Сахалы суруллубут маннайгы литературнай пааматынньык / Заболоцкай Н.М. Учаркарлар. Ыстатыйалар. Бэлиэтээннэр (Саха литературатын историятыттан). – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 392 с. – С. 257.

Первые памятники якутской литературы

на свою одинокую скитальческую жизнь. Пессимистические нотки, нотки одиночества, безвременья отнюдь не случайны в его творчестве. Уваровский не имел близких друзей, семьи, не знал радостей любви¹³. Исследователь И.С. Емельянов подтверждает: «А.Я. Уваровский создает образ, который можно сравнивать с распространённым героем русской литературы того времени – это так называемый «лишний человек». Можно смело утверждать, что автор «Воспоминаний» несет в себе некоторые черты данного типа. Он чувствует свое одиночество в окружающем мире»¹⁴.

Настроение героя чувствуется в лирическом отступлении, наполненном искренним и глубоким чувством: «Зачем ты, мое сердце, так любишь широкий простор? Зачем ты тоже волнуешься от вейний высшего божества? Разве для того только, чтобы мучить меня? Судьба! Ты тоже в ответе: родив меня в стране вечной мерзлоты, зачем ты не дала мне бесстрастное, холодное сердце? Тогда бы я жил в окружении родной природы и по обычаю сородичей довольствовался малым и был бы счастлив.

Такова моя жизнь в подсолнечном свете. Вы не найдете в ней ни славных дел, ни новой родины, ни новых людей. Не было всего этого в моей судьбе»¹⁵.

Недовольство автора своей жизнью могло вызвать и то обстоятельство, что, как думающий человек и борец за справедливость, Уваровский не мог быть доволен своим положением в обществе и удовлетворен существующими порядками в Якутии. С одной стороны, будучи представителем царской администрации, он вынужден был часто исполнять тягостные для

местного населения поручения – обложение бродячих эвенков ясаком, борьба с незаконной торговлей... С другой стороны, он видел своими глазами неблагоприятные обстоятельства, в которых живет местное население. Социальные противоречия в обществе, равнодушие властей к судьбам простых людей нашли свое отражение в очерке. Реальную оценку действительности мы можем прочувствовать в его осторожных высказываниях: «Из-за неумелого управления тойонов жизнь якутов с каждым годом становилась все трудней» [С.21].

Главный герой произведения представляется читателям человеком честным, благородным, культурным, обладающим незаурядными способностями, истинным патриотом своей малой родины. Он несет в себе традиционный православный идеал заступника: везде выступает защитником слабых и обездоленных, стремится быть полезным им.

Демократизм писателя раскрывается в его стремлении к изображению людей из народа. Во время своих путешествий в отдаленные районы округа, наблюдая за бытом, жизнью населения, не понаслышке знал их проблемы и чаяния. Живое созерцание быта и образа жизни и простого народа, и власть имущих, обширные знакомства и общение с представителями различных сословий давали ему реальные знания о действительности. Незаурядную природную наблюдательность и особенное внимание он проявляет в отношении простых представителей народа: русских казаков, якутских и эвенских проводников.

Большой достоверностью отличаются его описания трудовых будней проводников. Его герои – обыкновенные люди, в своем деле исключительно трудолюбивые, добросовестно относящиеся к своим обязанностям, знающие все хитрости и тонкости и выработавшие в этом деле свою мудрость. Они хорошо знают и добросовестно выполняют свое нелегкое дело. Безымянные герои произведения умеют спать в трескучие морозы под открытым небом, по скользкому гладкому льду и сложным горным тропинкам уверенно ведут навьюченных ло-

¹³Габышев Н.А. А.Я. Уваровский и его «Воспоминания» / Тобуроков Н.Н., Васильев Ю.И. О жизни и деятельности Афанасия Уваровского: статьи. – Якутск: Бичик, 2011. – 80 с. – С.19.

¹⁴Емельянов И.С. «Воспоминания» А.Я. Уваровского как первый письменный литературный памятник / Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – 128 с. – С.29.

¹⁵Уваровской А.Я. Ахтылылар. Составители Васильев Ю.И., Жожикова Л.В. Перевод с немецкого на русский Рассадина В.И. – Якутск: Бичик, 2003. – 208 с. – С.110.

шадей, могут отыскать потерявшихся оленей в бескрайних просторах тундры, подвергая свою жизнь смертельному риску, плывут за помощью по бурной реке. Автор убедительно показывает их выносливость, выдержку, сноровку и навыки.

Воссозданию внутреннего мира, психологического состояния и раскрытию образа героя в произведении способствуют эмоциональные авторские отступления, оживляющие спокойное, неторопливое повествование в очерке. Характерно, что лирические монологи героя связаны с острыми, драматическими эпизодами его жизни. Читатель, чувствуя душевный настрой автора, его взволнованное отношение к тем или иным событиям, сопереживает вместе с ним.

Талант Уваровского как писателя проявился в его замечательных пейзажных зарисовках. Картины природы в очерке отличаются разнообразием изобразительных средств, основанных на богатых традициях устного народного творчества. Автор весьма колоритно передает красоту природы посредством эмоционально окрашенных слов, метких сравнений. Поэтической взволнованностью отличаются и описания гор Джугджура: «Бесчисленные широкие реки, берущие начало по обеим сторонам Джугджура и стекающие вниз, кажутся тонкими блестящими серебряными нитями. Когда в дождливый день облака, свисая, налетают подобно туману, они блуждают по высокому Джугджуру и рвутся одно за другого. Эти рвущиеся друг из друга облака лежат на вершине горы и колышутся как пролитая на землю мучная каша» [С.89].

Таким образом, в «Воспоминаниях» впервые в якутской литературе были применены автором приемы художественного изображения природных явлений как пейзажные описания, использование образных сравнений, передача человеческих чувств и переживаний в сплетении с явлениями природы.

Характерной чертой произведения Уваровского является также полное освещение самых разных сторон жизни якутского общества, серьезное внимание к самобытной культуре народа. Автором предпринимаются попытки

охватить многие стороны жизнедеятельности населения, такие, как географические, климатические и природные условия, общественное устройство, социальные отношения, традиционный быт, обычаи.

Наследие зачинателя якутской литературы, уникальное по своему содержанию, достоверности передачи реалий действительности и этнографических разысканий, до сих пор не потеряло своей научной ценности. Афанасию Уваровскому впервые на якутском языке удалось передать движение души человека, тем самым он первым показал образность и богатство якутского языка и доказал широкие возможности использования его для создания художественных произведений.

Труд Афанасия Уваровского, написанный по просьбе известного языковеда О.Н. Бетлингга, стал своего рода образцом для подражания для зарождающихся литератур народов Сибири. Так, в «Образцах народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи», изданных В.В. Радловым в 1866 г. в Санкт-Петербурге, помимо фольклорных текстов тюркских народов Сибири, было включено произведение М.В. Чевалкова «Жизнь Чевалкова» (1860)¹⁶ [113–159]. Примечательно, что первый памятник алтайской литературы, положивший начало национальной письменности, был также написан по просьбе ученого – выдающегося тюрколога В.В. Радлова. Как пишет Э.П. Чинина, В.В. Радлов предполагал использовать сочинение М. Чевалкова как один из источников для своих трудов и думал почерпнуть у него новые для себя слова и выражения и фольклорные материалы¹⁷ [71]. Известно, что М.В. Чевалков оказал посильную помощь ученому в сборе материалов алтайского фольклора. Как и «Воспоминания» Уваровского, произведение Чевалкова стало доступно алтайскому народу лишь только

¹⁶ Чевалков М.В. Чөбөлкөптүү жүрүмү. // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. Часть 1. С.-Петербург, 1866. – 455 с.

¹⁷ Чинина Э.П. М.В. Чевалков – миссионер-просветитель, писатель Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2008. №1. – С. 70–72.

Первые памятники якутской литературы

в 1958 г. Таким образом, М.В. Чевалков вошел в алтайскую литературу только в 60-ые годы XX столетия.

Первый алтайский писатель Михаил Васильевич Чевалков (1817–1901) был священником и широко известным в Сибири миссионером-просветителем. Исследователь жизни и творчества писателя З. Казагачева отмечает, что с христианством Михаил Чевалков связывал распространение просвещения путем внедрения в жизнь своих соплеменников основ современной цивилизации: оседлости, грамоты, новых форм земледелия и совершенствования нравственных начал в человеке¹⁸ [12]. Эстетика его предшественника Афанасия Уваровского была также сформирована под влиянием традиций православной веры, на нравственных постулатах которой воспитывался сам писатель. Уваровский был глубоко верующим человеком, и потому христианское мироощущение пронизывает каждую страницу его произведения. Евангелие было главной книгой Афанасия Уваровского, и он всю жизнь следовал евангельским истинам, ратовал за религиозное воспитание якутов.

М.В. Чевалков внес большой вклад в развитие алтайского просвещения и языкознания. Так, при его активном участии членами Алтайской Духовной миссии были созданы “Грамматика алтайского языка” (Казань, 1869), первый алтайский букварь «Руководство к изучению грамоте» (1868), книги для чтения на алтайском языке, положившие начало алтайской письменности. По этим изданиям Михаил Васильевич сам учил читать сородичей.

Алтайский исследователь Н.М. Киндикова свидетельствует, что в настоящее время у алтайцев имеется оригинал автобиографического повествования, но отсутствует его перевод на русский язык¹⁹ [48]. Таким образом, не зная языка оригинала, в своем исследовании мы вынуж-

жены знакомиться с содержанием и приводить отрывки из произведения по работам Н.М. Киндиковой и З.С. Казагачевой, Ю.И. Васильева²⁰.

В предисловии, написанном в виде письма О.Н. Бётлингу, в труде которого “О языке якутов” и печатались в 1848 году “Воспоминания”, Уваровский признавался: “В течение этой нашей работы ты пожелал ознакомиться из письма по-якутски о моем происхождении, о моей жизни. Вследствие твоего дружелюбия было невозможно не выполнить по силам и это твое желание. Описание своей жизни, которое я называю “Воспоминаниями”, я передаю тебе вместе с этим письмом”. По схеме произведения Уваровского, повесть Чевалкова также начинается с предисловия – его письма к В.В. Радлову. Автор обращается к В.В. Радлову со следующими словами: “Глубокоуважаемый Василий Васильевич! Вы интересовались у меня, где я родился и вырос, как прошло мое детство, что я видел, живя среди народа, и с чем знакомился. И вот сейчас я излагаю Вам то, что видел”.

Воспоминания М.В. Чевалкова отличаются подробностью, бытовыми реалиями. Подобно А. Уваровскому, в своем произведении он рассказывает о своей жизни со дня рождения до зрелого возраста. Художественное воспроизведение событий и фактов чередуется с описанием личных переживаний и чувств автора, которые переданы в автобиографии поэтически тонко. Можно отметить некоторые типологические сходства, перекликающиеся с произведением А. Уваровского. Как пишет Афанасий Яковлевич, он был тринадцатым

¹⁸ Казагачева З.С. Чевалков и его потомки // Наследие М.В. Чевалкова в современном осмыслении. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2008. – 151 с.

¹⁹ Киндикова Н.М. Литературы тюркских народов в научном освещении / Киндикова Н.М. Статьи об алтайской литературе. Горно-Алтайск: А.В.Орехов: издательство и типография, 2010. – 176 с.

²⁰ Казагачева З.С. Чевалков и его потомки // Наследие М.В. Чевалкова в современном осмыслении. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2008. – 151 с.; Киндикова Н.М. Литературы тюркских народов в научном освещении / Киндикова Н.М. Статьи об алтайской литературе. Горно-Алтайск: А.В.Орехов: издательство и типография, 2010. – 176 с.; Казагачева З.С., Васильев Ю.И. А.Я. Уваровский и М.В. Чевалков – авторы первых литературных произведений на якутском и алтайском языках / Тобуроков Н.Н., Васильев Ю.И. – Дьяргыстай. О жизни и деятельности Афанасия Уваровского. Статьи. Якутск: Бичик, 2011. – 80 с.

ребенком в семье и единственно выжившим среди них. Потеряв отца в раннем детстве, он стал особенно близок с матерью. В ярком образе матери писатель сумел показать ее высокую нравственность и добродетель. Мать Михаила Чевалкова умерла, когда сыну было всего 13 лет. Об этом он пишет: «Мать в том же году умерла от горячки. После смерти любимой матери моей мне доводилось меньше смеяться, но больше плакать. Так я с плачем провел два года. В течение этих лет я сам и коров доил, и белье мыл, сам приготавливал всякую пищу».

Исследователь алтайской литературы Н.М. Киндикова отмечает высокую художественность произведения: «Жизненный путь писателя описан кратко, но эмоционально. Личные переживания переданы посредством образных сравнений. К примеру, жажду к знаниям автор описывает таким образом: «От слов отца светло и радостно стало у меня в душе, подобно тому, как в темную ночь светит огонь или в пасмурный день покажется солнце». Книгу он сравнивает с самоцветным дорогим камнем. А процесс чтения Чевалков передает восторженными словами: «Я, подобно птице, собирающей зерна, стал проводить дни в радости».

Характерной чертой произведения Уваровского является полное освещение самых разных сторон жизни якутского общества, серьезное внимание к самобытной культуре народа. Как и Уваровский, воссоздавший в «Воспоминаниях» быт и нравы якутского народа, М. Чевалков описывает обычаи и верования алтайцев, телесов, телеутов, черневых татар, кумандинцев, уклад их жизни, социальные и семейно-бытовые отношения, одежду. Также в произведении вклиниваются воспоминания автора о своих впечатлениях по поводу путешествия по Алтаю, поездки к шорцам в Кузнецк по реке Мрасе, в Бачат, Ыныргу и другие места. Если чиновник Афанасий Уваровский ездил по Якутии по делам службы, то Михаил Чевалков путешествовал в качестве проповедника христианства. Этнографические описания нередко сопровождаются чувствами и мыслями автора, отличающимися образностью

речи: «...они, подобно стаду без пастуха: кто у них богат, того они и почитают как начальника, а кто беден, т. е. как запуганные рабы, боятся суда».

Н.М. Киндикова отмечает, что автобиографическое повествование М.В. Чевалкова состоит из трехслойного текста: во-первых, биографии автора в хронологической последовательности; во-вторых, воспоминаний автора о своих путешествиях по Алтаю, написанных подробно и с этнографической точностью; в-третьих, воссозданной в автобиографии этногенетической памяти народа.

Отличительной особенностью произведения Чевалкова от «Воспоминаний» Уваровского является описание истории телеутов в эпоху Ойротии и Джунгарского ханства: от междоусобицы до вхождения владений телеутов в состав Русского государства. Включение именно этих эпизодов в автобиографию Чевалкова позволило литературоведу З.С. Казагачевой определить жанр этого произведения как автобиографическую повесть. Н.М. Киндикова отмечает, что Чевалков в своей автобиографии нередко тяготеет к очерковому стилю, сохраняя при этом художественную прелесть повествования.

Таким образом, начало литератур якутского и алтайского народов были заложены автобиографическими произведениями, написанными по просьбе ученых-востоковедов О.Н. Бетлингга и В.В. Радлова. Авторы первых литературных памятников А. Уваровский и М. Чевалков были передовыми представителями своих народов. Оба были воспитаны на христианских постулатах, отличались большими знаниями и высокой культурой, прошли нелегкий жизненный путь. Можно отметить, что они оказались большой находкой для именитых ученых. Писатели, будучи наблюдательными и способными от природы, глубоко знали действительность и верно ее понимали. Являясь носителем родного фольклора, по просьбе О.Н. Бетлингга Уваровский записал олонхо об Эр Соготохе, также якутские пословицы и загадки.

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА. «ВОСПОМИНАНИЯ». ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОЧЕРК АФАНАСИЯ УВАРОВСКОГО.

Первые памятники якутской литературы

А Чевалков, владея большим запасом знаний устной поэзии, записал В.В. Радлову для его «Образцов» немало исторических преданий и песен-импровизаций. Оба автора прекрасно владели разговорным народным языком, что позволило им написать первые памятники национальных литератур. Примечательно также, что М. Чевалковым, как и А. Уваровским, были сделаны первые переводы иноязычных произведений на родной язык. В частности, М.В. Чевалковым были осуществлены переводы ба-сен И.А. Крылова.

Композиционная и содержательная схожесть обоих произведений даёт возможность предположить, что автобиографическое произведение М.В. Чевалкова могло быть написано под влиянием художественного очерка А.Я. Уваровского, напечатанного в 1848 г. В.В. Радлов, как и О.Н. Бётлингк, был выдающимся ученым, изучавшим тюркские языки, и он, безусловно, был знаком с его трудами. И, возможно, имея под рукой образец автобиографического очерка, В.В. Радлов мог попросить начинающего алтайского автора описать свою жизнь и быт родного народа.

Таким образом, А.Я. Уваровский и М.В. Чевалков, выполняя свой общественный долг, оказали большое содействие в изучении и развитии языков своих родных народов и стали авторами первых художественных памятников, зачинателями якутской и алтайской литератур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Физиология Петербурга (вступит. статья). – Собр. Соч. В 9 т. Т.7. – М., 1981. – С. 121.
2. Габышев Н.А. Афанасий Уваровский и его «Воспоминания»: пособие для учителя. – Якутск: Бичик, 1995. – 64 с. – С.59.
3. Габышев Н.А. А.Я. Уваровский и его «Воспоминания» / Тобуроков Н.Н., Васильев Ю.И. О жизни и деятельности Афанасия Уваровского: статьи. – Якутск: Бичик, 2011. – 80 с. – С.20.
4. Емельянов И.С. «Воспоминания»

А.Я. Уваровского как первый письменный литературный памятник / Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сб. науч. ст. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2000. – 128 с. – С.25. – С.27.

5. Заболоцкий Н.М. Сахалы суруллубут ма5найгы литературнай пааматынньык / Заболоцкай Н.М. Уочаркалар. Ыстатыйалар. Бэлиэтээһиннэр (Саха литературатын историятыттан). – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 392 с. – С.257.

6. Мезенцев П.А. Белинский и русская литература. М., Просвещение, 1965. – 344 с. – С. 295–296.

7. Слепцов П.А. Заметки о языке «Воспоминаний» А.Я. Уваровского // О.Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». – Якутск, 1973. – С. 186–207;

8. Слепцов П.А. Проблемы и задачи изучения наследия, жизни и деятельности А.Я. Уваровского. – С. 3. Афанасий Уваровский: гуманист и просветитель: Сборник научных статей. Ред. П.А. Слепцов и др. – Якутск, 2000. – 128 с.

9. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – С.33–44.

10. Уваровская. Ахтыылар / Составитель и автор Предисловия Н.М.Заболоцкий. – Якутск: Госиздат, 1947. – 66 с. – С.9.

11. Уваровская А.Я. Ахтыылар. Составители Васильев Ю.И., Жожикова Л.В. Перевод с немецкого на русский – Рассадин В.И. – Якутск: Бичик, 2003. – 208 с. – С.110.

12. Юнусова Ф.Б. Жанровые особенности современного башкирского очерка (1980–1990-ые годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кфн. Уфа, 2009. – 22 с. – С. 16.

Владимир ПЕСТЕРЕВ,
кандидат исторических наук

Намский контрреволюционный заговор – сентябрь 1921 года

Становление и упрочение советской власти в Якутии происходило в условиях острой классовой борьбы между богатыми и бедными слоями общества. Бедные слои населения восприняли установление советской власти как исполнение вековой мечты народа о справедливом, счастливом обществе. Всю свою веками накопившуюся ненависть к богатым они выплеснули в выступлениях на беспартийных конференциях бедноты по изоляции тойонов и кулаков с конфискацией имущества. Советская власть проводила классовую линию политики расчленения и военного коммунизма. Все это вызвало глухой ропот и сопротивление со стороны имущих слоёв якутского общества. В 20-ые годы органами недавно созданного в Якутии Чека было раскрыто несколько заговоров против советской власти. Большинство заговоров были изучены советскими учеными и показаны как результат обострения борьбы за власть. (Об Оросинском заговоре – август 1920 года – читайте в журнале «Полярная звезда», № 12 за 2017 г.).

Малоизученным является “Намский контрреволюционный заговор”, раскрытый в сентябре 1921 года. Он якобы был организован жителями с. Намцы, тойоном М.М. Ядрихинским и начальником милиции И.Л. Ясенецким. Заговор был раскрыт прибывшим из города Якутска А.М. Семеновым – Дексиляховым, выдававшим себя за кулака и сотрудника тайной антисоветской организации.

Дексиляхов – Семенов Алексей Михайлович родился в с. Абага Амгинского улуса Якутского округа в 1895 году. Образование среднее, член Якутского трудового союза федералистов (ЯТСФ) с 1917 года и ВКП(б) с 1920 года. В 1904–1906 годах учился с сельской школе.

В 1917 году был председателем Абагинского улусного комитета общественной безопасности

(КОБ), сельским писарем. С мая по декабрь 1919 года – председатель земельной управы, затем, до мая 1922 года, работал председателем волостного ревкома и инструктором губбюро РКП (б). Организовал вооруженный отряд в Амге в помощь Красной Армии.

В 1922–1924 годах уполномоченный ГПУ в Ленском районе, председатель областного профсоюза «батраков земли – леса». С января 1925 года до марта 1926 года – нарком труда ЯАССР. В 1926–1928 годах возглавлял Среднеколымский окружной исполком, затем направлен на курсы партийных и советских работников в Москву. С августа 1929 года заместитель председателя Комитета Севера при Президиуме ЯЦИК, инспектор Наркомата финансов. В 1930–1934 годах работал уполномоченным Оленеводческого треста РСФСР и одновременно директором Булунского совхоза, в 1934–1935 годах – председатель Якутского горсовета. С апреля 1936 года директор МТС.

Арестован 7 октября 1938 года. Приговорен решением Особого совещания НКВД СССР от 16 сентября 1941 года за «участие в антисоветской организации» к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. В октябре 1941 года из Якутска А.М. Дексиляхов был направлен в Краслаг (Красноярский край). А.М. Дексиляхов – Семенов обратился с жалобами в Военную коллегия Верховного Суда СССР и Генеральному комиссару госбезопасности Л.П. Берия, в которых свои признательные показания объяснял применением к нему физических мер воздействия следователями И.Ф. Ахчагныровым и Ю.П. Мавленко. Как бывший красный партизан, он был противником «аммосовщины» и поэтому отрицает участие в буржуазно-националистических организациях. Решением Особого совещания направлен в п. Эге-Хая на 5 лет. 4 апреля 1942 года прибыл в п. Эге-Хая Янского отделения СВИТЛ (Дальстрой). Умер в лагере 28 апреля 1943

ВЛАДИМИР ПЕСТЕРЕВ. НАМСКИЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАГОВОР – СЕНТЯБРЬ 1921 ГОДА.

года. Реабилитирован посмертно постановлением президиума Верховного Суда ЯАССР от 9 апреля 1956 года.¹

Согласно списка Амгинской беспартийной конференции по изоляции «видных кулаков и тойонов», дополненной сотрудником губчека Н. Зедгенизовым, бывшим полицейским Вилюйского округа, А.М. Дексиляхов был объявлен подлежащим изоляции. (В список Зедгенизова были включены коммунисты, объявленные заговорщиками, националистами, эксплуататорами, активные советские работники Г.Д. Старостин, И.Д. Емельянов, А.Е. Иванов-Кралин, А.Ф. Бояров, И.И. Константинов и другие. В результате вмешательства П.А. Ойунского они были исключены из этого списка. Здесь непонятно, почему включён в список Дексиляхов. Возможно, он выполнял тогда секретное задание Чека.)

...Дексиляхов сумел разговорить 17-летнего деловода Намского волостного ревкома Аргунова. Были арестованы 17 человек. Как написал в своих воспоминаниях И.Ф. Решетников, за 4 дня до выступления были арестованы: Борисов Николай Петрович, Ясенецкий Иван Лаврентьевич, Кузьмин Федот Ефимович, Чумаевский Иннокентий Тимофеевич, Мальцев Илларион Никифорович, Сивцев Егор Павлович, Азаров Михаил Константинович, Азаров Михаил Иванович, Прибылых Егор Ефимович, Прибылых Семен Алексеевич, Корякин Егор Григорьевич, Родионов Алексей Григорьевич, Винокуров Авксентий, Аммосов Павел Никифорович, Ядрихинский Матвей Матвеевич, Аргунов Семен Петрович, Игнатьев Прокопий Васильевич, Охлопков Кузьма Иванович, Харитонов Гавриил.

Основная вина арестованных «заговорщиков» заключалась в несогласии с политикой изоляции тойонов и кулаков, проведенной в Намцах. На состоявшейся в Намцах конференции бедноты было принято решение об изоляции 36 намских тойонов и кулаков с конфискацией имущества. Это были богатые, уважаемые жители Намского улуса и наследов, торговцы, князья, представители национальной интеллигенции. Среди изолированных находились и представители бедноты, выступившие против решения конференции. Назвав «подкулачниками», их тоже решено было изолировать.

Решение конференции было отменено через 2 месяца в связи с введением на территории всей

советской России Новой экономической политики (НЭП) в соответствии с решением 10-го съезда РКП(б), состоявшегося 8–16 марта 1921 года. В работе съезда принимали участие делегаты: с решающим голосом – И.Н. Барахов, с совещательным голосом – П.А. Слепцов-Ойунский и как участник – М.К. Аммосов. Съезд утвердил переход от политики военного коммунизма к НЭП.

Коммунисты Якутии в апреле 1921 года получили довольно подробную информацию о 10-ом съезде РКП(б). Вместе с тем политикой изоляции продолжали проводить. Якутское губбюро РКП(б) под руководством Г. И. Лебедева 29 сентября 1921 года вынесло постановление «Об изоляции тойонов и кулаков». «Враги советской власти» были разделены на четыре категории и подвергались лишению свободы с конфискацией имущества. Для их содержания в районе Мархи был создан концлагерь. (Его месторасположение не установлено.)

Матвей Матвеевич Ядрихинский сумел убежать после ареста. Он был выслежен И.Ф. Решетниковым и зарезан во время поимки. Некоторые из освобожденных «заговорщиков» в годы повстанчества сражались за советскую власть. Один из братьев Прибылых – Георгий Георгиевич, член РКП(б), летом 1920 года был командирован на учебу в Свердловский университет. В мае 1921 года по просьбе М.К. Аммосова и П.А. Ойунского были откомандированы из Москвы обратно в Якутск учававшиеся в столице 8 студентов – в связи с нехваткой советских кадров. В числе их прибыл в Якутск и Г.Г. Прибылых. Он погиб в бою 20 октября 1921 года в районе Кюпского наслега Усть-Майского улуса. В своем письме к родным он написал следующее: «На смену себе оставляю дочь. Надеюсь, что она будет коммунисткой. Что мы недоделали, то они доделают...»²

Заключением прокуратуры Республики Саха (Якутия) от 22 апреля 1992 года по Закону Российской Федерации от 18 октября 1991 года все осужденные по делу Намского контрреволюционного заговора были реабилитированы.

И.Ф. Решетников пишет в своих воспоминаниях о Намском контрреволюционном заговоре следующее: «Осенью 1921 года в начале сентября месяца после побега Толстоухова, Коробейникова и

¹Т.С. Иванова. Из истории политических репрессий в Якутии. Новосибирск. «СО РАН» 1998. С. 135, 174

²Письмо имеется в архиве автора.

* Стиль, орфография и пунктуация документа сохранены.

других, в Намском улусе раскрыли заговор во главе с Ядрихинским Матвеем Матвеевичем и начальником милиции Ясенецким Иваном Лаврентьевичем. Участниками заговора являлись жители разных наслегов Намского улуса. Заговор раскрыли в связи с моим арестом. Начальник милиции Ясенецкий уволил меня с работы по ложному доносу М.М. Ядрихинского о том, что я присвоил себе из Самозагота хлеб, масло, мясо и дело было передано в суд. (Это были продукты, собранные по продрозверстке с Намского улуса. – Прим. автора.) Ясенецкий требовал от меня револьвер и ружье двуствольное, но я не выдал ему требуемое и он меня арестовал. Мой товарищ Винокуров Дмитрий, впоследствии расстрелянный бандитами в 1921 году, нашел место, где меня содержали и освободил с помощью местных коммунистов затем сообщил об организации заговора. Я пошел к уполномоченному Чека Эверстову Г.И. и сообщил о заговоре. Вскоре из города приехал уполномоченный по налогам Семенов-Дехсиляхов и сумел у молодого писаря Аргунова узнать состав организации, цели, задачи и фамилии участников.

В это время ко мне пришел Колмогоров и сообщил, что Ясенецкий требует, чтобы он сдал револьвер и другие боеприпасы. Я предупредил его ничего не отдавать и что они организуют заговор против советской власти и мы завтра ночью будем арестовывать всех. Если он мне не верит, пусть сходит к сотруднику Чека Эверстову Г.И. и спросит у него.

15 сентября 1921 года мы собрались тайно в доме уполномоченного Чека Г.И. Эверстова. Вооружились охотничьими ружьями и тремя трехлинейными винтовками.

Сначала арестовали работников милиции, они сопротивление не оказали. Затем пошли арестовывать начальника милиции Ясенецкого. По пути решили перехитрить его, чтобы схватить его врасплох. Уговорили милиционера Алексеева подойти, постучаться и сказать, что в Никольском селении убийство и нужно срочно выехать. Он согласился. Тогда мы вчетвером пошли и встали за дверь. Милиционер Алексеев подошел к двери и начал стучать. Ясенецкий подошел к двери и спросил: «Что случилось?» Алексеев доложил, что «убийство в Никольском» и нужно ехать. Тогда он отошел от двери и уронил что-то тяжелое на пол. Еще раз подошел к двери и спросил Алексеева: «Один пришел или с кем-то?» Алексеев сказал, что

он один. Ясенецкий открыл дверь, мы ворвались внутрь, зажгли факел, он стоял направо и держал в руках наган. Я вырвал у него наган и мы предъявили ему мандат. Ясенецкий отрицал свою причастность к заговору, твердил, что он боролся за советскую власть.

Мы в эту ночь арестовали всех участников заговора – 15 человек.

Через два дня из ареста убежал Ядрихинский М.М. Мы начали поиск и через трое суток обнаружили его в Тюбятском наслеге, но он не сдавался, убежал и во время преследования был зарезан мною.³

В воспоминаниях жителя Намского улуса Колмогорова И.Н. картина выглядит иначе: ** «Во время уборки 1921 г. будучи нарсудьей Намской волости и секретарем Волбюро РКП(б) я, взяв несколько дней отпуск, поехал домой в Хатын-Аринский наслег косить сено. В начале сентября ко мне на сенокос приехал нарочный с запиской от уполномоченного тов. Эверстова, чтобы я приехал тот же день, что есть очень важное дело. Я верхом на коне поехал т. Эверстову и застал его в здании Волостного Ревкома, где было много народу и в том числе один незнакомый человек. Очевидно приехавший из города, с которым тов. Эверстов перекидывался какими-то недружелюбными репликами и мне показалось, что они имеют какие то враждебные отношение между собой. В конце занятия публика стала расходиться по домам. Эверстов меня предупредил подождать. Когда все разошлись, Эверстов пригласил меня домой, и с нами пошел тот незнакомый приезжий, что удивило меня, ведь они сейчас только что ругались, а идут вместе. По дороге незнакомец оглянулся кругом ища нет ли близко кого и спросил от Эверстова, этот ли Колмогоров и получив утвердительный ответ от Эверстова стал передавать свой разговор с Аргуновым (деловым Волревкома) во время командировки его в какой-то наслег. Приезжий оказался Семенов-Дехсиляхов Алексей и перебранка с Эверстовым оказалась выдуманной, с целью отвлечь какие-либо подозрения. А командировка Дехсиляхова была организована с целью выявления контрреволюционного заговора в Намском улусе. Аргунов состоял в заговоре, а Дехсиляхов выдал себя как кулака-заговорщика с Амги, что у них тоже есть заговор,

³ Воспоминания имеются в архиве автора.

** Стиль, орфография и пунктуация документа сохранены.

Экскурс в историю

имеют много скрытого оружия и т. д. Аргунов молодой парень лет 17–18 этому поверил и рассказал все, что он знал о контрреволюционном заговоре, организованном местным кулаком Ядрихинским Матвеем и начальником Волостной милиции, сыном попа, бывшим колчаковским белогвардейцем Ясенецким. О том, кто такие у них состоят в заговоре и что они должны через несколько дней выступить, перебить всех коммунистов и податься на восток. С востока идет белогвардейский отряд хорошо вооруженный, и что они должны присоединиться к этому отряду недалеко от Якутска.

Подготовку заговорщики вели приготовлением двух ям предназначенных для нас – арестованных советских работников и коммунистов. Ясенецкий этим руководил, через арестованных под видом для расстрела арестованных. Отобрав револьвер у одного самого активного коммуниста милиционера тов. Рыкунова Семена, предложил сдать револьвер Решетникову под угрозой ареста, но Решетников не сдал. Так же предложил сдать револьвер мне и я не сдал, посоветовавшись с Решетниковым и после всего этого мы почувствовали что-то нехорошее и остерегались, особенно от Ясенецкого. Я из дома ездил в село Намцы и каждый раз по разной дороге, т.к. по вечерам Ясенецкий куда-то уходил из дому с ружьем, а также я остерегался от своего соседа Корякина Егора. Были у нас споры на собраниях и на частных разговорах по ряду вопросов классовой борьбы, что создало враждебное взаимоотношение.

За 4 дня до их выступления в средних числах сентября месяца, ночью мы произвели аресты участников этого заговора. Всего 16 человек: 1) Кузьмина Федота Ефимовича; 2) Борисова Николая Петровича, 3) Ясенецкого Ивана, 4) Чумаевского, 5) Мальцева Лариона, 6) Сивцева Егора, 7) Азарова Михаила Константиновича, два брата Прибылых, 10) Корякина Егора, 11) Радионова (сын старухи Меланьи), 12) Винокурова Авксентия, 13) Аммосова Павла, 14) Ядрихинского Матвея, 15) Игнатьева Прокопия, 16) Аргунова Семена. В аресте заговорщиков принимали участие весь состав комячеек, товарищи Дехсиляхов и Константинов Владимир.

Через два дня, после ареста Ядрихинский вечером в темноте просился на улицу, его конвоировал молодой паренек 15 – 16 лет, Харитонов (сейчас Дубинский). Ядрихинский, выходя убежал, конвоир неопытный в обращении с ружьем не мог вовремя выстрелить и в темноте Ядрихинский

скрылся. На выстрел поднялась тревога и сразу все коммунисты за исключением охраны разбежались на поиски Ядрихинского. До Бетюнского налета на расстояние 12 км от села Намцы отцепили в трех местах, от реки Лены до горы на расстояние от 7 до 10 км. В этом отцеплении приняло участие большинство населения трех наслегов, несмотря на темную и холодную осеннюю ночь. Беднота и батрачество быстро одевались и безоговорочно бежали на указанные посты, многие вооруженные дубинами и редко кто был вооружен своим дробовиком. Благодаря этому цепи были наставлены довольно организованно, быстро и энергично, несмотря на это, пользуясь темной ночью Ядрихинскому удалось проскочить через все три цепи и пошел дальше на север. Об этом нам сообщили и я с Решетниковым на паре лошадей поехали на северную сторону улуса. И под вечер увидели мчащегося к нам навстречу галопом всадника, мы сразу узнали во всаднике председателя 1 Модутского наслевкома тов. Колесова Кузьму. Он быстро слез с коня отвел нас в сторону подальше от ямщика и сообщил, что Ядрихинский Матвей скрывается в ихнем наслеге у татарина Хадзея. Об этом сообщила ему теща Ядрихинского, кулачка Шапошникова Ирина, у которой он просил продукты. Тут же мы решили: Решетников собирает людей и окружает дом Хадзея, а я, переодевшись в старуху Шапошникову должен идти к Хадзею. Я так и сделал, переоделся старухой Ириной, взял под мышку сумочку, на вид похожую на продукты, а под мешком держал два револьвера системы «бульдог». В одном было две пули, оба с осечкой, а в другом в барабане три пули из них две тоже с осечкой только один патрон был целым. И в голенище правой ноги был якутский нож. Вечером стало темнеть, когда я дошел к юрте Хадзея, стало совсем темно. И я подумал, что дома два здоровых вооруженных мужика, а я только с одним целым патроном. Вернуться – стыдно перед товарищами, и я, надеясь на авось, смело стал подходить к юрте Хадзея. Дверь была заложена в крючок, я потихоньку постучался. К двери подошел сам Хадзей и тихо спрашивает «Кто?». Я ответил также тихо почти шепотом, что я старуха Ирина, где Матвей? Он ответил, что в лесу в пяти километрах отсюда и отворил дверь. Я вошел и молча стою, в это время Хадзей тоже молча стал растапливать камин, когда стало немного светлее в избе, я своим обыкновенным голосом говорю, чтобы он указал мне доро-

гу и место, где скрывается Матвей. Хадзей тут же стал отпираться, что он никакого Матвея не знает и ничего о нем не говорил.

Я всячески стал его уговаривать и агитировать, что Матвей кулак, а ты бедняк, тебе незачем его скрывать. Это не подействовало, тогда стал ему угрожать и это ничем не помогло. Его жена что-то бормотала по-татарски, но я ничего не понял. Вынужден был объявить его арестованным, револьвер взял наготове. Он просился сходить на улицу. Я предложил ему быстро одеваться, но он очень долго переодевался с неохотой. Я очень остерегался от него, он мог или броситься на меня или убежать. Поэтому я все время был наготове. Выходим на улицу, совсем темно. Я шел сзади, отошли саженей около сорока и я по договоренности с нашими свистнул. По пашне по жниве прибежал человек с ружьем наготове и подойдя саженей около десяти спрашивает: «Где Матвей?» Я ответил, что это Хадзей который скрывает Матвея и не говорит где он. Я поэтому его арестовал. В подошедшем я узнал Михаила Леонтьева. Не заметил как он прицелился и грохнул выстрел из дробовика 10-го калибра. Хадзей с криком в согнутом положении сделал полуоборот и упал вниз лицом и слышно было как кровь выливалась из раны. Я бросился к Леонтьеву и отобрал ружье и пригрозил расстрелять его. Он растерялся, снял шапку и говорит, что председатель насривкома Колесов сказал, что мы его сегодня расстреляем. Я только хотел пугнуть. В это время на шум прибежали все остальные. Наш план после этого в поимки Матвея был сорван, т.к. мы не знали в каком лесу скрывался Матвей. Я тут же ночью арестовал Леонтьева, повез его на паре лошадей к уполномоченному чека Эверстову.

Когда началась гражданская война, зимой Леонтьев записался в наш красный партизанский отряд и был одним из лучших бойцов.

Решетников на другой день с места происшествия поехал дальше на север в Тюбятский наслег к кулаку Макытову, родственнику Матвея. Решетников приехал к Макытову ночью и спрашивает где скрылся Матвей. Макытов сперва не признался, тогда Решетников всех загнал в холодный амбар и запер, предупредив, что он не откроет пока не скажут где Матвей. По освобождении аресто-

ванные вышли из темного амбара с торбозами, намазанными сливками. В темноте, не видя куда наступают, наступили как раз в берестяные турсуки с молоком, где отстаиваются сливки. У кулака Макытова было много дойных коров и весь амбар был наставлен этими турсуками. По указанию Макытовых утром на рассвете Матвей был окружен в лесу, оттуда выбежал и успел добежать до глубокого кочкарника с высокой нескошенной травой, где будучи окруженным, вынужден был скрыться. Решетников, заметив зашевелившуюся траву, побежал туда и наткнулся на Матвея, последний сопротивлялся, и Решетников во время задержания его зарезал ножом. Так закончилась жизнь кулака и руководителя контрреволюционного заговора Ядрихинского Матвея.

По окончании допроса обвиняемых по делу заговора, все арестованные были высланы в Якутск под конвоем и каким-то образом большинство арестованных были освобождены и они приняли активное участие в бандитизме 1921–1922 годов. (Корякин Егор командир отряда, умер в бою под Маганом). Некоторые сидели в тюрьме до весны 1922 года и были амнистированы начальник милиции Ясенецкий, Кузьма и другие».⁴

Как видно из противоречивых воспоминаний непосредственных участников ликвидации Намского контрреволюционного заговора И.Ф. Решетникова, И.Н. Колмогорова, как такового, заговора не существовало. Были лишь разговоры недовольных изоляцией 36 «видных тойонов и кулаков» – согласно решения беспартийной конференции Намского улуса.

Жертвами этого заговора стали «нечаянно» убитые татарин Хадзей и М.М. Ядрихинский.

⁴ Воспоминания имеются в архиве автора.